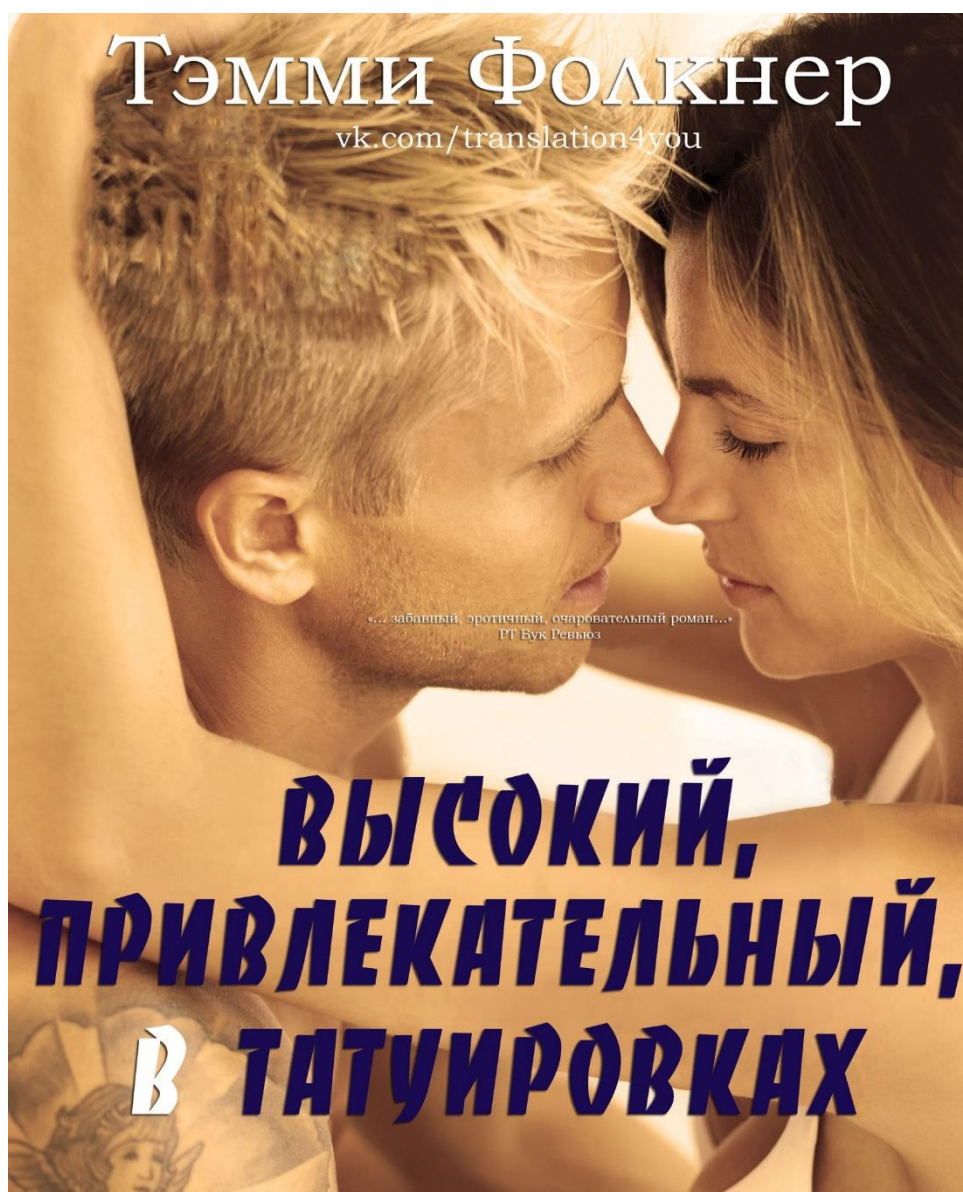

Эта книга предназначена только для предварительного ознакомления и не несёт в себе никакой материальной выгоды. Любое копирование и размещение материала без указания группы и людей, которые работали над книгой, **ЗАПРЕЩЕНО!** Давайте уважать и ценить чужой труд!

Тэмми Фолкнер
ВЫСОКИЙ, ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ, В ТАТУИРОВКАХ
(Братья Рид #1)

Оригинальное название: Tall, Tatted and Tempting by Tammy Falkner

Серия: The Reed Brothers / Братья Рид

Номер в серии: 1

Переводчик и редактор: Екатерина Прокопьева

Вычитка: Катерина Матвиенко, Оля Медведь

Обложкой занималась Изабелла Мацевич.

Переведено специально для группы <http://vk.com/translation4you>.

Аннотация

Она закрыта накрепко. Но, возможно, он тот ключ, который сможет ее открыть. Логан Рид — высокий, привлекательный, в татуировках. Кит — девушка с отличным хуком справа и тайной, которую никто не должен узнать.

Кит хочет сделать тату, и в её рисунке Логан видит больше, чем она желает показать. Он видит в ней то, чего никто никогда не видел.

Этот парень не немой, но уже восемь лет как не разговаривает. Ему и не хочется этого. Пока он не встречается Кит.

Логан ничего не знает об этой девушке. А Кит ничего не знает о самой себе, но все меняется, когда ей приходится пожертвовать всем, чтобы спасти то, чем он дорожит.

Книга содержит ненормативную лексику и сцены сексуального характера, поэтому предназначена для лиц старше 18 лет.

*Посвящается моим личным героям:
Нынешнему герою: моему мужу, Томасу.
Самому первому герою: моему отцу, Гленну Свитцеру.
Героям, которые только этому учатся: Джей-Ти и Стивену.*

Дорогие читатели!

Написав эту книгу, я оказалась в затруднительном положении. Те, кто уже читал мои произведения, знают, что описывать горячие сцены — в моём стиле. И я пишу так, потому что откровенность в таких случаях — именно то, что, как читателю, понравилось бы мне самой.

Как бы то ни было, в процессе написания этой книги мой восемнадцатилетний сын заинтересовался сюжетной линией и попросил дать ему почитать несколько страниц. Чем больше я писала, тем больше страниц он читал, но в конце концов наступил тот момент, когда ему стало неудобно читать дальше. Он спросил, не смогу ли я написать версию «только для него». Нет, он ни в коем случае не скромняга, но ему было гораздо комфортнее с «облегчённой» версией книги. Моя мама тоже обычно пропускает постельные сцены, и она с интересом восприняла мою инициативу написать такой вот специализированный вариант.

В электронном издании книги на английском языке объединены обе версии. Первый вариант — «горячая» версия, которая не предназначена для лиц младше 18 лет, а также тех, кому не нравятся откровенные сексуальные сцены.

Второй вариант — это версия книги для моего сына. Она также ни в коем случае не предназначена для лиц младше 18 лет, так как её содержание — только для взрослых, в том числе использование ненормативной лексики. Но, тем не менее, это «облегчённый» вариант, без откровенных описаний.

Надеюсь, вам понравится выбранный вами вариант, и вы оцените то, что имеете возможность выбрать его сами лично!

С наилучшими пожеланиями,
Тэмми.

От команды, трудившейся над переводом этой книги: Мы считаем, что переводить обе версии — это нерациональная трата нашего времени и сил, поэтому перевели для вас версию, которая «погорячее». А тем, кому откровенные сексуальные сцены не по душе, предлагаем их просто перелистывать. Надеемся на понимание. И приятного прочтения!

Логан

Я не знаю её имени, но она выглядит знакомо. Обтягивающая короткая юбка заставляет меня представлять её маленькую округлую попку. Эта юбка словно создана, чтобы привлекать внимание, и она полностью завладела моим. Я возбуждён так сильно, что мне вряд ли удастся встать из-за стола, за которым мы работаем над рисунками татуировок клиентов. Я опускаю руку и поправляю ширинку, но царапанье металлической молнии по моему члену вряд ли сможет его успокоить. Не стоило сегодня идти без белья. Надеюсь, утром Пол постирал наши вещи.

Её соски торчат под обтягивающей рубашкой; она закатывает рукав, чтобы мне что-то показать. Но я не могу оторвать взгляд от её сисек, хотя пялюсь и так долго. Девушка пихает своё запястье прямо мне в лицо, и я вынужден отвести взгляд. Вот дерьмо. Я попался. Если скажу, что гей, это не поможет. Даже если бы я мог говорить.

Краем глаза я вижу, как двигаются её губы. Она со мной разговаривает. Или просто шевелит губами. Вообще-то, никто не может со мной поговорить, потому что я не слышу. Я потерял слух в тринадцать лет. Вот она снова говорит. Когда я не отвечаю, девушка смотрит на моего старшего брата, Пола, который закатывает глаза и ударяет кулаком по лбу.

— Хватит глазеть на её сиськи, кретин, — говорит он и показывает жестами, а она краснеет. Но, в то же время, её губы дёргаются в усмешке.

Я тоже закатываю глаза и показываю жестами. *Заткнись. Она охрененно красивая.*

Он ей переводит. Я бы застонал, если б мог. С тех пор, как потерял слух, я не произнёс ни звука. Хотя нет, какое-то время я ещё говорил. Но недолго — пока один мальчишка на детской площадке не сказал, что мой голос похож на кваканье лягушки. И с того момента я не разговариваю, совсем. Так лучше.

— Он сказал, что ты красивая, — говорит ей Пол. — Поэтому он так похотливо уставился на твою грудь, словно двенадцатилетний подросток.

Я показываю ему средний палец, а он смеётся, поднимая руки вверх, как если бы собрался сдать копам.

— А что? — спрашивает он, одновременно показывая жестами. Но она-то его слышит. — Если ты хочешь быть грубым и говорить о ней жестами, я буду переводить ей всё, что ты скажешь.

Как будто у меня есть другой выбор, кроме жестов. *Никогда не слышал о секретном коде между братьями?* Я вздыхаю.

— Станешь шептать мне на ухо, придурок, и я оторву тебе башку.

Попробуй, говнюк.

Пол смеётся.

— Романтическая болтовня, — говорит он ей. — Что-то о том, чтобы поцеловать его в зад.

Теперь она уже широко улыбается. Эта улыбка сбила бы меня с ног, если б я не застрял под столом. Она отбрасывает чёрные как смоль волосы с лица и заправляет за ухо вместе с прядью, покрашенной в голубой.

Я вижу, как её рот приоткрывается, готовый заговорить. Но вдруг она смотрит на моего брата.

— Он может читать по губам? — спрашивает девушка.

— Зависит от того, насколько ты ему нравишься, — пожимая плечами, отвечает мой брат. — А ещё, насколько он сегодня ленивый.

Он вопросительно поднимает брови, глядя на меня, а затем его взгляд перемещается на столешницу. Чёрт. Он видел, как я поправлял ширинку.

— И я бы сказал, что ты ему очень нравишься.

В этот раз девушка ещё сильнее зажмуривается, морщась, и улыбается. Она ничего не говорит. Но потом смотрит прямо на меня и произносит:

— Я хочу татуировку.

Она показывает в сторону входа в салон. И продолжает рассказывать, но я не могу видеть, как двигается её рот, потому что она отворачивается. Я хочу последовать за её лицом, вскочить с места, чтобы увидеть движение её вишнёво-красных губ, когда она говорит со мной. Со мной. Бог знает, что она мне говорит. Но я не знаю. Я заставляю себя сидеть на месте. Девушка оборачивается обратно ко мне, замолкая, и её рот округляется.

— Прости, — произносит она. — Ты ведь ничего не разобрал, да?

Она вздыхает.

— Девушка, там, у входа, сказала обратиться за татуировкой к тебе.

Я смотрю на брата: он только что закончил тату, и сейчас у него нет работы. Фрайди — её на самом деле так зовут — смеётся и показывает мне:

— Не стоит благодарности.

Я скребу затылок и ухмыляюсь. Фрайди меня подставила. Она всё время так делает. Но иногда это срабатывает. Всех горячих девчонок она посылает ко мне. И не особо горячих тоже. А также девчонок, которые хотят переспать с глухим парнем, потому что слышали, что он очень даже неплох. Ведь со мной им не придётся болтать. И притворяться тоже, я ведь не узнаю, что за чушь они несут.

И если эта девица здесь лишь для того, чтобы со мной переспать, то можно пропустить весь этот бред с тату.

— Даже не думай об этом, — говорит мой брат. — Она хочет тату. И всё.

Откуда ты знаешь, чего она хочет?

Просто знаю, показывает он. Сейчас он не произносит ни слова. *Даже не пытайся её уложить.*

Я поднимаю руки в знак вопроса — почему?

— Она не из нашего района, — говорит Пол, но показывает «не из нашего круга».

Ох, я понял. Она с другой стороны улицы. Ну и что. Девушка может быть богатой, но ей всё равно понравится то, что я могу для неё сделать. Я тянусь к её руке и мягко сжимаю, чтобы она посмотрела на меня. Переворачивая руку, показываю на запястье. Мои пальцы играют по её переливающимся синим венам под нежной кожей, кончиком пальца я делаю круговые движения, спрашивая её: *Здесь?*

У неё отвисает челюсть, а по всей руке бегут мурашки. О да, в этом мне нет равных!

Я поднимаюсь и касаюсь её шеи сбоку, но она смахивает мою руку, качая головой. Её губы плотно сжаты.

Потом я смотрю прямо на её буфера и облизываюсь. Медленно провожу пальцем по холмику её груди. Беззвучно произношу: *Здесь?*

И тут я даже не успеваю ничего сообразить. Её маленький кулачок обрушивается на мой нос. Девушки шлёпали меня и раньше, но ни одна — в лицо. Твою мать, как больно! Я ощущаю медный привкус крови на губах и вытираю их. Мой нос похож на кровавый фонтан. Пол суёт мне в руки полотенце и откидывает мою голову назад.

Чёрт, всё ещё больно. Брат надавливает на переносицу, я не могу видеть его рот или руки из-за скомканного полотенца, поэтому трудно сказать, разговаривает он со мной или нет. А может, ржёт как конь. Он поднимает полотенце, но кровь снова течёт на губы. Я вижу, как девушка ещё долю секунды стоит со сжатыми кулаками и наблюдает за моими страданиями.

Вот дерьмо, как болит!

Но вот она разворачивается на каблуках своих чёрных ботинок и уходит. Мне хочется крикнуть ей, чтобы она осталась. Я бы даже сказал «извини», если б мог. Не могу даже позвать её обратно. Я начинаю вставать, но Пол толкает меня обратно на стул.

Сядь, показывает он жестами. *Мне кажется, нос сломан.*

Тут я вижу скомканный клочок бумаги на полу. Забираю полотенце у Пола и прижимаю его к носу, показывая на бумажку. Он поднимает и смотрит на неё.

— Это она уронила? — спрашивает он.

Я киваю. Бумага немного отсырела из-за её потных ладоней. Я разворачиваю клочок, чтобы узнать, что там. И вижу замысловатый рисунок; нужно приглядеться, чтобы увидеть, что там скрыто — гитара, порванные струны и странные ангелы. Струны заканчиваются маленькими бутонами. Я переворачиваю картинку, глядя поверх полотенца, которое всё ещё прижимаю к носу одной рукой. Пол заменяет его на другое, чистое. А из носа по-прежнему льёт кровь. Чёрт подери. Я внимательнее смотрю на бутоны. И понимаю, что это совсем не бутоны. А крохотные кандалы. Типа наручников, но в средневековом стиле. Большинство сразу бы оценили, насколько прекрасен этот эскиз. Но я вижу боль. Я вижу то, что она, возможно, вообще не хотела бы показывать.

Чёрт. Я озадачен. Теперь мне больше всего на свете хочется узнать, что означает эта тату. Очевидно, что это больше, чем просто красивый рисунок. Как и она — больше, чем просто красивое личико. Хотя, возможно, всё не так. Она может оказаться той ещё стервой, с таким-то правым хуком, и съесть мои яйца на завтрак, если я не так на неё посмотрю.

Я верчу эскиз в руках и оглядываю салон. Уже поздно, клиентов нет. Ударяя кулаком в плечо Пола, показываю ему рисунок. Потом показываю на внутреннюю сторону запястья. Вся моя рука уже покрыта татуировками, лишь там осталось свободное место. Вообще-то, обе мои руки полностью забиты — мои братья практиковались на мне ещё до того, как это стало законным.

— Нет. — Пол показывает мне нехитрый жест из трёх пальцев. — Ты свихнулся, если думаешь, что я набыю её тебе.

Он уходит в переднюю часть салона и садится рядом с Фрайди. Брат пытается залезть к ней в трусы с её первого дня здесь. Жаль, у неё уже есть подруга.

Тогда мне приходится достать свои инструменты. Я уже делал сложные тату сам себе. Смогу набить и эту.

Пол возвращается ко мне.

— Я займусь ею, — говорит он. — Ведь ты всё равно решил её сделать.

Я поднимаю один палец. *Одно изменение?*

Что ты хочешь изменить? Он смотрит на эскиз, и его брови выгибаются, когда он видит формы и цвета, наручники, гитару и колючие тернии. Интересно, увидел ли он и её одиночество? *Вот ведь херь,* показывает он. Пол никогда не пользуется речью, когда мы вдвоём. И я этому рад. Когда мы одни, мы словно говорим на одном языке.

Я киваю и начинаю протирать руку спиртом, а он надевает перчатки.

Эмили

Прошло уже два дня, как я ударила того придурка в тату-салоне, а моя рука до сих пор болит. Из-за этого сложно играть на гитаре, а сегодня я играю в переходе метро у Центрального парка. Это место — одно из моих самых любимых, здесь много детей, которые останавливаются послушать меня. Им нравится музыка, она заставляет их улыбаться. А улыбки — это то, что осталось в моей прошлой жизни. Я не часто улыбаюсь сама, и нравится мне это ещё меньше. Но я обожаю, когда детки поднимают на меня свои невинные глаза и широко улыбаются. В выражениях их лиц столько надежды. Это напоминает мне о том, какой я была когда-то давным-давно.

Сегодня я решила и петь. Не так уж часто я это делаю. Но у меня правда нет ни гроша. А чем больше внимания, тем больше мелочи уйдёт со мной домой. Хотя «дом» — понятие относительное. «Дом» — это просто место, где я буду спать сегодня ночью.

Я сижу на холодном цементном полу перехода; мимо мелькают ноги, мой футляр от гитары лежит передо мной. В нём уже набралось несколько четвертаков, а маленькая старушка, остановившаяся несколько минут назад, бросила пятидолларовую купюру, когда я играла «Мост над бурными водами»¹. Старушкам обычно нравятся такие песни. Они никогда не знали «бурных вод».

Я в моей школьной форме, потому что когда она на мне, мужчины обращают больше внимания. Это короткая клетчатая юбка и чёрная в обlipку кофта с короткими рукавами, которая обтягивает меня словно вторая кожа. Женщины ничего не имеют против такой одежды. А мужчины её просто обожают. Да уж, тот придурок два дня назад точно не оставил меня без внимания. Хотя, должна признать, он секси. Его плечи шириной в дверной проём, а голова вся в золотистых кудряшках. И он просто возвышался надо мной, когда встал из-за стола, как минимум больше чем на голову. Все его предплечья покрыты татуировками, и это выглядело вроде даже сексуально. На его левой руке виднелись губы, и мне хотелось спросить его, что это значит. Это напоминание о ком-то? Может, о той, с кем был первый поцелуй? А может, у этой тату более глубокий смысл, как у той, что хотелось сделать мне?

Я выронила свой эскиз татуировки, когда выбегала из салона, и это меня злит. Я думала, что он зажат в моей руке, а когда остановилась перевести дух, эскиз исчез. Я почти надеялась, что придурок побежит за мной. Но когда я убегала, он всё ещё истекал кровью.

Я снова встряхиваю рукой, чтобы прогнать боль. Напротив меня останавливается светловолосый мальчик, в его ладонь горстка монет. Он постоянно тут проходит, а его мать как-то остановилась помолиться за меня, поэтому я начинаю играть «Иисус любит меня»². Но это не так. Если бы Он меня любил, то не создал бы такой, какая я есть. Он создал бы меня нормальной. Мать мальчика поёт под мелодию, а мальчик утыкается в её бедро, обнимая всё крепче, пока она поёт. Когда песня заканчивается, он кидает свою пригоршню монеток в мой футляр от гитары, и глухой звук их падения о фетр напоминает шёпот.

Я никогда не благодарю детей и не разговариваю с ними. Не разговариваю я и со взрослыми, если только они не спрашивают что-то особенное. Я просто играю музыку. Иногда и пою, но на самом деле мне не нравится особо привлекать к себе внимания. За исключением сегодняшнего дня, сегодня это необходимо. Я уже скопила триста долларов, которыми могла бы заплатить за ночлег и ту татуировку, но кто-то украл их прошлой ночью в приюте, когда я уснула. Это была моя ошибка — оставить их в кармане, а не переложить в лифчик. Когда я проснулась, деньги исчезли. Не знаю, почему они не взяли и мою гитару.

¹ «Мост над бурными водами» (англ. «Bridge Over Troubled Water») — песня с одноимённого альбома американского дуэта Simon and Garfunkel, выпущенного в начале 1970 г. (Здесь и далее — прим. переводчика).

² «Иисус любит меня» (англ. «Jesus Loves Me») — популярный христианский гимн. Стихи были написаны Энн Б. Уорнер около 1860 г., музыка была добавлена позже Вильямом Б. Бредбери. Гимн исполнялся многими артистами, в т.ч. Уитни Хьюстон.

Возможно, из-за того, что я спала, удерживая её в руках, прижимая к себе, словно мать собственное дитя.

Как бы я хотела, чтобы тату была сделана вчера. Не очень разумная трата денег, но это был мой девятнадцатый день рождения, и так давно для меня никто ничего не делал. Поэтому я собиралась подарить её себе. И в процессе освободиться. Но кого я обманываю? Мне никогда не стать свободной.

Этот город суровый. И подлый. Совсем не такой, как тот, откуда я приехала. Но теперь здесь мой дом. Мне нравятся городской шум и людская суматоха. Нравится, что здесь живут люди всех национальностей. Никогда и нигде ещё я не видела так много разных оттенков кожи, форм глаз, сложений тела.

Маленькая девочка протягивает свою пухленькую ручку, чтобы коснуться струн моей гитары, и я, улыбаясь, перехватываю её ладошку, чтобы взять в свою. Её ручка такая мягкая и немного влажная в том месте, где она сосала свой большой палец мгновенье назад. Я играю с её пальчиками и делаю губами форму буквы «О».

Мать шлёпает малышку по руке резким ударом, и глаза девочки тут же заполняют слёзы. Я думаю, что она не должна была так поступать. Ведь ребёнок не хотел ничего плохого. Но мать уже тащит плачущее дитя к метро, а потом берёт на руки, когда девочка не поспевает за ней.

Я вижу небольшую компанию, ожидающую следующего поезда, и тут один из парней кричит:

— Ты принимаешь заявки?

Я киваю, продолжая улыбаться, и стараюсь играть хорошо. Он снова кричит:

— Тогда ты должна мне отсосать.

Один из его приятелей бьёт его по плечу, и парень смеётся.

Студентик. Мама никогда не учила его хорошим манерам. Я закатываю глаза, но никто не делает ему замечания. Тогда я начинаю играть песню Мэтта Монро «Самое большое желание на свете». Но грубиян не понимает иронии, и они садятся в поезд, остановившийся перед ними.

Платформу заполняют новые люди, только что прибывшие, и я переключаюсь на более популярные мелодии. Деньги падают в мой футляр, и я вижу, как планирует доллар. Я киваю и улыбаюсь проходящей женщине, но она не смотрит на меня.

Рядом с футляром останавливается пара потёртых рабочих ботинок. Я какое-то время смотрю на них, потом поднимаю взгляд на поношенные джинсы и голубую футболку, обтягивающую широкие плечи. И тут я смотрю в те же самые, что и вчера, небесно-голубые глаза. Мой медиатор спотыкается на струнах. Я вздрагиваю. Его глаза сузились, глядя на меня, но он же не мог слышать мой промах, ведь так? Его голова склоняется набок, и я отворачиваюсь всем телом, чтобы смотреть в другую сторону.

Моя пятая точка замёрзла, а ноги болят от долгого сидения на холодном полу. Но больше мне некуда идти. Вчера кончились мои три недели в приюте. Поэтому сегодня нужно найти новое место, где можно будет заночевать. Я гляжу в футляр. Денег хватит только на ужин. И ни на что больше. Поэтому я продолжаю играть.

Ботинки перемещаются, и он снова стоит передо мной. Ядвигаюсь в сторону и смотрю куда угодно, но только не на него. И тут парень плюхается рядом со мной, усаживается напротив, скрестив ноги. На его переносице наклеен пластырь, и я знаю почему. В моей жизни есть всего несколько вещей, которые я могу контролировать, и одна из них — кому можно касаться моего тела. Я говорю когда. Я говорю где. И я говорю с кем. Как в «Красотке». Только Стаки никогда бы меня не ударил. Я бы первая его поколотила. Мне не хочется признавать его присутствия. Но он сидит близко ко мне.

Когда я никак не отвечаю, парень кладёт руку на гитару. Потом указывает на меня и делает движение, будто играет на гитаре. И меня осеняет, что я перестала играть. Но он кинул в футляр двадцатку, поэтому я вроде как должна ему. И я начинаю песню группы «Ван Хален» «Я Лишь Жиголо». Люблю эту мелодию. И люблю её играть. Через минуту он

сводит брови и показывает на свои губы.

Я отрицательно качаю головой, потому что не знаю, о чём он просит. Может, хочет, чтобы я его поцеловала, а может, у меня что-то с лицом. Я вытираю губы тыльной стороной ладони. Нет, не это. Ну а уж другому не бывать.

Парень быстро трясёт головой и вытаскивает маленькую маркёрную доску из заднего кармана.

«Пой», — пишет он.

Я изо всех сил концентрируюсь, чтоб прочесть слово, и к тому же в этом переходе всё только отвлекает, а мне так не хочется, чтобы он снова писал. Я лишь качаю головой. Не хочу поощрять его на писанину. Я прочитала слово «пой», но не могу читать всё подряд. А иногда совсем ничего.

Он подносит свою руку ко рту и пальцами показывает что-то типа «кого-то вырвало». Я отшатываюсь. Но продолжаю играть.

Почему ему так хочется, чтобы я пела? Он всё равно не сможет услышать. Однако я начинаю тихонько напевать. Парень улыбается и кивает. А потом смеётся, когда читает слова песни по моим губам. Он качает головой и показывает мне продолжать.

Забыла, что он может читать по губам. Я могу разговаривать с ним, но он не может мне отвечать. Я продолжаю играть песню до конца, уже несколько человек стоят и слушают. Возможно, мне нужно петь всё время.

Он что-то пишет на своей доске. Но я переворачиваю её и кладу на бетон. Не хочу с ним разговаривать. Лучше бы он ушёл.

Парень хмурит брови и вскидывает руки, но не в смысле «я выбью из тебя дурь». А в смысле «и что мне с тобой делать?» И показывает мне продолжать играть. Его пальцы лежат на корпусе гитары, он как будто чувствует её вибрацию. Но сосредоточился он на моих губах. И это почти раздражает.

Рядом с нами останавливается полицейский и откашливается. Я подсказываю, чтобы собрать свои деньги, и убираю их в карман. Там около тридцати двух долларов. Но это больше пяти центов, которые у меня были, когда я начала. Убираю гитару, а Голубоглазый хмурится. У него такой вид, как будто его только что лишили любимой игрушки.

Он начинает писать что-то на доске и протягивает мне, но я уже ухожу.

Парень идёт за мной и дёргает меня за руку. Все мои пожитки сложены в холщовую сумку, что висит на моём правом плече, а в левой руке у меня гитара, поэтому, когда он хватается меня, я чуть не опрокидываюсь. Но он удерживает меня, быстрым движением снимает сумку с плеча и вешает на своё. Я отчаянно цепляюсь за неё, но он, гримасничая, отдирает мои пальцы от лямки. Какого чёрта?

— Отдай мне мою сумку, — говорю ему, упираясь ногами в пол. Я готова снова ударить его, если потребуется. Но он улыбается, мотает головой и идёт дальше. Я следую за ним, но пытаюсь остановить его — это всё равно, что останавливать скатывающийся со склона огромный валун.

Так он и идёт дальше, а я вешу на его руке, словно обезьянка на липучке. Но вдруг он останавливается и заходит в небольшой ресторанчик в центре города. Я продолжаю следовать за ним, он садится в кабинку, бросая мою сумку на диван в глубине, рядом с собой. Потом показывает мне на противоположный диван. Он хочет, чтобы я села? Я ударила его в нос пару дней назад, а теперь он хочет со мной перекусить? А может, он хочет вернуть свои двадцать баксов. Я лезу в карман и вытаскиваю двадцатку, ощущая её потерю, когда припечатываю банкноту к столу. Его губы сжимаются, он протягивает её обратно, снова указывая на место напротив него.

Запах гриля ударяет мне в нос, и я понимаю, что не ела сегодня. Ни разу. Мой желудок громко урчит. Слава богу, он не может это услышать. Парень снова показывает на диван, забирает гитару из моих рук и задвигает её под столик.

Я сажусь, а он смотрит в меню. Ещё одно он протягивает мне, но я мотаю головой. Тогда его бровь вопросительно выгибается. К нам подходит официантка и спрашивает:

— Чем могу помочь?

Он указывает на меню, и она кивает.

— Будет сделано, Логан, — говорит она и подмигивает.

Он улыбается ей широкой улыбкой. Его зовут Логан?

— А кто твоя подруга? — спрашивает она.

Он пожимает плечами.

Её глаза останавливаются на пластыре на его переносице.

— Что стряслось? — спрашивает она.

Он показывает на меня, потом ударяет кулаком себе в лицо, но при этом ухмыляется.

Официантка смеётся. Не думаю, что верит ему.

— Что вам принести? — спрашивает она меня.

— А что вкусно? — отвечаю я.

— Всё. — Она щёлкает жвачкой, когда говорит со мной. В разговоре с Логаном она так не делала.

— Что ты заказал? — спрашиваю я его. Он смотрит на официантку и хлопает густыми ресницами, обрамляющими его голубые глаза.

— Бургер и картошку-фри, — говорит она.

Слава богу.

— Мне то же самое. — Указываю на Логана: — И платит он. — Я улыбаюсь официантке. Она не выглядит удивлённой. — И ещё рутбир³, — добавляю я в последнюю минуту.

Стоит мне это произнести, Логан поднимает два пальца. Она кивает и записывает.

Потом спрашивает его:

— Раздельный счёт?

Он указывает пальцем себе на грудь, она снова кивает и уходит.

— Здесь тебя знают? — спрашиваю я.

Он кивает. Думаю, самым лёгким в общении с ним будет тишина.

Официантка возвращается с двумя стаканами рутбира, двумя соломинками и чашкой с чипсами и соусом сальса.

— За счёт заведения, — сообщает она, когда плюхает всё это на стол.

Я набрасываюсь на еду, как будто в жизни такого не видела. Сейчас я уже с трудом могу вспомнить, ела ли вчера. Со мной такое бывает. Я так занята выживанием, что забываю поесть. Или не могу себе этого позволить.

— Как твой брат? — тихонько спрашивает официантка.

Он царапает что-то на доске и показывает ей.

— Химиотерапия — штука тяжёлая, — говорит она, потом просит: — Передай ему, что мы молимся за него, хорошо?

Логан кивает, она сжимает его плечо и уходит.

— У твоего брата рак? — спрашиваю я как-то совсем грубо. И не понимаю этого, пока слова не повисают в воздухе. Он морщит лицо и кивает.

— С ним всё будет в порядке? — задаю я вопрос. Перестав есть, наблюдаю за его лицом.

Логан пожимает плечами.

— О, — говорю я, — мне жаль.

Он кивает.

— Это тот брат, с которым я уже встречалась? В тату-салоне?

Он мотает головой.

— Сколько же у тебя братьев?

³ Рутбир (Корневое пиво, англ. Root beer) — газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева Сассафраса, а также содержит различное количество ингредиентов, отчего вкус может иметь разные оттенки. Бывает алкогольным и безалкогольным.

Он поднимает четыре пальца.

— Старшие? Или младшие?

Логан поднимает руку над головой и вытягивает два пальца. Потом опускает руку, как будто показывая кого-то меньше ростом, и снова вытягивает два пальца.

— Два старших и два младших? — спрашиваю я.

Он кивает.

Мне хочется задать ему больше вопросов.

Он пишет что-то на доске, и я тяжело вздыхаю и, сдаваясь, закидываю голову назад. Это просто пытка какая-то. Пусть лучше мне вырвут зубы щипцами, чем я буду читать. Но у его брата чёртов рак. По крайней мере, могу и попытаться.

Я смотрю на доску, и слова расплываются перед глазами. Тогда я пытаюсь разложить их на слоги, но и это очень сложно. Отталкиваю ему доску обратно.

Он хмурится и стирает слова с доски. Потом пишет одно единственное слово и поворачивает ко мне.

«Ты». Он указывает на меня.

Я показываю на себя:

— Я?

Логан кивает и снова очищает доску. Пишет ещё два слова и показывает их мне.

— Не можешь, — произношу я.

Он снова кивает и пишет слово. При этом делает промежутки между буквами, чтобы они не смешивались у меня в голове. Но это по-прежнему сложно.

Я запинаюсь на последнем слове, но всё-таки говорю его:

— Читать.

И тут только до меня доходит, что я только что сказала ему, что не умею читать.

— Я умею читать! — протестую в ответ.

Он пишет ещё слово. «Хорошо».

Логан знает, что я умею читать. Я удовлетворённо выдыхаю.

— Я умею читать. Не очень хорошо, но...

Мои слова замирают.

Он быстро кивает, как будто говоря мне, что понимает. Затем указывает на меня, на доску, двумя пальцами изображает пару глаз, а потом показывает мне палец вверх.

Сердце моё стучит так быстро, что тяжело дышать. Я ведь прочла проклятые слова, не так ли?

— По крайней мере, я могу говорить! — вырывается из меня.

И тут же я хочу взять свои слова обратно. Но уже слишком поздно. Его лицо вытянулось, и я хлопаю себя ладонью по губам. Логан мотает головой, закусывает губы и поднимается.

— Прости меня.

Мне жаль. Правда жаль. Он уходит, но не берёт с собой свой рюкзак.

Когда он исчез из виду, к столу приближается мужчина. Это красивый чернокожий, с высокой причёской из натуральных волос. Все называют его Боун, но я не знаю его настоящего имени.

— Кто этот олух, Кит? — спрашивает он.

— Не твоё дело, — отвечаю я, отпивая от своего рутбира. Потом набиваю рот чипсами, надеясь, что Боун уйдёт до того, как вернётся Логан. А в глубине души я верю, что он вернётся, и я смогу извиниться.

Логан проскальзывает на своё место. Он смотрит на Боуна, но не здоровается с ним. Просто смотрит.

— Тебе есть, где переночевать сегодня, Кит? — спрашивает Боун.

— Ага, — отвечаю я. — У меня всё отлично.

— Я бы мог пристроить такую девушку, как ты, — говорит он.

— Запомню.

Нет смысла злить Боуна. Он уходит.
— Ты в порядке? — спрашиваю я Логана.
Он кивает, откидывая кудри со лба.
— Мне жаль, — говорю я ему. И это так. Действительно так.
Он снова кивает.
— Это не твоя вина, что ты не можешь говорить. И... — мой голос затихает. Я никогда ни с кем это не обсуждала. — Это не моя вина, что я не умею хорошо читать.
Он кивает.
— Я не тупая, — поспешно заверяю я.
Логан опять кивает и машет рукой, чтобы заткнуть меня. Он прижимает палец к губам, словно хочет, чтобы я молчала.
— Ладно, — ворчу в ответ.
Он пишет на доске, и из меня выходит стон, очевидно, я сдаюсь. Не хочу делать этого, но ситуация становится невыносимой.
— Мне нужно идти, — говорю я и тянусь за сумкой.
Логан забирает свою доску и кладёт в задний карман джинсов. Думаю, он понял. Я скорее сыграю в «двадцать вопросов», чем снова возьмусь читать.
Он открывает рот, и я слышу звуки. Логан останавливается, сжимает зубы, а потом что-то произносит, но это похоже на шёпот в пещере.
— Ты можешь говорить? — спрашиваю я.
Он заставил меня читать, когда сам умеет разговаривать?
Логан качает головой и закусывает обе губы. Я замолкаю и жду.
— Возможно, — произносит он. Слово выходит очень тихим и мягким, как все его гласные и согласные. — Только не говори никому.
Я рисую крест над своим сердцем, которое почему-то раздулось, не знаю почему.
— Как тебя зовут? — спрашивает Логан. Он показывает жесты, когда говорит. Его речь прерывиста, он вынужден останавливаться между словами, как я, когда читаю.
— Меня называют Кит, — говорю в ответ.
Он мотает головой.
— Но как тебя зовут? — снова спрашивает он.
Я отрицательно качаю головой.
— Не скажу.
Он снова кивает. Официантка приносит бургеры, он кивает ей и улыбается. Она снова сжимает его плечо.
После её ухода я спрашиваю его:
— Почему ты разговариваешь со мной?
— Я хочу. — Логан вздыхает и начинает есть свой бургер.
— И ты ни с кем больше не разговариваешь?
Он мотает головой.
— И никогда не разговаривал?
Он снова мотает головой.
— А почему я?
Он пожимает плечами.
Мы едим в тишине. Оказалось, что я голоднее, чем думала, и моя тарелка быстро пустеет. Логан больше ничего не говорит. Он доедает свой обед и отодвигает тарелку на край стола. Потом берёт мою, кладёт её поверх своей и оборачивается через плечо, чтобы подзвать официантку. Мне почти жаль, что наша трапеза закончилась. Непринуждённое молчание, что мы разделили, длилось более получаса. И вроде мне даже понравилось.
Когда официантка замечает его, Логан поднимает два пальца. Он просит два счёта. Могла бы догадаться. Я вытаскиваю деньги из своего кармана. Но он накрывает мою руку своей и отрицательно качает головой. И тут появляется официантка с двумя огромными кусками яблочного пирога. Я не ела яблочный пирог с тех пор, как ушла из дома. На глаза

наворачиваются слёзы, не знаю, как их остановить.

— Чёрт, — говорю я сама себе.

Логан протягивает руку и вытирает подушечками пальцев под моими глазами.

— Это всего лишь пирог, — произносит он.

Я киваю, потому что не могу говорить из-за кома в горле.

Логан

Какая-то чёрная гадость заструилась из её глаз, и я стираю это своими пальцами, а потом вытираю пальцы о джинсы. Она плачет. Но я не знаю почему. Мне хочется спросить, но я уже и так сказал достаточно.

Я не говорил с тех пор, как мне стукнуло тринадцать. Это было восемь лет назад. Я пытался ещё какое-то время, но даже со слуховыми аппаратами мне было тяжело себя слышать. Ну а после того, как тот пацан на детской площадке передразнил мой голос, я решил заткнуться навсегда. Зато я реально быстро выучился читать по губам. Конечно, иногда от меня что-то ускользает. Но я всё понимаю. В большинстве случаев.

Хотя сейчас я ничего не понимал.

— Чего плачешь? — спрашиваю я, когда она откусывает от своего пирога. Вытирая слёзы, Кит улыбается мне и пожимает плечами. В этот раз из нас двоих молчит она.

Чёрт, если один только пирог довёл её до слёз, что же сделает с ней что-то действительно романтическое. Эта девушка заслуживает того, чтобы ей дарили цветы и конфеты. И прочие приятности, которые я не могу себе позволить. Но ей нравится со мной разговаривать. И она точно осталась здесь не потому, что я не отдал ей её сумку.

Кит задаёт мне вопрос, но у неё полный рот пирога, поэтому я выжидаю немного, пока она проглотит. Она поспешно глотает, смущённо мне улыбается и спрашивает:

— Ты уже родился глухим? — И показывает на моё ухо.

Я показываю на своё ухо, а потом на щёку, демонстрируя ей знак, обозначающий «глухой». И мотаю головой.

— Сколько тебе было, когда это случилось? — Её брови нахмурились, она выглядит чертовски мило, и мне хочется её поцеловать.

Я показываю ей три.

— Три? — спрашивает она.

Я отрицательно мотаю головой и снова выбрасываю три пальца. Она по-прежнему не понимает. Тогда я подставляю один палец к трём, и тогда она говорит:

— Тринадцать?

Я киваю.

— Что случилось, когда тебе было тринадцать?

— Как-то ночью поднялась высокая температура, — отвечаю я, вытирая лоб, словно я вспотел, надеясь, что она поймёт.

Она открывает было рот, чтобы задать мне ещё один вопрос, но я поднимаю палец. Показываю им на неё, потом на себя, объясняя, что сейчас моя очередь.

Не зная, как показать ей это так, чтобы она поняла, я очень тщательно произношу:

— Откуда ты?

— Не скажу, — говорит она, качая головой.

Я складываю руки в мольбе.

Она смеётся и отвечает:

— Нет.

Я не сомневаюсь в её решимости. Она ничего мне не скажет. Думаю, даже если я упаду перед ней на колени и буду умолять, эта девушка будет молчать.

— Ну что ж, Кит из ниоткуда, — говорю я. — Спасибо, что пообедала со мной.

— Как я могу сказать, что благодарна тебе? — спрашивает она. — Покажи мне.

Она смотрит на меня, её глаза блестят от волнения. Я показываю ей знак, и она повторяет.

— Спасибо, — говорит она. И моё сердце расширяется. Она смотрит на сумку позади меня и произносит:

— Я должна идти.

Я киваю и поднимаюсь, надеваю свой рюкзак и перебрасываю её сумку через плечо.

— Я возьму это, — говорит она, поднимая гитару.

Я бросаю на стол несколько банкнот и машу Энни, официантке. Она посылает мне воздушный поцелуй. Кит следует за мной, но её Энни оставляет без поцелуя. От этого мне смешно. Энни любит меня. И она знает мою семью с тех времён, когда мама ещё была жива, а отец не ушёл от нас.

Я останавливаюсь, когда мы выходим на улицу, и закуриваю. Кит морщит нос, но я всё равно это делаю. Затянувшись, показываю ей сигарету, стряхиваю с её кончика тлеющий огонёк на землю и выкидываю недокуренной в ближайшую урну. А жаль. Но ей явно это не нравится. Как и моим братьям. Ну вот, теперь у них есть хорошая компания.

Она протягивает руку к своей сумке, и я передвигаю Кит под уличный фонарь, чтобы видеть её губы.

— Где ты живёшь? — спрашиваю я. — Хочу проводить тебя до дома.

На мгновение она выглядит растерянной. Внимательно оглядывает улицу. Машины проносятся мимо, и тут она смотрит на меня с таким выражением, будто потерялась.

— Я живу в квартале неподалёку, — говорит она. — Отдай сумку.

В этот раз она топает своим чёрным ботинком и презрительно глядит на меня. Потом качает рукой, словно это имеет значение.

Я наклоняюсь ближе к ней, потому что мне как-то не по себе, что какой-нибудь знакомый сможет увидеть, как я с ней разговариваю. Мои братья обидятся, если узнают, что я могу говорить, но решил молчать. Ведь я позволяю им думать, будто совсем разучился разговаривать.

— Ты не можешь идти домой одна. Это небезопасно.

Кит пристально глядит на меня.

— Я не собираюсь приглашать тебя к себе домой, извращенец, — говорит она, пытаюсь забрать у меня сумку. Но я не отпускаю её. Кит крохотуля. А я нет. И победа за мной. Она сжимает кулаки, и тут я понимаю, что в беде.

Я снова наклоняюсь ближе к ней.

— Я не хочу с тобой спать. А всего лишь хочу убедиться, что ты добралась домой живой и невредимой. — Я поднимаю руки вверх, будто сдаюсь. А потом рисую крест в середине груди, как до этого делала она, и говорю: — Честное слово.

Уже порядком поздно. Когда мы вышли из метро, было темно. Сейчас же совсем ночь. В такое время она не должна разгуливать по улицам в одиночку. Особенно в этом районе. Это мой район. Я здесь в полной безопасности. Но она не отсюда. Могу это сказать, даже не слыша её голоса. Эта девушка не моего поля ягода.

Я опускаю пальцы вниз и изображаю ими идущего.

— Пойдём, — говорю ей.

Она стоит на том же месте, скрестив перед собой руки.

— Нет.

Я уже усвоил одну истину — если эта чика говорит нет, то именно это она и имеет в виду.

Внезапно рядом с нами появляется парень из закускойной, тот, которого она называла Боуном.

— Нужна помощь, Кит? — спрашивает он.

В темноте его губы совсем чёрные, и я едва их вижу. Но зато я вижу её. Она улыбается ему, но я знаю, что эта улыбка фальшивая — её настоящая улыбка заставила бы мужика рухнуть на колени — и говорит:

— Всё отлично.

— Это твой парень на ночь? — спрашивает он.

Она смотрит на меня, шагает вперёд и пробегает кончиками пальцев вниз по моей груди. Мой член тут же твердеет, и я ловлю её руку своей. Кит вздрагивает от неожиданности, но я накрываю ей руку и прижимаю к своему сердцу, надёжно и крепко. Она поднимает на меня взгляд и хлопает ресницами своих карих глаз. Даже представить не мог, какие они тёмные. Сейчас, в ночной тьме, они почти чёрные.

— Это мой парень, — произносит она.

Но уж точно её слова адресованы ему, а не мне.

Волоски на её руке становятся дыбом, то же происходит и со мной. Но, вероятно, совершенно по другой причине.

Боун уходит, оглядываясь на её задницу. Больше всего на свете мне хочется его ударить. Но что-то подсказывает мне, что это не самая хорошая идея.

— Так я твой парень? — спрашиваю я у Кит.

Она выдыхает и убирает руку с моей груди.

— Он ушёл, — говорит она. Затем стягивает свою сумку с моего плеча и перебрасывает на своё. Кит встаёт на цыпочки и быстро целует меня в щёку. Мне хочется повернуться и перехватить её губы своими, но она убежит, если я так сделаю. Уверен в этом. Она показывает знаком «Спасибо тебе». Моё сердце начинает биться быстрее, когда я осознаю, что она говорит со мной на одном языке. Да, недавно я сам её научил, но всё же.

— Куда ты собираешься? — спрашиваю я.

— Домой, — отвечает она, пожимая плечами. Потом разворачивается на каблуках и оставляет меня стоять на месте. Я вытряхиваю сигарету и закуриваю, наблюдая, как она уходит прочь. Даже ни разу не обернувшись. Чёрная сумка ударяется о её ногу, с другой стороны у неё в руке чехол с гитарой. Втянув голову в плечи, она шагает против ветра. У неё есть пальто? Хотелось бы мне отдать ей своё.

Я направляюсь следом за ней. Ничего не могу с собой поделать. Мне нужно увидеть, куда она идёт, иначе я не смогу снова найти её. Не говоря уж о том, что меня до смерти пугает то, как она тут одна в ночном городе. Ей недостаёт жёсткости, чтобы справиться с этим районом или с этими людьми. Если я позволю ей уйти, то, возможно, никогда не узнаю, что означала её тату. А мне это нужно, ведь теперь она на моей руке. Неспроста я нашёл Кит в переходе метро. И когда сегодня я её там увидел, меня осенило, почему она выглядела такой знакомой. Я просто раньше видел, как она играла за деньги в переходе.

Кит пересекает дорогу и идёт в сторону здания старого банка, который несколько лет назад сделали приютом для бездомных. На улице уже образовалась очередь из нескольких человек, и она встаёт за ними. Значит, ей негде жить. И она собралась в долбаный приют для бездомных? Но они закрываются и запирают двери прежде, чем Кит смогла попасть внутрь. Люди в очереди начинают протестовать. Но мест нет.

Когда Кит откидывает голову назад, её длинные тёмные волосы становятся ещё длиннее и достают до самой попы. Видно, что она расстроена. Подняв гитару, Кит идёт дальше по улице. Через несколько кварталов есть ещё один приют, но уверен, он тоже переполнен. Как только город начал меняться, приюты начали появляться здесь повсюду, как забегаловки фаст-фуда. Но бездомных слишком много, и мест на всех не хватает.

Я продолжаю следовать за ней, докуривая сигарету. Но вот, вместо того, чтобы отправиться в следующий приют, Кит садится на скамейку и прячет лицо в ладонях. Она устала. Её бремя тяготит и меня. Подойдя к ней, я сажусь рядом. Она поднимает взгляд и в замешательстве моргает своими карими глазами.

— Ты шёл за мной, — говорит она, оглядывая улицу, явно не уверенная, откуда я появился.

Я киваю.

Её грудь поднимается и опускается, и я догадываюсь, что это был тяжёлый вздох.

— Ты не обязан сидеть здесь со мной, — говорит она.

Я смотрю на неё и, убедившись, что могу использовать голос, говорю:

— Пойдём ко мне домой.

Она глядит в мои глаза, какое-то время сомневается, но потом произносит:

— Хорошо.

Он, должно быть, ждёт, что я с ним пересплю. Так они все и думают — надеются залезть ко мне в трусики, когда предлагают ночлег и еду. Он уже угостил меня обедом, теперь дело за кроватью. Вообще-то, с ним будет несложно переспать. У него такие мечтательные синие глаза, а на голове безумный хаос из светлых кудряшек.

Я достаю деньги, которые он мне дал, из своего кармана и пытаюсь вернуть ему.

— За ночлег, — говорю я. Чтобы он знал, что спать с ним в мои планы не входит.

Логан мотает головой, глядя на меня так, будто я лишилась рассудка. И снова стягивает холщовую сумку с моего плеча и вешает на своё. На удивление, его дом находится совсем близко. Всё это время я ночевала в приютах за углом от этого парня. И даже никогда не догадывалась, что он где-то рядом.

Он открывает двери и показывает мне, чтобы я вошла.

— Ты живёшь один? — спрашиваю я.

Он отрицательно мотает головой.

Я останавливаю его и толкаю в плечо.

— И с кем же тогда ты живёшь?

Логан снова проделывает ту же штуку — показывает мне двух человек выше себя и двух ниже. Значит, он живёт со своими братьями. Блин! Я не собираюсь заходить в квартиру, полную незнакомых мне мужчин.

— Я не могу, — говорю я, и в ответ он закатывает глаза. Потом Логан нагибается, и его плечо мягко упирается в мой живот. Он перекидывает меня за спину, будто я мешок с картошкой. В моих руках по-прежнему зажата гитара, и я колочу ею по его ногам — ведь даже если я и заору на него, он не узнает. Я не могу даже слова ему сказать. Не могу сказать, чтобы он поставил меня на ноги.

И вот так он тащит меня по лестнице четыре пролёта вверх, пока мы не добираемся до четвёртого этажа, Логан немного пыхтит. Я подумала, что мы будем подниматься выше, но нет. Он останавливается и отпирает дверь, и тут же мы оказываемся в прихожей.

Я уже больше не сражаюсь с ним, потому что это бесполезно. Он не может меня слышать. Он не может ответить. Поэтому одной рукой я убираю волосы с лица, второй крепче сжимаю свою гитару. Он открывает дверь и шагает внутрь, закрывая её за собой.

Четверо мужчин поворачиваются и смотрят на меня, перекинутую через его плечо. Когда Логан поворачивается закрыть двери, я оказываюсь лицом к ним и машу рукой. Ну а что ещё мне остаётся? Тот, кого я уже встречала в тату-студии, встаёт.

— Это кто? — спрашивает он.

Потом наклоняется, чтобы посмотреть на моё лицо.

— Чёрт, Логан, это ж та самая девица, что дала тебе по морде.

Остальные тут же встают и подходят к нам.

Один из них говорит:

— Чувак, у неё на трусах Бетти Буп⁴.

А я даже не могу дотянуться до юбки, чтобы прикрыть свою задницу.

Логан ставит меня на ноги. Я оступаю, когда выпрямляюсь, потому что вся кровь приливает обратно к голове. Он удерживает меня, на его лице улыбка. И тут меня осеняет — они все могли видеть мои трусики, когда я висела вверх ногами, не только тот один. Вероятно, остальные просто повели себя более тактично и притворились, будто ничего и не было.

Логан по очереди указывает на каждого из своих братьев, чтобы они представились.

— Пол, — говорит самый большой из них и протягивает руку.

⁴ Бетти Буп (англ. Betty Boop) — персонаж рисованных мультфильмов, созданных Максом Флейшером в 1930-х гг. Образ Бетти отличается открытой сексуальностью. В последнее время часто используется для изображения на женском белье, косметике и пр.

— Я помню тебя, — говорю в ответ.

— Уж я тебя никогда не забуду, — смеясь, говорит он и бьёт Логана по плечу. — Как и его нос.

Он делает ложный выпад, когда Логан притворяется, будто хочет его ударить. Но не делает этого. Останавливается почти у самого лица Пола.

Второй, чуть поменьше, хотя они с Полом оба огромные, тоже протягивает свою руку, говоря:

— Мэтью.

Мэтью выглядит уставшим и зеленоватым. Я смотрю на Логана, и он еле заметно кивает. Значит, это тот самый брат, у которого рак и который проходит курс химиотерапии. Пол шлёпает по руке Мэтью со словами:

— Ну-ка, не передавай тут свои микробы.

— Пошёл ты, — отвечает Мэтью, а потом уходит по коридору в свою спальню и закрывает дверь. Он не оборачивается посмотреть на меня, но я не возражаю.

Оставшиеся два брата, должно быть, близнецы. Они моложе Логана, и выглядят совершенно одинаково.

— Сэм и Пит, — представляет их Пол.

Они толпятся рядом со мной, и в итоге я оказываюсь зажатой между ними, словно между двумя половинками сэндвича, что, по их мнению, прикольно. Какое-то время они раскачиваются вокруг меня, пока Пол не рывкает на них:

— Отстаньте от неё, — говорит он и даёт обоим по подзатыльнику. — Они не знают, как вести себя, когда собирается компания.

Компания? Так вот кто я?

— Рада с вами познакомиться, — говорю я.

Всё это немного обескураживает. Так много тестостерона в одной комнате. Из телевизора раздаются звуки стрельбы и драки, и я смотрю в их сторону. Ведь Логан не может слышать эти звуки, но тут я вижу, что внизу экрана идут субтитры. Не знаю почему, это вызывает у меня улыбку.

Логан жестом показывает мне следовать за ним, что я и делаю, и, по-видимому, мы направляемся в его комнату.

Один из близнецов (не могу их различить) кричит нам, чтобы мы подождали. Но Логан не может его слышать. И я иду за ним по коридору, а оба близнеца стоят за нами и ржут как сумасшедшие. Что-то происходит, но я не понимаю что. Логан открывает дверь своей спальни и заходит внутрь. Я захожу вслед за ним. И тут же я вижу, как на кровати что-то пошевелилось.

— Кто это, мать твою? — взвизгивает женский голос. Логан поворачивается и щёлкает выключателем, отчего в комнате становится светло. Как только свет загорается, через всю комнату летит книга и врезается в его плечо. Я отступаю в коридор, потому что кем бы ни была та девушка в его комнате, она кидается вещами как умалишённая. Это блондинка. И она голая. Абсолютно голая. Блин!

Девица выскакивает из кровати и начинает хватать свою одежду. Логан проводит рукой вниз по лицу и выглядывает из комнаты. Он что-то показывает жестами Полу, который непринуждённо подпирает стену с ухмылкой на лице. Пол самодовольно вышагивает по коридору, отстраняет меня от дверного проёма и заходит внутрь. Дверь с глухим стуком закрывается.

— Я думал, ты знал, что она собиралась прийти! — говорит Пол, смеясь. Я даже представляю, как от смеха его согнуло пополам, совсем как близнецов, которые продолжают гоготать. Они хлопают друг друга по ладоням и слушают, что происходит за дверью.

Должно быть, Логан общается с братом жестами. Потому что последний говорит:

— Она сказала, что собирается сделать тебе сюрприз.

Что ж, определённо, у неё это получилось.

Пол вздыхает и произносит:

— Он хочет, чтобы ты ушла.

Из-за глухих звуков, раздающихся из комнаты, я начинаю думать, что она опять стала кидаться вещами. Боже мой!

— Он больше не хочет, чтобы ты снова устраивала ему сюрпризы, — тихо говорит Пол, но я его слышу. Мне хочется прижать ухо к дверной трещине, потому что происходящее становится всё тише и тише. До меня доносится, как она хлюпает носом.

— Тебе не нужно волноваться об этом, — с громким всхлипом говорит она. — Я больше никогда не буду спать с тобой.

Дверь распахивается, и она выходит, но тут же пытается припереть меня к стене. Близнецы замирают с открытыми ртами. Она почти метр восемьдесят. Но я-то нет.

— Вот дерьмо, — говорит один из них.

Я терплю её до тех пор, пока она не плюёт в меня, и плевков не попадает мне на щеку.

— А ну-ка притормози, стерва! — говорю я. И отвожу кулак назад. Я не бью как девчонка. Никогда не била. И никогда не буду.

Захватом одной рукой, вроде тех из сумасшедших шоу, что любила смотреть моя бабуля, Логан хватается её за талию, приподнимает и отворачивает от меня. И грозит мне пальцем. Ему следует порадоваться, что он удержал её, а то я надрала бы ей задницу.

— Не грози мне тут, — предупреждаю я и толкаю его, чтобы добраться до неё. — Я повырываю все эти искусственные волосы из твоей головы! — Вообще-то, у неё неплохо наращенные волосы. Ух, с удовольствием бы их подпортила. — Оберну их вокруг твоей тощей шеи и придушу ими.

Я по-прежнему пытаюсь добраться до неё, а Логан не может ничего показать жестами, потому что с одной стороны на нём я, с другой — она. Я смахиваю слюну со щеки. Сучка плюнула в меня. Он передаёт девицу близнецам, которые пытаются её успокоить.

Он что-то мне показывает, поднимая один палец вверх. Думаю, он хочет, чтобы я подождала. Вот только чего? Эта тощая никчёмная потаскушка только что плюнула мне в лицо. И вот он снова грозит мне пальцем. Я хватаю палец и отгибаю назад, пока Логан не начинает морщиться, и только тогда отпускаю. Он сильнее меня, я это прекрасно понимаю. Но это было так здорово. А то я уже начала уставать от этого пальца.

Логан закусывает губы и отодвигает меня за свою спину. Затем он идёт к ней, берёт за локоть и провожает до входной двери. По дороге она надевает туфли, но её штаны так и не застёгнуты. У бедняги такой потрёпанный вид, а ведь её даже никто не трахнул. И это жутко меня веселит. Я чувствую себя такой же умиротворённой, как кошка на подоконнике. Логан что-то показывает Полу.

Пол поворачивается к близнецам и говорит:

— Один из вас должен проводить её до дома. Уже поздно.

Они оба вызываются, подпрыгивая и поднимая руку вверх. Тогда Пол подзывает того, что слева.

— Пит, ты отведёшь её. — И внимательно смотрит на него. — Не задерживайся.

— Говнюк, — ворчит второй из близнецов, направляясь к дивану. — Почему всё достаётся Питу? — Он ударяет ногой по столу. Но потом меняет решение, топает по коридору и изо всех сил хлопает за собой дверь своей спальни.

— Пит не спит со всеми подряд, — кричит вслед ему Пол с непроницаемым лицом.

— С каких это пор? — недовольный Сэм высовывает голову из двери. — Хочу тебе сказать... — Но тут он замолкает, потому что Пол бросает на него недовольный взгляд. И снова дверь со стуком захлопывается.

Логан проводит рукой по лицу и хватается меня за руку, мы идём в его комнату. Он закрывает за нами дверь.

— Я не знал, что она здесь, — говорит он. Его голос звучит медленно и с запинками.

Я дуюсь, скрестив руки на груди. Он переводит взгляд на неё. Парень он и есть парень.

— Когда ты спал с ней в последний раз? — Почему-то мне захотелось это узнать.

Он поднимает три пальца и указывает за спину. При этом не смотрит мне в глаза.

— Три дня назад? — уточняю я.

Он кивает.

— Но я не приглашал её сегодня.

— Она твоя девушка? — спрашиваю я.

Он качает головой. И снова поднимает свой палец, отчего я закатываю глаза.

Логан выходит из комнаты и возвращается со стопкой чистых простыней. Он сдёргивает простыни, на которых лежала та шлюшка, с кровати и бросает их в коридор. Потом показывает мне обойти кровать и встать с другой стороны, расправляет простынь и делает движение, как будто хочет попросить меня ему помочь. Я и так помогла бы.

Молча, мы вместе заправляем постель. Потом Логан подходит ко мне и поднимает мой подбородок. Я думаю, что он собирается меня поцеловать, и уже сжимаю кулак, чтобы снова его вырубить. Но он лишь смотрит мне в глаза.

— Прости, — говорит он. Его голос звучит звонко. Пусть немного прерывисто, но звонко.

— Я не собираюсь с тобой спать, — предупреждаю я.

Он запрокидывает голову, явно удивлённый. Потом отступает на шаг и качает головой, и, по-моему, пытается скрыть улыбку.

— Я привёл тебя сюда ради твой безопасности. Не для того, чтобы спать с тобой.

Он снова улыбается и выходит из комнаты.

Я следую за ним, потому что думаю, что мы ещё не закончили. Он идёт к холодильнику и вытаскивает пиво, открывает и протягивает мне. Но тут же отводит обратно.

— Сколько тебе лет? — спрашивает он, сдвинув брови.

— Девятнадцать, — сознаюсь я. Он забирает пиво себе, а мне достаёт прохладную бутылку воды. Я беру её. Она такая холодненькая. А я очень хочу пить.

— Что теперь? — спрашиваю я. Он делает глоток пива.

Пожав плечами, Логан идёт к дивану. Я осматриваюсь. В квартире жуткий беспорядок. Повсюду коробки от пиццы, в коридоре навалена куча грязного белья. В раковине — горы посуды, на кухонной столешнице полно барахла. Да, женской руки тут не было поистине давно.

— Я могу воспользоваться вашим душем? — Я не мылась уже несколько дней. Трудно защищать свои пожитки, когда ты мокрая и голая, но сейчас мне не о чем беспокоиться.

Пол оглядывается через плечо и потом что-то говорит жестами Логану. Логан смотрит на меня и кивает, показывая в коридор. Он выставляет два пальца, что, как я думаю, означает вторую дверь. Что ж, я хватаю свою сумку и направляюсь, куда мне показали.

Открыв дверь без стука, я застаю Мэтью, сгорбившегося над унитазом. Я делаю шаг назад, но тут он смотрит своими слезящимися и красными глазами в мои.

— Не говори ничего моим братьям, — предупреждает он.

Его опять начинает тошнить, и я захожу в ванную и закрываю дверь. Порывшись по шкафчикам, нахожу маленькое полотенце и смачиваю его холодной водой. Я протягиваю его Мэтью, и он вытирает своё лицо. Закрыв унитаз и смыв, он садится на сиденье.

— Долбанная химио, — говорит он. — Это жопа.

— Они знают, что тебя тошнит? — спрашиваю я.

Он качает головой и снова смывает, когда вода перестаёт бежать.

— Пожалуйста, не говори им. У них и без этого проблем хватает.

— Не скажу.

— Тебе нужна была ванная? — спрашивает Мэтью. Ему явно не хватает сил, чтобы встать.

— Я собиралась принять душ. Но могу и подождать.

Он со стоном поднимается.

— Думаю, мне уже лучше. — Он еле-еле улыбается. — Но я могу ворваться к тебе без стука.

Он вытаскивает полотенце из шкафчика и оставляет рядом с раковиной для меня.

— Ты же будешь здесь блевать, а не подглядывать за мной голой, — говорю я.

— Я не связываюсь с девушками Логана, — отвечает Мэтью. И тут же продолжает:
— Никогда. Есть такая штука между братьями.

Он рыгает, и я начинаю волноваться, как бы его снова не начало рвать, но всё нормально. Он улыбается мне и выходит, закрывая за собой дверь.

— Я не девушка Логана, — говорю я больше себе, чем ему.

Он снова открывает дверь и пристально смотрит на меня:

— Нет, ты его.

Логан

Кит в моей ванной, и она голая. Или скоро будет. Я смотрю в коридор на заветную дверь. Если бы это была какая-нибудь другая девушка, я был бы там с нею. Но благодаря той тату, которую хотела сделать Кит, теперь я знаю, насколько она ранима, хоть никто этого не видит. Я не хочу, чтобы она сбежала. Мне хочется её узнать. Никогда раньше во мне не было столько любопытства по отношению к девушке. Обычно я лишь сплю с ними. А потом сплавляю домой. Поэтому я был так удивлён, увидев Терри в своей спальне. Она знала, что то, что между нами было, никак не могло послужить началом отношений. Я же никогда не покупал ей цветы или конфеты, не приглашал её на свидания. Никогда не платил за её ужин. Я лишь сказал глазами «пойдём со мной» и отвёл в свою комнату. Понятия не имею, с чего она решила всё повторить.

Я иду взять себе ещё пива, а Пол смотрит на меня так же свирепо, как в тот раз, когда я уронил крышку унитаза на его член. Тогда ему было семь, а мне четыре.

— И что ты собираешься с ней делать? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами. *Я нашёл её в переходе метро, где она выступала за деньги.*

— И что, она пошла за тобой к нам домой, как потерявшийся щенок?

Нет. Мне пришлось её тащить. Ты же видел. Почему он задаёт так много вопросов? Как будто я до этого не приводил девушек домой. Я пошёл за ней посмотреть, куда она пойдёт, после того, как накормил её ужином. А она стояла в очереди в приют для бездомных, пока тот не закрылся. У них не было мест. Ей некуда было пойти, вот я и привёл её к нам.

Он продолжает смотреть на меня.

Что? Спрашиваю я.

— Я же говорил тебе, чтобы ты не смел с ней связываться. — Он откидывается на спинку дивана, шумно выдыхая. — Она не такая, как другие.

Я в курсе. И собираюсь спать на диване, козёл. Я не буду спать с ней.

Он вскидывает брови.

Заткнись, показываю я.

— Ты собираешься спать на диване. — Ему явно понадобится двухтонный подъёмник, чтобы поднять его отпавшую до пола челюсть.

Киваю. *Как Мэт?*

— Его тошнит. — Пол делает глоток от своего пива. — Но не думаю, что он хочет, чтобы кто-нибудь знал.

Я киваю.

Его брови по-прежнему подняты от удивления.

— Ты правда собираешься спать на диване?

Я снова киваю, вскидывая руки вверх — какого чёрта?

Он мотает головой.

— Я просто не могу в это поверить.

У меня есть сердце.

— Ага, только обычно твой член берёт над ним верх. — Он отпивает пива. — Она уже знает, что её тату набита на твоей руке?

Я качаю головой. *Пока нет.*

— Ты собираешься сказать ей?

Зачем мне это нужно?

— Возможно, затем, что она очень личная. До сих пор не понимаю, почему ты захотел это сделать.

Если он и дальше будет продолжать так хмуриться, то получит глубокую морщину между бровей.

Я тоже этого не понимаю. И снова смотрю на дверь в ванную. Она не кажется тебе знакомой? Как будто ты видел её где-то раньше?

Он качает головой.

— Нет.

Я киваю и пожимаю плечами. Конечно, у неё могло бы быть одно из тех лиц, которые всегда кажутся знакомыми, но она так чертовски прекрасна, так что это не вариант. Кит — красotka. Она выделяется из толпы. И это не потому, что сейчас она голая в моей ванной.

— Как твой нос? — спрашивает Пол.

Я пожимаю плечами. Нормально. Всё равно я ничего не могу с этим поделать. И, в общем-то, я это заслужил.

Дверь ванной открывается, и выходит Кит. Она закутана в полотенце, её волосы влажные и свисают с плеч. Очевидно, она только что их расчесала. На ней нет косметики. Никакой чёрной гадости вокруг глаз, а на переносице я вижу россыпь веснушек. Она быстро, втянув голову в плечи, убегает в мою спальню, а я откидываюсь на спинку дивана, борясь с желанием пойти следом и увидеть её. Наверняка ей хочется одеться в сухом месте.

Я поднимаюсь и иду в ванную, закрывая за собой двери. Зеркало запотело от пара её горячего душа. Все поверхности чистые, впервые за несколько месяцев: она вымыла унитаз и, судя по всему, душ. Всё блестит чистотой. Кит всё-таки девушка, думаю, оттого ей и захотелось вычистить ванную, перед тем как воспользоваться ею. Это очень мило, и я напоминаю себе поблагодарить её.

На удивление, в ванной приятно пахнет, и я понимаю, что это из-за бутылки шампуня и мыла, которые она оставила в душе. И мне тут же хочется пойти к ней и вдохнуть её запах. Хочется уткнуться лицом в её волосы, чтобы узнать, так же ли они приятно пахнут, как аромат в ванной.

Сейчас она уже должна быть одетой, у неё было достаточно времени, разве нет? Я стучусь в дверь своей спальни, приоткрываю её и заглядываю внутрь. Она сидит на краешке моей кровати, по-прежнему в полотенце. Оно чуть распахнулось на бедре, открывая длинную обнажённую ногу.

Я жестами спрашиваю у неё, могу ли войти. Кит крепче сжимает полотенце между грудей, где оно завёрнуто, и подтягивает его повыше. Но кивает мне.

Она смотрит на мой открытый шкаф, потом снова на меня. Я вопросительно поднимаю брови. Ей что-то нужно?

— Могу я взять твою футболку? — спрашивает она. И смотрит на свою сумку. — Все мои вещи нужно постирать, а я ненавижу надевать грязную одежду после того, как только что вымылась.

Я, должно быть, как-то странно на неё посмотрел. Потому что она тут же спешит добавить:

— Я верну её тебе завтра, перед тем, как уйду. Она нужна мне, лишь чтобы в чём-то спать. У вас есть стиральная машина?

Я киваю.

— На какой вопрос ты отвечаешь? Про футболку? Или про стиральную машину?

— На оба, — говорю я.

Она улыбается мне. Я бы целыми днями разговаривал с этой девушкой, если бы она улыбалась мне такой улыбкой. Снимаю футболку с вешалки и кидаю Кит. Она ловит её и надевает через голову. Натянув её до колен, она вытаскивает полотенце из-под футболки. Сев на краешек кровати, Кит достаёт из своей сумки розовые трусики.

— Ты не мог бы отвернуться? — просит она.

Я отворачиваюсь и, из-за того, что сделал так, как она попросила, ухмыляюсь, словно ребёнок в кондитерской. Надеюсь, она меня не видит.

Почувствовав на плече её руку, я разворачиваюсь обратно. На ней моя футболка с логотипом группы «AC/DC», которая достаёт ей до колен. Кит выглядит чертовски привлекательной.

— Можно мне постирать свои вещи? — спрашивает она.

— Я могу сделать это за тебя, — предлагаю я.

Она качает головой.

— Ты пальцем не коснёшься моих трусиков, извращенец, — говорит она, ухмыляясь.
— Потому что наверняка ты сразу же начнёшь их нюхать.

Она смеётся. Как бы мне хотелось услышать её смех, ведь наверняка это самый прекрасный звук в мире. Не часто мне хочется, чтобы я мог слышать, потому что я могу делать почти всё, что захочу. Но прямо сейчас мне хотелось слышать звук её смеха.

Я показываю жестами, и она идёт за мной в коридор, где я открываю дверь в кладовку со стиральной машиной. Я выкладываю из сушилки всё, что там есть, и бросаю на поверхность машины. Вроде как это вещи Сэма и Пита, а они сами могут позаботиться о своих шмотках. Всё, что находилось в барабане стиральной машины, я перебрасываю в сушилку, и прошу Кит дать мне её вещи, протянув обе руки. Но она мотает головой. Я выхожу, и она вытаскивает свои вещи из сумки. Их у неё немного — несколько футболок, пара шорт, джинсы и то, что было одето на ней сегодня. Всё это она закидывает в стирку, добавляя несколько трусиков. Почти на всех изображена Бетти Буп, отчего я широко ей улыбаюсь и качаю головой.

Я добавляю немного средства для стирки, и она запускает машинку, а затем направляется обратно в мою спальню.

— У тебя есть плед, чтобы я могла расстелить его на полу? — спрашивает она.

Что за чёрт?

— Зачем? — спрашиваю я в ответ.

Она смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

— Чтобы спать на нём.

— Ты не будешь спать на полу, — говорю я ей. — Кровать твоя. Я буду спать на диване.

— Диван длиной около полутора метров. Ты слишком высокий для него. Я могу поспать там. — И она кивает головой, словно уже приняла решение.

Я осторожно беру её за руку, когда она проходит мимо меня.

— Нет, — говорю я. — Ты спишь на кровати.

Кровать у меня, конечно, не самая большая в мире, а всего лишь полутороспальная. Она зажимает нижнюю губу зубами и покусывает её. И это самое эротичное зрелище из всех, что я когда-либо видел. Я протягиваю руку и касаюсь губы Кит большим пальцем, аккуратно освобождая её от зубов. Она облизывает губы и смотрит куда-нибудь, только не на меня.

— Тебе точно будет удобно? — спрашивает она.

Я наклоняюсь ближе к ней и прижимаю её к своей груди. Не знаю, откуда появилась потребность сделать это, но я делаю. Кит медлит совсем недолго и обхватывает меня руками за талию. Я нежно целую её в лоб. Она смотрит на меня снизу вверх и выглядит какой-то потерянной. Щёки её заливаются румянцем, и она делает шаг назад.

— Спасибо тебе, — произносит Кит. Она встаёт на цыпочки и целует меня в щёку, почти так же, как вечером до этого.

Этот поцелуй тронул меня так, как никогда не трогал самый глубокий французский поцелуй. Такое ощущение, будто воздух застрял в моём горле, и я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Ты в порядке? — спрашивает она.

— В полном, — отвечаю я. Но это далеко от истины. Кит поднимает руки, чтобы убрать мокрые волосы с шеи, и её буфера двигаются под футболкой. У меня тут же встаёт.

— Дай знать, если тебе понадобится что-то ещё, — говорю я. Но сам больше не смотрю на неё. Я изо всех сил спешу выйти до того, как она заметит, что я возбудился лишь от одной мысли о том, что на ней нет лифчика.

Она касается моей руки и говорит:

— Логан, пожалуйста, не говори никому, что я не умею читать, ладно?

Она выглядит встревоженной, и я ненавижу, что ей приходится так себя чувствовать,

что ей вообще приходится из-за этого волноваться.

— Это только между нами, — заверяю я Кит. Мне нравится, что у нас появился общий секрет. Как тот, что я могу говорить.

Она закрывает за мной дверь, и я чувствую, как щёлкает замок. Она только что закрылась от меня в моей собственной комнате. На самом деле, я не могу винить её за это. Она в незнакомом месте. Окружена незнакомыми людьми. И какая-то часть меня даже рада, что она заперлась.

Я возвращаюсь в гостиную, захватив плед из бельевого шкафа.

— Мне до сих пор не верится, что ты будешь спать на диване, — говорит Пол.

Мне тоже не верится. Но именно так я и собираюсь поступить.

Эмили

Вот уже несколько часов я лежу в кровати Логана, но не могу заснуть. Я слышала, когда Пит вернулся домой и как Пол велел ему идти спать. А потом в квартире повисла тишина. И так продолжалось до настоящего момента. Из-за того, что кто-то быстро и негромко прошагал по коридору, а потом раздались жуткие звуки рвоты, я думаю, это Мэтью.

Я открываю дверь и выглядываю, дверь ванны чуть приоткрыта, Мэтью там, и его тошнит. Ему плохо, и мне хочется помочь, но, в то же время, не хочется вмешиваться. На цыпочках я иду на кухню, потому что меня мучает жажда, и смотрю на спящего Логана. Его ноги свисают с края, он лежит на спине, под головой — подлокотник дивана. У него даже подушки нет.

Я открываю холодильник и наклоняюсь посмотреть, что там у них есть попить, а когда выпрямляюсь, ловлю на себе взгляд стоящего в дверях Мэтью.

— Что ты делаешь? — спрашивает он. У него воспалённые красные глаза и бледное лицо.

— Ищу попить, — шепчу я. — Хочешь тоже что-нибудь?

Он качает головой. Его взгляд устремляется на мои голые ноги, и я натягиваю ниже подол футболки Логана.

— Милая футболка, — говорит Мэтью и указывает пальцем в сторону Логана. — Вы двое что, поссорились?

Я тоже смотрю на Логана. Он беспробудно спит, приоткрыв рот.

— Нет, — снова шепчу я. — С чего ты взял?

— погоди-ка! — У него такой вид, словно он о чём-то размышляет. — А почему ты всё ещё здесь? Ты осталась на ночь?

Я киваю, поднося к губам бутылку с водой.

— Девушки Логана никогда не остаются на ночь. — И его явно что-то забавляет. Но я не понимаю, что именно.

— Он настоял, — шёпотом говорю я.

— А почему ты шепчешь? — произносит Мэтью театрально громким шёпотом.

— Логан же спит, — отвечаю я.

— Он глухой. — Мэтью ухмыляется.

О, точно. А я и забыла. Так легко забыть, что он не может слышать. Я смеюсь и пожимаю плечами.

Внезапно Мэтью резко разворачивается и убегает в ванную. Его снова тошнит, но звуки такие, будто его желудок совсем пустой. Я открываю все ящики рядом с раковиной, пока не нахожу нужный, с полотенцами. Смачиваю одно прохладной водой и встречаю с ним Мэтью, когда он выходит из ванной. Тяжело вздохнув, он берёт полотенце из моих рук и прикладывает к лицу.

— Тебе ещё что-нибудь нужно? — спрашиваю я.

— Имбирный эль, — говорит он. — В холодильнике есть немного.

Я киваю и иду обратно в кухню, где мимоходом забираю со столешницы пустое ведёрко для смешивания коктейлей. Вернувшись в коридор, захожу в комнату с открытой дверью. Мэтью сидит на краю кровати, обхватив голову руками. Я ставлю ведёрко напротив него.

— Вдруг позже пригодится, — говорю я.

— Спасибо, — отвечает он и делает глоток своего эля. Я забираю из его рук полотенце и иду в ванную, чтобы снова охладить его. Когда возвращаюсь, Мэтью уже лежит на кровати, поэтому я осторожно кладу полотенце ему на лоб и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Не разбивай ему сердце, — произносит он.

Его только что вывернуло наизнанку, а он переживает о том, чтобы я не разбила

сердце Логану!

— Я здесь только на одну ночь, — говорю я.

Он фыркает. Хотя по звуку это больше напоминает сопение. Но я поняла его — он мне не верит.

— Увидимся завтра, — произносит он.

Я выключаю свет, прежде чем выйти из комнаты, и закрываю за собой двери.

Стиральная машинка как раз недавно остановилась, и я вытаскиваю всё, что было, из сушилки и вижу, что куча на машинке увеличилась. Начинаю складывать их вещи, чтобы они не помялись, а также те, что вытащила из сушилки. Она освободилась, и я кидаю туда свои выстиранные вещи, и тут же вспоминаю об огромной кипе грязного белья в коридоре и загружаю её в стирку. Почему бы и нет? Такие пустяки.

Возвращаясь обратно на кухню, я слышу, как похрапывает Логан. Его волосы спутались на лбу. Интересно, смотрела ли его мать на него вот такого же спящего?

В кухне суший бардак. Я вытаскиваю мусорный мешок из кладовки и убираю туда коробки от пиццы. Потом расставляю по местам всё съедобное, что было на столешнице, а её хорошенько отмываю. Когда возвращаюсь в спальню, кухня сияет чистотой.

Зевнув, я закрываю за собой дверь. Но сейчас уже не чувствую надобности её запирать.

Посреди ночи кровать прогибается, и я испуганно просыпаюсь. Моё сердце стучит, словно отбойный молоток, и я поспешно передвигаюсь к краю кровати.

— Что ты делаешь? — звучит мой вопрос.

Это Логан, но в комнате темно, и он не может видеть моё лицо или слышать мой голос. Он перекачивается на свой край, подальше от меня, глубже зарываясь в подушку. Когда он устраивается поуютнее, с его губ слетает очень милое причмокивание. Затем он протягивает руку за спину, стягивает с меня одеяло и накрывается им сам.

Он же на самом деле даже не представляет, что спит здесь, ведь так? Я могла бы пойти спать на диван, но Логан уже сопит. Он уснул. Я склоняюсь и вглядываюсь в его лицо. Он не шевелится. И он не собирается меня соблазнить. Просто спит.

Я перекачиваюсь на бок и сворачиваюсь калачиком — без одеяла как-то зябко. Думаю, я могла бы пойти и взять одно с дивана. Я помню, что он забирал его с собой. Но боюсь, что разбужу Логана, если встану. Поэтому я хватаю край того, что он только что украл у меня, и натягиваю на себя, чтобы закрыть хотя бы половину своего тела. Он не двигается. Что ж, тогда всё в порядке.

Логан

Я медленно просыпаюсь, и тут же понимаю, что ко мне прижимается тёплое тело. Подняв голову, вижу ногу, перекинутую через меня. Грудь обнимает изящная рука, а под подбородком, прямо там, где сердце, примостилась голова с чёрными волосами и синей прядью.

Её бедро оголилось, и это так охрененно здорово, что мне не хочется шевелиться. Запах её шампуня щекочет нос, и я гадаю, каким образом очутился с ней в постели. Бесспорно, мы только спали, ничего больше. Думаю, я проснулся посреди ночи, чтобы отлить, и случайно вернулся к себе. И уже другой вопрос, почему она обвилась вокруг меня.

Улёгшись обратно на подушку, я смотрю в свой потрескавшийся потолок. Всё это произошло случайно. Будет скверно, если Кит подумает, что я хочу затащить её к себе в постель. Что хочу только одного — переспать с ней. Но именно этого я и хочу. Прямо сейчас мне хочется перевернуть её и медленно стянуть с неё розовые трусики, из-за которых вчера вечером она попросила меня отвернуться. Мне хочется покрыть её поцелуями от пяток до промежности. Я снова смотрю на её бедро. И не могу удержаться — кладу на него свою руку. Она ёрзает и ещё крепче прижимается ко мне, её груди покоятся на моей груди.

У меня так встаёт, что вся кровь начинает пульсировать в моём члене. Блин!

Солнце восходит, и скоро братья будут слоняться по всей квартире. И они не захотят выслушивать мои объяснения, если обнаружат меня здесь. Ведь я заснул на диване и клялся, что проведу там всю ночь.

Вот дерьмо!

Мне так хотелось, чтобы она была в безопасности, а теперь Кит лежит в одной постели со мной. Или я с ней.

Невольно я крепко сжимаю её бедро. Повернувшись к ней, подталкиваю её ногу повыше. Мне нужно проскользнуть под рукой Кит. Но вдруг её карие глаза открываются. Мы лежим лицом к лицу. И она не выглядит испуганной.

— Ты украл одеяло.

Пусть сейчас у неё не самое свежее утреннее дыхание, но мне ещё никогда не хотелось поцеловать кого-то так сильно.

— Почему ты прижимаешься ко мне? — спрашиваю я.

Она осматривается, чтобы убедиться в моих словах, и снова закусывает нижнюю губу между зубами. Я очень осторожно вытаскиваю её своим большим пальцем, и Кит облизывает губы — точно так же, как вчера вечером.

— Я замёрзла. А ты был тёплым.

— Я уснул на диване, — говорю я.

Кит кивает, прислоняется ещё ближе ко мне и утыкается в мою грудь. Она глубоко вдыхает, и я чувствую её дыхание сквозь тонкую ткань футболки. Она что, только что меня понюхала?

— Ты хорошо пахнешь, — произносит она, поднимая лицо, чтобы я смог читать по её губам.

Точно, она меня нюхала. Ничего не могу с собой поделать. Я обхватываю ладонями её попу и притягиваю ближе к себе.

— Ты всегда такая сладкая спросонья? — спрашиваю я. Кит словно сахарная вата в моих руках.

От неё пахнет чистотой, и она не отталкивает меня.

— А я ещё и не проснулась, — говорит она. Потом поворачивается в моих объятиях и оказывается спиной ко мне. Её голова лежит на моём локте, а попа утыкается в мой пах. Кит лежит ниже меня, и я больше не вижу её лица. Но сомневаюсь, что она что-то говорит. Её тело такое мягкое в моих руках, она выдыхает сквозь приоткрытый рот, обжигая кожу на моей руке.

У неё холодные пятки, я чувствую их своими ногами, поэтому разворачиваю одеяло

поверх нас обоих и укутываю её.

Мне не хочется отпускать Кит. Но нужно вставать. И нужно вернуться обратно на диван. Я закрываю глаза и провожу по её волосам, зажатых между нами.

Кит позволяет мне обернуться вокруг неё, но, как она сама призналась, сон её ещё не отпустил. Не испорчу ли я всё это, оставшись? И продолжаю обнимать Кит. Раньше ни одна девушка не спала в моей кровати всю ночь. Никогда. Я всегда просыпался один. Именно этого мне и хотелось. До этого момента.

Я обнимаю её за талию. Полежу с ней ещё несколько минут.

Дверь в мою спальню распахивается настежь, и я даже чувствую, как она тяжёло ударяется о стену. По утрам Пол напоминает медведя, когда пытается нас разбудить. Он ходит по коридору и открывает двери, включает свет, и так продолжается, пока близнецы не встанут, чтобы собраться в школу. Они оба ученики выпускного класса старшей школы и им приходится выходить рано. Я смотрю на Пола, когда он останавливается в проёме двери.

Я так и знал, что ты не выдержишь на диване всю ночь, показывает он мне. Но не говорит голосом. Скорее всего, просто не хочет разбудить Кит. Она спит на животе, засунув руку под подушку, одна нога подвинута в сторону. Я сажусь и смотрю на неё. Моя футболка с «AC/DC» поднялась до её талии, а одна половина розовых трусиков сдвинулась и застряла между ягодицами. Из-за этого её левая ягодица выставлена на обозрение — упругое, но расслабленное полушарие. Поднявшись, я натягиваю на её попу одеяло.

Заткнись, показываю я Полу.

Протянув руку, хватаю свои джинсы и быстро просовываю в них ноги. Труссы-боксеры я надел вчера вечером, когда ложился спать.

Пол одет в пижамные штаны, без рубашки. Когда я захожу на кухню, близнецы доедают свою кашу, оба в одних трусах.

Оденьтесь. Кит ещё здесь, показываю я им.

— Так её зовут? Кит? — спрашивает Сэм.

Я мотаю головой. *Не думаю*. Я больше чем уверен, что это её не настоящее имя. *Так её окликнул на улице какой-то парень*.

— Откуда она? — спрашивает Пит.

Не знаю. Она мне не говорит.

Пол показывает в сторону дивана.

— Ну, как тебе спалось? — Он ухмыляется.

Моя шея всё ещё болит из-за сна на диване.

Я показываю: *Отлично*.

— Она спала в твоей кровати. С тобой. — Ухмылка Пола уступает место сердитому взгляду.

Я киваю. *Но не всю ночь. Лишь часть*. Я пытаюсь нащупать кофейник, но на привычном месте его нет. И вообще, что за хрень случилась с кухней?

Пол опёрся бедром о столешницу и сверлит меня взглядом.

— Когда мы проснулись, то увидели вот это.

И он показывает на чистую поверхность нашей столешницы. Я даже уже и не вспомню, когда видел её такой.

А где все продукты?

Он открывает кладовку и показывает внутрь. Она всё убрала? В раковине нет посуды, пока Сэм не опускает туда свою миску. Я говорю ему, чтобы он положил её в посудомоечную машину. Если уж Кит так поусердствовала, чтобы навести в нашей кухне чистоту, то и мы можем постараться, чтобы всё так и осталось, разве нет?

— О, мужик, — начинает было Сэм, но открывает посудомойку и убирает туда тарелку.

— Так, вы двое, собирайтесь в школу, — говорит Пол. Он разгоняет их по комнатам,

чтобы близнецы оделись. — И в следующий раз наденьте побольше одежды, прежде чем выходить из своих спален, — предупреждает он их. Потом смотрит на меня. — Как долго Кит здесь пробудет?

Взгляд Пола перемещается за моё плечо, и он улыбается. Я оборачиваюсь и вижу Кит. У неё взъерошенный вид, а на щеке отпечаталась подушка.

— Я ухожу сегодня, — отвечает она. И направляется к кофейнику, который стоит на другом шкафчике. Согласен, она переставила его в удобное место, но всё равно что-то не то. Кит берёт кофейную кружку и до краёв наполняет её кофе, потом поворачивается и говорит:

— Спасибо вам, что позволили мне переночевать. Я очень признательна.

Мне хочется спросить её про чистую кухню и поблагодарить, но я не могу воспользоваться голосом при братьях.

— Она и ванную вычистила, — говорит Сэм, появляясь из-за угла. У него влажные волосы, он наклоняется ко мне. — Я пахну не слишком по-девчачьи? — спрашивает он и немного смущённо смотрит на Кит. — Я воспользовался твоим шампунем. И твоим мылом.

Пол пихает его в плечо.

— Он бы и тампонами твоими воспользовался, оставь ты их там.

Она мило заливается румянцем.

— Держись подальше от её вещей, ушлёпок, — предупреждает Пол.

Он поправляет свои джинсы.

— Она аккуратно сложила мои джинсы. Как-то странно быть одетым в то, что не скрутилось в клубок в корзине в углу комнаты.

Я пристально смотрю на Кит. И всё это она сделала, пока мы спали? Мне хочется сказать ей, что она не должна была отрабатывать свой ночлег.

— Что? — спрашивает она. — Мне не спалось.

Но ей отлично спалось в моих объятиях. Я не хочу об этом думать, потому что не могу поверить в то, что мне настолько это понравилось.

Сэм наклоняется и чмокает её в щёку, а Пит — в другую. Она гримасничает, но никого из них не шлёпает.

— Голосую, чтобы она осталась ещё на день, — говорит Пит. Он смотрит на её голые ноги. Честно говоря, в ночных клубах я видел девиц, на которых было ещё меньше одежды, чем сейчас на ней. — Она клёвая, — говорит он. Потом хватает со стола банан и несётся к двери. Сэм — за ним по пятам. Они уже закрывают за собой двери, когда голова Сэма просовывается обратно:

— Я тоже голосую за, — говорит он. И дверь снова закрывается, со стуком.

Кит улыбается и смотрит поверх моего плеча. Это проснулся Мэт, и выглядит он подобно смерти.

— И я за, — произносит Мэтью и садится на стул, пряча в руках лицо.

Пол пожимает плечами.

— Меня тоже устраивает, — говорит он. — Но последнее слово за Логаном, ведь это его кровать.

И Пол уходит, чтобы собраться на работу. Мне тоже нужно собираться, но попозже, около одиннадцати. Брат всегда уходит раньше, ему нужно поработать с документами.

Кит достаёт из холодильника имбирный эль, наливает в стакан. Потом протягивает его Мэту, который, еле улыбаясь, благодарит её. Она ничего не говорит в ответ, лишь сжимает его плечо. Что между ними происходит? Нам он не позволяет ни малейшей мелочи для себя сделать, а Кит разрешил налить себе попить?

Она улыбается и уходит в спальню, забрав свой кофе.

— Мужик, она разобьёт твоё долбанное сердце, — предупреждает Мэт, когда дверь за ней закрывается.

Я знаю. Она разобьёт моё долбанное сердце. Потому что ещё никогда в жизни я ни от кого не хотел того, что хочу от неё, пусть даже не могу определить, чего именно.

Просыпаться в его объятиях было одним из самых лучших моментов в моей жизни. Вот поэтому просыпаться мне и не хотелось. Хотелось навсегда остаться вот так. Поэтому, когда он начал задавать мне вопросы, как так получилось, что мы прижимаемся друг к другу, я притворилась спящей и перевернулась на другой бок в надежде, что он меня обнимет. Так он и сделал. Обернулся вокруг меня всем своим телом. Я целенаправленно отвернулась, чтобы избежать объяснений. Мне не хотелось рассказывать ему о том, что почувствовала, когда он забрался в постель рядом со мной. Или когда я касалась его ночью, и он позволил мне положить голову на его грудь.

Я и не собиралась прижиматься к нему, но, очевидно, он не был расстроен, что так получилось. Судя по стояку в его боксерах, ему даже очень понравилось.

Но и после этого Логан вёл себя очень уважительно по отношению к моему телу.

Я выхожу из его спальни, одетая в свою школьную форму. Теперь она чистая, и я была не против её надеть. И, кроме того, это означает, что я уйду из его квартиры. Сумка висит на плече, в руке гитара. Мы здесь вдвоём. Пол ушёл на работу час назад. Уверена, что Мэт остался дома. Но его тошнит так сильно, что он вряд ли сможет сохранять вертикальное положение, что уж говорить о работе с людьми. Скорее всего, он в своей комнате, потому что за кухонным столом сидит только Логан и читает газету. Он поднимает глаза, когда я вхожу, его лицо вытягивается.

Он показывает мне руками жесты, как будто спрашивает, что происходит.

— Я должна идти, — объясняю я. И крепче сжимаю гитару. — Мне нужно идти на работу. И тебе тоже. Уверена, тебе бы не хотелось, чтобы я оставалась тут, пока дома никого нет. Что, если я что-нибудь украду? — Я стараюсь перевести всё в шутку, но он не улыбается.

— Тебе не нужно уходить, — говорит он. — Останься.

Он поднимается и встаёт передо мной.

Я снова сжимаю гитару.

— Я не могу. Я должна работать. — У меня за душой только тридцать два доллара. А без денег я не смогу найти себе приличное место, где можно будет остановиться. Даже на одну ночь.

Словно читая мои мысли, Логан вытаскивает свой бумажник и открывает его. Вытащив деньги, он пытается всунуть их мне в руку. Но я не могу взять его деньги.

— Останься, — говорит он. Он хочет, чтобы я осталась, а не ушла выступать за деньги.

Я качаю головой. Ему это тяжело объяснить. Мне так сильно хочется остаться. Но я не могу. Не могу с комфортом устроиться где бы то ни было. Потому что завтра мне снова нужно будет уйти.

— Спасибо, что разрешил мне здесь переночевать, — шепчу я. Конечно, он не может услышать, как я говорю, но может читать по губам. Указательным пальцем он поднимает мой подбородок, чтобы я посмотрела на него.

— Спасибо, — повторяю я.

— Вернёшься сегодня вечером? — спрашивает он. Моя рука в его руке, его большой палец скользит туда-сюда по моей коже. — Я буду спать на диване. Обещаю.

Я смотрю на него и, с трудом сглотнув, признаюсь:

— Мне понравилось спать с тобой в одной кровати.

Сузив глаза, он так пристально смотрит на меня, как, по-моему, ещё никто не смотрел. Но ничего не говорит.

— Думаю, я запала, — тихонько произношу я. Пожалуй, не нужно было этого говорить. Но я должна была ему сказать. Что я не просто использовала его, чтобы было где переночевать. Я бы даже могла по-настоящему полюбить его, если бы обстоятельства сложились иначе. Но это не так. Я не могу.

Судя по его озадаченному виду, Логан не понял смысла слов, что я сказала.

— Что? — спрашивает он.

— Думаю, я запала, — мне приходится повторить. Но он по-прежнему озадачен.

И такое ощущение, что он собирается позвать Мэтью, чтобы тот переводил. Я останавливаю его, резко дёрнув за руку.

— Ты мне нравишься, — чётко произношу я. — И поэтому я ухожу. Так будет лучше для тебя и твоих братьев. Ты слишком мне нравишься, чтобы я осталась.

— Что за чушь, — говорит он.

Да, это чушь. Но он ничего обо мне не знает. Не знает, как много людей разыскивает меня и почему. А когда он это выяснит — а я не сомневаюсь, что так и произойдёт — он возненавидит меня за то, что я не рассказала ему этого сразу.

— Поужинаешь со мной? — Его брови вопросительно взлетают вверх. Логан выглядит полным надежды, чего я совсем не хочу. Он чуть сгибает колени, чтобы смотреть мне в лицо.

— Ужин? — снова спрашивает он, как будто я в первый раз не поняла. — Свидание. Я приглашаю тебя на свидание.

Я качаю головой. Он не должен был понравиться мне за такое короткое время, но я увидела возможности там, где раньше ничего не было. Он заставил меня поверить, что я действительно могу находить общий язык с людьми. Если бы я была кем-то другим, то, возможно, согласилась. Но я есть я. И я не могу.

— Спасибо, что позволил мне здесь переночевать. И за стирку, и за душ. Я действительно тебе очень признательна. Поблаговаришь своих братьев за меня?

Он опускает руку, а я чувствую себя так, будто кто-то только что отвязал мой якорь и меня сейчас унесёт прочь. Логан кивает. Он отходит обратно к столу и садится, начиная листать страницы газеты. Его глаза больше не смотрят в мою сторону, и меня охватывает чувство потери, как если бы мне отрубили руку.

Я покидаю квартиру и прислоняюсь к стене за дверью. Не могу впустить его в свою жизнь. Ему от этого будет только хуже. Всем им. Это точно.

У меня снова замёрзла попа, хотя под клетчатой мини-юбкой на мне чёрные леггинсы. В метро холодно, и я сижу на своей сумке, чтобы уберечь свой зад от холодного бетона. Но от этого мало толку. Я уже собрала двадцать четыре доллара, так что сегодня хороший день. Наверняка, у меня совершенно несчастный вид, потому что люди кидают деньги в мой футляр, словно я бездомная. То есть, да, так и есть, но я же не держу табличку с надписью «Умираю от голода».

Уже восьмой час вечера, а я сижу здесь с тех самых пор, как ушла из квартиры Логана. У меня устали руки, и меня не покидают мысли, что пора бы уже двигаться отсюда. Вечерний час-пик уже прошёл, а после того, как стемнеет, обычно начинают появляться пьяные. Поэтому в позднее время я никогда не чувствую себя в безопасности в переходе метро. Я собираю свои вещи и укладываю гитару в футляр. Заработанная сегодня наличность находит прибежище в моём кармане. Наступила осень, и на улице становится всё холоднее, но у меня нет пальто. Получается, на свои деньги я могу снять комнату в мотеле или отправиться в магазин подержанных вещей и найти себе пальто, чтобы не замёрзнуть, когда погода совсем поменяется. Но если я выберу последнее, то мне придётся снова спать в приюте, конечно, в случае, если у них ещё будут места.

Что ж, пусть будет пальто, приют, и завтра я снова отправлюсь в подземку.

Кто-то окликает меня по имени, когда я поднимаюсь из перехода, и, повернувшись, я вижу стоящего у фонарного столба Боуна.

— Как дела, Кит? — спрашивает он. Его глаза пробегают по моему телу, и меня передёргивает от отвращения.

— Отлично, — быстро говорю я. — Ты что-то хотел?

Он мотает головой, сжимая губы.

— Тебе есть, где переночевать сегодня?

Он задаёт мне этот вопрос при каждой нашей встрече, словно собирается подловить меня в неудачный момент, и я соглашусь на всё, что он предложит. Пусть я даже понятия не имею, что он собирается предлагать, но, определённо, ничего хорошего для меня.

— Да, спасибо, что спросил.

— Не за что, Кит. — Он разворачивается и уходит, обхватив рукой плечи какой-то девицы. Она как будто бы под кайфом. Готова поспорить, именно такими они ему и нравятся.

Я иду по городу, направляясь к приюту. Он как раз за углом от того места, где работает Логан. Не могу не пройти мимо. Внутри горит свет, и люди все ещё слоняются рядом. Я сбавляю скорость в надежде увидеть его. Мне просто хочется его увидеть. Хотя он наверняка меня ненавидит. Но я хочу увидеть, как он ходит, дышит, а может, даже смеётся.

Неоновая вывеска над зданием гласит: «Салон Ридов». Интересно, это их фамилия — Рид? К дверям подходит Пол и приветственно поднимает руку. Склонив голову, он рассматривает меня. И как-то слишком внимательно. Потом приоткрывает дверь и спрашивает:

— Войдёшь?

Я качаю головой.

— Мне не следует.

Он кивает.

— Тебе не следует. Но ты всё равно здесь. — Пол рукой показывает мне зайти. — Он в задней комнате.

Такое ощущение, будто мои ноги живут своим умом. Я направляюсь вглубь салона, проходя мимо девушки за стойкой администратора, которая сердито смотрит на меня. Я её игнорирую. Передо мной появляется штора, наверняка, он за ней. Я медленно отодвигаю занавеску. Он не может меня слышать, потому что повернут спиной ко мне. А на столе лежит обнажённая по пояс женщина. Он стоит перед ней, обнимая её одной рукой, когда вторая занята её правой грудью.

— Чёрт, — говорю я. У меня такое ощущение, будто мне дали под дых. Дамочка вздрагивает, а Логан поднимает глаза. У меня нет другого выхода, кроме как ретироваться. Я только и делала, что думала о нём весь день, а он уже с одной из своих шалав. Конечно, я была в курсе, что у него таких полно. Но куда хуже видеть, как он касается одной из них. У меня нет никакого права ему что-либо предъявлять. Я ведь даже не планировала приходить и разыскивать его. Это Пол настоял. А он знал, на что я наткнулась?

Пол встаёт на моём пути, когда я несусь к дверям.

— Кит, — произносит он, блокируя мне выход своим телом.

Я поднимаю руки вверх, чтобы он отстал. Я и вздохнуть-то не могу, не говоря уже о том, чтобы болтать с ним. До дверей остаётся совсем чуть-чуть, когда Логан выбегает за мной из задней комнаты. Я слышу топот его ног по ламинированному полу.

Логан догоняет меня, крепко, но в то же время осторожно хватая мой локоть.

Слёзы жгут глаза. Даже не пойму, откуда они взялись. Но вот взялись. И я не хочу, чтобы он их видел. Логан выставляет палец, призывая меня подождать. Я не могу ждать. Ещё чуть-чуть, и он увидит, как я даю волю эмоциям.

Он уверенно берёт меня за руку и тащит за собой в заднюю комнату. Когда он отодвигает штору, я вижу, что женщина сидит в той же позе, в которой он её оставил. Только теперь она прижимает к груди тонкий кусок бумаги.

— Привет, — говорит она.

Логан показывает в сторону стула и жестами просит меня сесть на него.

Я качаю головой.

— Нет.

Он снова указывает на стул. Я плюхаюсь на него, но только из-за того, что мои ноги

меня больше не держат.

Он поворачивается к женщине и убирает бумагу. Логан делает ей татуировку на соске. Я отвожу взгляд.

— Всё в порядке, — говорит женщина. — Он проделал великолепную работу. Я не против, если вы увидите.

Он делает ей татуировку. Ну конечно же. Я выдыхаю с огромным облегчением. Он делает татуировку. Я заглядываю через его плечо, он уже заканчивает. Оказывается, Логан не просто набивал ей тату на соске. Сам сосок и был татуировкой. Что за чёрт?

— Двойная ампутация молочной железы, — поясняет женщина. — Логан делает бесплатные татуировки для таких, как я. — И она выгибает спину, сдвигая свои груди. — Как вам?

Они выглядят настоящими. Идеальные тени по краям, обычный сосок в середине большой ареолы. Но в этом нет ничего обычного. Это произведение искусства. Цвет совпадает с цветом её губ, и я не могу поверить, настолько эти соски выглядят натуральными.

— Ух ты, — говорю я. Ну а что ещё можно сказать? Милые сосочки? Прекрасные буфера? — Потрясающе.

Логан держит перед ней зеркало, и женщина рассматривает сначала одну, потом вторую грудь.

— Они само совершенство! — визжит она. Потом закидывает свои руки ему на шею, он крепко её обнимает, улыбаясь мне поверх её плеча. Логан делает шаг назад, наклоняется и легонько целует её грудь. Глаза женщины, как и мои, наполняются слезами.

— Всем их покажу! — говорит она и выходит в переднюю часть салона, держа бумагу поверх груди. Девушка-администратор подходит полюбоваться её сосками, а Пол старается смотреть куда угодно, только не на её буфера. В салоне никого нет, но, по-моему, этой женщине сейчас всё равно, даже если бы там кто-то и был.

— Ей хотелось снова почувствовать себя сексуальной, — тихо говорит мне Логан, задёргивая шторы.

— Твоя работа прекрасна. — Я постукиваю футляром с гитарой по своим ногам, не зная, что ещё сказать. Это действительно удивительно, насколько реалистичной получилась тату. Тени и цвета соответствуют размерам её новой груди — всё отлично сочетается.

— Они ей нужны. — Логан пожимает плечами. Скромняга.

Женщина врывается обратно, очень довольная. Натянув через голову свою кофту, она достаёт деньги из сумки.

— У меня здесь немного, — начинает она.

Он суёт их обратно в её сумку, качая головой.

— Он их не возьмёт, — говорю я

Она подозрительно смотрит на меня.

— А ты кто такая?

— Никто.

Она кивает. Потом целует Логана в щёку, машет мне рукой и уходит.

Логан начинает очищать свои инструменты. Краем глаза наблюдая за мной, он спрашивает:

— Зачем ты пришла?

Я открываю рот, но не могу придумать подходящего ответа. И закрываю его. Логан останавливается и опирается бедром о стол, скрестив руки на груди.

— Могу я угостить тебя ужином? — брякаю я. Сама не понимаю, как это получилось. Но вот как-то так.

Он улыбается мне.

— Конечно.

Логан

— Что хочешь съесть? — спрашиваю я, когда мы выходим из тату-салона. Кит позвала с нами и Пола, но, думаю, он всё-таки увидел мольбу в моих глазах, когда я посмотрел в его сторону. Мне нужно побыть с ней наедине. Мне нужно, чтобы у нас было свидание. Пусть это она меня пригласила, но я никогда не позволю ей заплатить за мой ужин. Ни за что.

— Мне всё равно, — отвечает Кит, пожимая плечами.

И тут я понимаю, что совершенно не представляю, что ей нравится.

— Что-нибудь из итальянской кухни? — я указываю на итальянский ресторан на углу рядом с моим домом.

Она кивает, улыбаясь.

— Не думал, что ты вернёшься. — Я придерживаю перед ней двери, когда она заходит в полутёмное помещение ресторана впереди меня. Официантка ведёт нас к столику в угловой кабинке, и Кит проскальзывает на сиденье напротив меня.

— Мне не стоило возвращаться. — Футляр от её гитары ударяется о мою ногу, когда она убирает его под стол.

— Извини, — говорит она, сморщившись. Внезапно ей становится неуютно в моей компании.

Это извинение за то, что она ударила меня, или за то, что ушла сегодня утром?

— Чем ты занималась сегодня? — спрашиваю я.

Она корчит рожицу и показывает на свою одежду.

— Играла на гитаре в метро.

— Удачно?

Кит пожимает плечами.

— Там холодно. У меня попа до сих пор мёрзнет, — признаётся она. Перед глазами у меня тут же возникает чёткая картина того, как я могу помочь ей согреть её зад. Сегодня утром я уже видел идеальное полушарие её ягодицы.

— Что? — спрашивает она.

Должно быть, мои мысли отразились на моём лице.

— Ничего, — отвечаю я. Но на моих губах играет ухмылка.

— Что смешного? — Она склоняет голову набок, задавая вопрос.

Я качаю головой.

— Думаю о всяких непристойностях, — говорю ей правду. — Прости. Больше такого не повторится. Продолжай. — Я показываю ей руками, чтобы она рассказывала дальше.

— Ага, думал о моей заднице. — В этот раз она и сама ухмыляется.

Мои щёки краснеют. Она чертовски милая.

К нашему столику подходит официантка и кладёт меню перед каждым из нас.

— Пожалуйста. Не хотите ознакомиться с нашими фирменными блюдами? — Она подмигивает мне, стараясь встретиться со мной взглядом. Я решаю, что не буду смотреть на неё.

Кит кивает в ответ на её вопрос. Официантка быстро произносит несколько названий и их цены, и я вижу, как Кит протягивает руку к своему карману и считает деньги под столом. Чёрта с два я позволю ей оплатить наш ужин.

— Какие напитки вам принести?

Кит вопросительно поднимает бровь, глядя на меня, и я показываю сначала на неё, потом на себя, чтобы она заказала мне то же самое, что и себе.

— Рутбир? — спрашивает она.

Я киваю. Официантка уходит, оставляя нас с меню. Я открываю своё, а Кит нет.

— Ты знаешь, что хочешь? — спрашиваю я.

— А что ты берёшь? — Она улыбается мне.

Я открываю её меню перед ней и показываю на слово вверху страницы.

— Что ты видишь, когда смотришь на это?

Она морщит нос.

— Вижу кое-кого, кто думает, что может научить меня читать. — Кит закрывает меню. — Поверь мне, кое-кто получше тебя тоже пытался.

— Кто, например? — спрашиваю я.

Она отпивает своего рутбира через соломинку, её губы сжаты вокруг неё.

— Лучше спросить, кто не пытался. Меня со всех сторон обследовали и осматривали, обучали по специальным методикам, водили к терапевтам, которые думали, что могут разблокировать мой разум. Но никто не смог.

Она не выглядит опечаленной этим.

— Я знаю слова, — продолжает она. Она на самом деле хочет мне всё это разъяснить, ну а я действительно хочу это услышать. — Я могу произносить слова по буквам. И я знаю их значение. Единственная трудность для меня — это то, как они напечатаны на бумаге. — Она пожимает плечами. — Не жду, что ты поймёшь.

Сейчас она смотрит куда угодно, только не на меня, и я жалею, что надавил на неё.

— То есть, ты знаешь слова и можешь произносить их по буквам в своей голове? — Я озадачен.

— Чудно, да? — смеётся она, но на лице нет улыбки. — Дислексия — не самое приятное в жизни.

Появляется официантка с корзинкой хлеба и ставит её на середину стола. Кит берёт кусок, а я задаюсь вопросом, ела ли она сегодня.

— Выбрали, что будете заказывать? — спрашивает официантка. Я указываю на курицу-пармиджана. Она кивает и странно на меня смотрит. Поняла, что что-то не так. Но, в то же время, я по-прежнему вызываю её интерес.

— А вы что порекомендуете? — спрашивает её Кит. Она проделывает то же самое, что и вчера за ужином. Наверное, только так ей и удаётся справляться.

— Курица-пармиджана отменное блюдо, — отвечает официантка, улыбаясь мне. На Кит это не производит впечатления. — Но моё любимое — это Альфредо.

Я поднимаю брови, побуждая её что-то выбрать. Она смеётся.

— Ладно, но только если мне не понравится, я заберу твою курицу, — предупреждает Кит. Я киваю. — Я возьму Альфредо, — говорит она официантке.

Кит подносит хлеб ко рту и откусывает кусочек. На её губе остаётся крошка, и мне хочется протянуть руку, поймать её и поднести к своим губам. Но я не осмеливаюсь. Сейчас она ужинает со мной. Но если я надавлю на неё, она сбежит.

— Ты сегодня ела? — вырывается у меня.

Её лицо вспыхивает, но она кивает. Врёт. Уверен в этом.

Я подвигаю хлебную корзину ближе к ней:

— Ешь.

Она берёт ещё кусок.

Какое-то время Кит молча жуёт, но потом смотрит на меня. Выражение её лица смягчается, когда она говорит мне:

— То, что ты сделал для той женщины, в тату-салоне... — Я киваю, когда она останавливается. — Это было потрясающе и прекрасно. Как ты научился этому?

Я пожимаю плечами. Не помню, учился ли вообще. Я просто понял, что могу это нарисовать. А если я могу что-то нарисовать, то могу из рисунка набить тату.

— Думаю, она была довольна.

— Ты смеёшься? — Кит хлопает по столу. — Она была в экстазе. И они правда получились красивыми. Словно произведение искусства. Могу я посмотреть на твои татуировки? — нерешительно спрашивает она.

На мне пальто, и я движением плеч скидываю его, чтобы показать ей. Мне хочется, чтобы она увидела моё творчество. Я сам нарисовал почти все мои тату, а братья набили их. Пальто снято, и я кладу руки на стол ладонями вниз. Она наклоняется, чтобы

рассмотреть поближе. Татуировки на обеих руках тянутся от самой шеи до запястий.

Она легонько касается татуировки в виде губ, набитой на предплечье. Все волоски на моей руке становятся дыбом, но я притворяюсь, будто не замечаю этого.

— Почему ты её сделал? — спрашивает Кит.

Я улыбаюсь.

— Она связана вот с этой. — И я показываю на другую свою руку. — Эту фразу часто говорила моя мама.

Она морщит лоб, глядя на крест на другой руке.

— «Твои б слова да богу в уши», — объясняю я. — Только в моём случае между моими губами и божьими ушами слишком большое расстояние. Поэтому они на разных руках.

— Ты часто видишься с мамой? — спрашивает Кит. Она по-прежнему ест хлеб, и это хорошо. Я буду продолжать говорить с ней, чтобы она продолжала есть. Ведь я понял, что сегодня она целый день провела голодной.

Я мотаю головой.

— Она умерла несколько лет назад.

— О! — Её рот перестаёт двигаться, и она с трудом проглатывает. — Мне очень жаль.

Я пожимаю плечами. Это была нелепая случайность.

— А твой отец? — спрашивает она.

— Он ушёл сразу после смерти мамы, — рассказываю я. Это всегда было тяжёлой частью. — Я думаю, нас было слишком много для него. — Я смеюсь. Но в этом нет ничего смешного.

— Значит, остались только ты и твои братья?

Я киваю.

— Когда отец ушёл, Пол взял на себя эту ответственность. Ему пришлось так сделать, чтобы нас не разделили.

— Ничего себе. — Это всё, что она говорит. Просто «ничего себе». Похоже, она озадачена.

— Мы справляемся, — говорю я. Мне не хочется, чтобы она меня жалела. — А как насчёт тебя? Где твоя семья? — Я жду, словно ребёнок в кондитерской.

Но она отрицательно качает головой.

— Не скажу, — говорит она.

— Это нечестно.

Она выставляет палец, точно так же, как делаю я.

— Понимаю, что нечестно. Но лучше, если ты не будешь знать.

— Лучше для кого? — спрашиваю я. Меня немного бесит, что она всё скрывает. У неё есть право на свои секреты. Но мне это не нравится.

— Это сложная ситуация, — начинает она. — И я не могу тебе объяснить.

Она снова смотрит на мои татуировки. Её глаза перебегают от одной к другой. Их так много, что трудно посчитать. Но я обязан показать ей её тату.

— Хочу, чтобы ты кое-что увидела, — говорю я. — Но боюсь, ты на меня разозлишься.

Она сразу же настораживается.

— Почему? В чём дело?

Я поворачиваю руку и показываю на её татуировку, сделанную на внутренней стороне моего запястья. Там было свободное место, которое я специально берёг для чего-то особенного. Она наклоняется ближе и с шумом выдыхает. Я чувствую её дыхание на своей коже.

— Это же моя тату, — говорит она.

Она берёт меня за запястье своими руками и подносит ближе к лицу.

— Ты злишься? — спрашиваю я.

Кит на мгновение переводит взгляд на меня, но тут же возвращается к татуировке. Она рассматривает каждый штрих. Её руки дрожат, и она крепче вцепляется в меня.

— Ты её изменил.

— Мне показалось, что тебе нужен был выход.

Я набил себе эту тату, потому что был заинтригован скрытыми в ней секретами. И это творчество. А я ценю творчество в любой его форме.

Она сглатывает. С трудом. И тут её глаза наполняются слезами. Она моргает, чтобы остановить их. А потом поднимается и бежит в направлении уборной.

Вот дерьмо. Я облажался. Довёл её до слёз. Кит пробегает мимо официантки, которая шарахается в сторону, но потом направляется ко мне, виляя бёдрами. Я поднимаюсь и следую за Кит. Остановившись у двери в женский туалет, я прижимаю к ней руку. Не знаю, чего я жду. Она там внутри, плачет, но я не могу услышать сквозь двери, когда ей станет лучше. Да пошло всё. Я не оставлю её расстроенной. Проталкиваюсь внутрь, нагибаюсь, но не вижу ног ни в одной из кабинок.

Чёрт, куда она подевалась? Я настежь распахиваю все двери, но последняя закрыта. Встав на носки, я смотрю поверх кабинки. Кит стоит там, руки прижаты к стене, голова опущена, а спина трясётся. Она плачет.

Я стучу в дверь кабинки:

— Кит,пусти меня.

Она ничего не говорит. Да и как бы я смог услышать, если бы она и сказала? Я снова поднимаюсь на цыпочки и смотрю поверх кабинки. Она по-прежнему плачет.

— Впусти меня, — повторяю я. Она не двигается, поэтому я иду в соседнюю кабинку и встаю на унитаз. Слегка раскачиваю перегородку. Она должна выдержать мой вес. Но есть только один способ выяснить наверняка. Я поднимаюсь на руках и перегибаюсь через стенку, потом медленно и осторожно переносу ноги и спрыгиваю вниз.

Я не успеваю подойти к ней, как Кит уже оказывается в моих объятиях, её руки обвиваются вокруг моей шеи. Она всё ещё всхлипывает, от чего её тело сотрясается. Я поднимаю её лицо, потому что иначе мне невозможно увидеть её губы и понять, говорит она что-то или нет. Мне нужно извиниться. Я не ожидал, что она так расстроится. Я даже готов перебить её тату другой, если от этого Кит станет легче.

Сердце сжимается у меня в груди. Я действительно всё испоганил.

— Прости меня, — говорю я, глядя в её лицо. Оно мокрое от слёз, она не двигается и смотрит на меня. Я чувствую её так же, как сердцебиение в своей груди. Кит встаёт на мои ботинки и приподнимается на цыпочки. Она опускает мою голову, держа за затылок.

Её карие глаза горят, по щекам струится чёрная гадость, но мне всё равно. Для меня она ещё никогда не выглядела настолько прекрасной. Я обхватываю её лицо обеими руками и вытираю глаза большими пальцами. Её дыхание щекочет мои губы, но она наклоняется ещё ближе. Мне плевать, что она стоит на моих чёртовых ботинках. Она может делать всё, что хочет, если от этого станет ближе ко мне.

— Зачем ты её сделал? — говорит она, отодвигаясь настолько, чтобы я мог видеть её губы.

Я уже говорил ей. Подумал, что ей нужен выход. И я добавил лишь одну деталь — замочную скважину прямо в центре гитары. На самом деле, это очень простой рисунок.

— Не знаю, — говорю я. Мне хочется ей объяснить, но я не могу. Не сейчас. Я снова чувствую её дыхание на своих губах, она пахнет хлебом и рутбиром. За всю свою жизнь я ещё никогда не хотел так сильно поцеловать девушку. Но, чёрт побери, она только что плакала. Я не могу воспользоваться этой ситуацией в своих интересах.

Но тут Кит притягивает мою голову к себе и целует в уголок рта. Потом в другой. Я уже больше не могу сдерживаться. Мои губы пытаются поймать её. Она улыбается, когда наконец прижимает свой рот к моему. Я чувствую эту улыбку. Мои глаза открыты, потому что мне нужно видеть её лицо. Оно по-прежнему в моих руках, и я запускаю пальцы в её волосы на висках.

Мне до чёртиков хочется поцеловать её нежно. Мне хочется быть с ней бережным, как с сокровищем, которым она и является. Но это невозможно. Она так хорошо пахнет, так приятно чувствовать её, обнимать, и я не знаю, смогу ли вообще остановиться. Вдруг она втягивает в себя мою нижнюю губу и нежно её посасывает. Глаза Кит закрыты, она вся отдалась этому поцелую. Я боюсь, что если тоже закрою глаза, то, когда снова их открою, подумаю, что всё случившееся было лишь сном.

Я наклоняю голову и крепче прижимаюсь к её губам. Она такая мягкая и тёплая в моих объятиях, её тело с головы до ног прижато к моему. Кит начинает вытягивать мою рубашку из джинсов, и я поднимаю локти, чтобы ей помочь. Её руки касаются моей поясницы, и я замираю. Потом поднимаю её за попу, её ноги обвиваются вокруг меня. Я прижимаю её к стене, а она смеётся мне в губы. Я чувствую, как этот звук проходит по её горлу, словно тихое гудение.

Её руки плавно скользят вверх по моей груди, зажатые между нами, а я всё ещё жадно целую её. Язык Кит скользит по моему, и я проталкиваюсь глубже в её рот. Впервые наши тела соединяются, и я хочу, чтобы это было медленно. Мне хочется насладиться каждой секундой, но с ней это невозможно. Я чувствую её разгорячённое тело, она ёрзает, чтобы оказаться ещё ближе ко мне. Её руки на моей груди останавливаются, и она отрывается от моего рта. Я пользуюсь моментом, чтобы выровнять дыхание, потому что чувствую себя так, будто пробежал спринт в восемь километров. У меня даже в боку колет. Она поднимает мою рубашку и касается пальцами моего пирсинга.

У меня перехватывает дыхание. Кит явно любопытно, и мне нравится, что она тратит время на то, чтобы рассмотреть меня. Она сосредоточенно рассматривает мои соски, её нижняя губа зажата между зубами. Я освобождаю её своим большим пальцем, как делал много раз до этого. Только сейчас я наклоняюсь и всасываю её в себя, нежно кусая. Кит перекачивает серёжки в моих сосках между пальцами, и, если она не перестанет, я кончу в штаны. Отодвинувшись, утыкаюсь головой в её плечо, тяжело дыша. Эта девушка меня почти погубила.

Я вздрагиваю от тяжёлого удара в кабинку уборной, потому что чувствую, как сильно трясётся металлическая перегородка. Кит поднимает взгляд и произносит:

— Минутку!

Я дышу так тяжело, что никак не могу отдышаться. Но опускаю Кит вниз, когда она расцепляет ноги вокруг меня. Она открывает дверь кабинки и выходит, вытирая своё по-прежнему мокрое лицо. Парень, который колотил в дверь, замирает, когда видит в каком она состоянии. Ведь она реально сильно плакала. Я закрываю дверь и позволяю ей самой поговорить с ним, потому что мне нужна минутка, чтобы успокоиться. Залезаю в штаны и поправляю своё хозяйство. Мне придётся прикрыться рубашкой, потому что мой член стоит так, что достаёт до пуговицы на джинсах. Вот чёрт!

Было так приятно чувствовать Кит в своих объятиях. Я прислоняюсь к стене и пытаюсь сделать несколько глубоких вдохов. Но сейчас вряд ли что-то сможет меня успокоить. Разве только она вернётся обратно, и мы закончим начатое.

Я открываю дверь и выглядываю. Мужик ушёл, а Кит стоит перед раковиной, умывая лицо. Она поднимает глаза, и на её лице появляется мягкая улыбка, когда она видит меня в зеркале. Я подхожу и встаю за ней, обняв её и положив подбородок на её плечо.

— Прости, что заставил тебя плакать, — говорю я.

Она качает головой и отвечает моему отражению в зеркале:

— Никто и никогда не делал для меня ничего подобного.

Её глаза снова наполняются слезами, и я жалею, что вышел из кабинки. Я бы ушёл обратно, если от этого она перестанет плакать. Но я её не брошу. Теперь я это понимаю. Что бы ни случилось, я её не брошу.

— Замок? — спрашиваю я. Кит прислоняется ко мне и обхватывает мои руки своими.

Она кивает. Вытирает глаза туалетной бумагой, убирая потёки чёрной туши. Её лицо покрыто пятнами, но она всё равно выглядит прекрасной. В это мгновение она от меня

ничего не скрывает.

— В ту же секунду, когда увидел тату, я сразу понял, что её нужно изменить. Прости, что испортил твой рисунок.

Она могла бы обидеться на то, что я сделал. Но мне кажется, что она не обижается.

— У тебя прекрасно получилось. — Кит поднимает мою руку и смотрит на неё. — У тебя прекрасно получилось, — повторяет она, шмыгая носом. — Даже не знаю, как сказать тебе, что я чувствую.

У меня проблемы со слухом, а она переживает, что не может мне что-то сказать? Я смеюсь, поднимаю её волосы и целую в открывшуюся шею.

— Тебе и не нужно ничего говорить.

Кит поворачивается и кладёт ладонь мне на щеку, поглаживая лёгкую щетину.

Я беру её руки в свои и подношу к губам, целую то одну, то вторую. Потом я смотрю в её глаза и задаю вопрос, на который мне необходимо получить ответ:

— Как тебя зовут?

Она замирает. Такое ощущение, как будто между нами внезапно вырастает стена, а ведь я даже не выпускал её из рук.

— Не скажу, — отвечает Кит.

Я чувствую себя так, словно она дала мне под дых. Отпускаю её и делаю шаг назад.

— Почему?

— Просто не могу и всё.

Я киваю и выхожу из уборной. Мои ноги трясутся. Официантка бросает на меня взгляд, когда я иду к столику. Я сажусь. Кит по-прежнему в уборной, и меня мучает вопрос, собирается ли она вообще выходить. Но её гитара всё ещё под столом. Поэтому она должна вернуться, ведь так?

Эмили

Я тяжело опираюсь на свои ладони, нависая над столешницей в уборной. Моё сердце бьётся так громко, что слышно в ушах, и я глубоко втягиваю воздух, отчего мои лёгкие горят, словно кто-то поджёг их изнутри. Возможно, это он и сделал. Или просто из-за него я разлетелась на кусочки, и теперь моё тело старается собрать их обратно.

В любом случае, сейчас я чувствую себя так, будто кто-то разорвал меня на две части. Одна часть хочет дать Логану всё, что он желает. И эта часть отчаянно хочет открыть ему свою душу, рассказать обо всех своих проблемах. Как если бы он мог впитать эти проблемы в себя, а потом выдохнуть их, чтобы они исчезли, совсем как в «Зелёной миле». Знаю, он смог бы. Но у меня слишком много проблем. Они съедают его живьём. Однако я не позволю этого. Ведь другая часть меня понимает, что мне нужно бежать от него со всех ног. Я должна уйти от него прежде, чем причиню ему боль.

Кончиками пальцев я касаюсь своих губ. Они покраснели и распухли от его поцелуев. Никто ещё так меня не целовал. Ещё ни один мужчина не занимался любовью с моим ртом. Ни один мужчина не старался так сильно проникнуть в меня только через мой рот, целуя так глубоко. Только Логан.

Я должна выйти отсюда, забрать свою гитару и уйти. Так было бы честнее всего. Но он набил мою татуировку на своё запястье. Пометил себя моим клеймом, да ещё и изменил её. Снова из моих глаз текут слёзы, я моргаю, пытаюсь справиться с ними, вытираю мокрой салфеткой размазавшуюся подводку. Я похожа на енота.

Тяжело вздыхаю. Не удивительно, что менеджер смотрел на меня так, будто мне необходимо сочувствие всего мира. Я сказала ему, что умер очень важный для меня человек. И поэтому я так выгляжу. Но, на самом деле, умерла я. Умерла, когда ушла из дома. И мне нравится это спокойное существование, которое я веду здесь. Я знаю, чего ожидать. А ожидаю я того, что буду жить одна. Но теперь Логан разрушает мою почти идеальную жизнь.

Я действительно уже очень давно не надеялась. Но теперь я полна надежд. И в этом нет ничего хорошего.

Оторвавшись от столешницы, поправляю волосы. Его пальцы побывали там, и у меня такой вид, будто я упала в сушилку. Совершенно непроизвольно с моих губ срывается смех.

Я возвращаюсь к столику, он сидит на своём месте. Жуёт хлеб. Подняв на меня глаза, он молчит, как обычно. Я проскальзываю на сидение напротив него и поудобнее усаживаюсь, откинувшись на спинку.

— Ты в порядке? — спрашивает Логан.

Я киваю.

— Всё хорошо. — Я крепко зажмуриваюсь, пытаюсь подобрать правильные слова, чтобы объяснить ему.

— Ты не обязана ничего мне говорить.

Я качаю головой. Слова уже готовы сорваться с языка, но я не могу заставить себя произнести их.

— Мне нужно с тобой поговорить, — наконец начинаю я. Но тут же вздрагиваю и прикусываю щёку изнутри.

Подходит официантка и приносит два тёплых блюда, ставит их напротив каждого из нас. Потом заново наполняет наши стаканы рутбиром и уходит.

Логан смотрит на свою еду и улыбается. Он пробует кусочек от своей курицы и выглядит счастливым. Указывает вилкой на моё блюдо. Но мне не хочется есть. Мне хочется всё прояснить.

— Я рад, что ты всё-таки здесь, — говорит он, пока я набиваю рот своим Альфредо. — Я боялся, что ты сбежишь.

Я тоже этого боялась. И по-прежнему боюсь. Наматываю спагетти на вилку и

протягиваю ему.

— Хочешь попробовать моё?

На какое-то мгновение его голубые глаза становятся похожи на тлеющие угольки. Но вот он улыбается мне и наклоняется вперёд. Взяв еду с вилки, он откидывается обратно и задумчиво жуёт.

— У тебя вкуснее, чем у меня, — говорит он.

Я беру свою вилку и опускаю её в его тарелку, он ухмыляется и качает головой. Но это не останавливает меня. Я так же задумчиво жую кусочек от его курицы.

— У меня вкуснее, чем у тебя, — соглашаюсь я.

Он пожимает плечами и улыбается.

— Ешь, — говорит он мне.

И мы молча едим. Я часто ворую его курицу, ему даже приходится блокировать меня вилкой. Но так же часто я кормлю его своим спагетти. Мне нравится, как мы проводим время. Но мне понравилось и то, что произошло в уборной.

Когда официантка уносит наши тарелки, я еле сдерживаюсь, чтобы не попросить завернуть остатки с собой. Ведь, возможно, завтра мне нечего будет есть, и я ненавижу, когда выбрасывают еду. Но, с другой стороны, в приюте негде будет её хранить. Конечно, если я смогу найти приют, где ещё остались места.

Мы сидим за чистым столом, и тут официантка приносит папку в кожаном переплёте. Я тянусь к ней, но Логан перехватывает мою руку.

— Нет, — говорит он, качая головой.

— Но мне нужно заплатить, — возмущаюсь я.

Он снова качает головой.

— Нет.

Его кредитная карточка проскальзывает в кармашек папки, и Логан кладёт её на край стола.

Я беру его за руку, и он на мгновение замирает, и тут же сам хватается меня, и куда крепче, чем я его. Я нежно переворачиваю его запястье, чтобы ещё раз посмотреть на тату.

Очевидно, что татуировка сделана недавно, она выглядит неровной, красноватой. Но рисунок всё равно можно различить.

— Мне она нравится, — говорю я. — Когда-нибудь сделаешь и мне? — Я хочу точно такую же. И с замочной скважиной. — Сколько это будет стоить?

— Для тебя — нисколько, — говорит он.

— Я не позволю тебе сделать её мне бесплатно.

Он улыбается.

— А я не позволю тебе заплатить за неё.

— Тебе часто приходится делать такие же тату, как та, сегодняшняя?

Он сводит брови, словно не понимает, что именно я имею в виду.

Я показываю на свою грудь. И тут же, как только он опускает на неё глаза, моё лицо заливается краской. Он же ухмыляется.

— Ох, боже мой, — говорю я, пряча в руках лицо.

Он убирает мои руки.

— Что? — спрашивает он. Должно быть, думает, что я что-то сказала, когда спрятала лицо.

— Ничего, — качаю я головой.

— Нет, такие я делаю не часто. Бывает время от времени. В центре по борьбе с раком дают мои контакты.

— И ты никогда не берёшь с них деньги.

Он качает головой.

— Я и не могу. Они нуждаются в этом.

— Так, и сколько женских грудей ты трогаешь за день? — игриво спрашиваю я.

Он кривится.

— Некоторое количество.

— Правда?

Он кивает.

— На них часто делают тату. Даже когда девушкам не нужны новые соски. — Его лицо краснеет. По-моему, он засмущался.

Наш разговор о женских грудях заставил меня вспомнить о том, чем мы только что занимались в уборной ресторана. Когда я провела руками по его груди, то обнаружила пирсинг. И он даже позволил мне посмотреть на него.

— И как много твоих частей тела проколото? — спрашиваю я.

Он начинает загибать пальцы и останавливается на седьмом.

— Семь? Где?

Он показывает на каждый из своих сосков, на оба уха, потом на ушную раковину. И тут его взгляд опускается вниз, в сторону промежности. Он не улыбается, а щурит глаза, словно ждёт моей реакции.

Я изумлённо ахаю, чуть не поперхнувшись.

— Там, внизу? — шепчу я, но мои губы вытягиваются в ухмылке.

Он кивает головой, делая глоток рутбира.

— Это больно? — И внезапно у меня возникает непереносимое желание увидеть этот последний пирсинг.

Он пожимает плечами.

— А ты сможешь и мне сделать? — спрашиваю я и тут же поспешно добавляю: — Не сегодня. Да и вообще, не скоро. У меня пока не так много денег.

— И что ты хочешь проколоть? — спрашивает он.

У меня проколоты лишь уши, и я никогда не задумывалась, чтобы сделать нечто подобное с другими частями тела. Мои соски сразу твердеют, стоило мне только подумать о них.

— На сосках больно было? — шепчу я. Но тут же понимаю, что он даже не поймёт, что я говорю шёпотом, потому что может лишь читать по губам.

— Когда делаешь, немного больно. Но потом боль проходит. Так всегда, что бы ты ни прокалывала.

Я никак не могу перестать думать о том, что у него там внизу. Мои щёки снова горят.

— Я могу проколоть тебе всё, что захочешь, — говорит он. И тоже краснеет.

— Всё, что захочу?

Он закрывает глаза и делает глубокий вдох. Потом открывает только один глаз, словно подмигивая мне, и осторожно говорит:

— Всё, что захочешь. — Он снова смотрит на мою грудь и облизывает губы. — Любое место, которое ты выберешь.

Неожиданно мне становится любопытно.

— Ты часто делаешь кому-то пирсинг? — Уж не знаю, почему меня это так волнует. — Такой... как... тот, внизу?

Он пожимает плечами.

Мне не нравится даже сама мысль о том, что он прикасается к чьим-то интимным местам. Совершенно не нравится. А вот мысль о том, как он касается меня... Я ёрзаю на месте, и он вопросительно смотрит на меня.

— Что-то не так? — спрашивает он. Ухмыляясь.

Я качаю головой, закусывая губы.

— И что, каждый может сделать себе такой пирсинг? — я указываю в сторону своих коленей. Сама не понимаю, что я так заиклилась на этом. Но мне интересно.

— Большинство может. — Он поигрывает солонкой. — Нужно будет лишь посмотреть, какой именно вид пирсинга подойдёт тебе больше всего.

Моё лицо начинает пылать, как только я думаю о том, что он рассматривает, что у меня там внизу. Логан пододвигает мне мой стакан и говорит:

— Пей. Пока не потеряла сознание.

Хоть он и ухмыляется, я ещё ни разу не видела мужчину, у которого был бы такой же самоуверенный вид. Былая неловкость миновала. Он наслаждался тем, что его слова заставили меня извиваться на месте.

— И что, ну, много разных видов? — Моё умение говорить потеряло всякое изящество.

Он качает головой. Потом берёт меня за руку и проводит пальцем по её тыльной стороне.

— Столько же разных видов, сколько разных женщин.

Я делаю глубокий вдох.

— А у этого, ну, есть какое-то предназначение?

Он ухмыляется.

— Может быть. — Он делает глоток рутбира. — Некоторым нравится просто сама идея этого. Другим нравится с этим играть.

— Играть? — произношу я с трудом. Его палец по-прежнему ласкает тыльную сторону моей руки, как если бы он касался меня там, где должен был быть пирсинг. Потому что это невероятно возбуждает.

Логан наклоняется ближе ко мне и тихо произносит:

— Губы. Язык. Пальцы. — И он снова облизывается. — Зубы. — Его бровь поднимается. — Если тебе нравится, я продолжу.

Я поднимаю руку. Если он продолжит, я точно воспламенюсь.

— Нет, спасибо.

— Как-нибудь в другой раз, — говорит он.

Его пальцы переплетаются с моими.

— Ты меня пугаешь, — эти слова вырываются из меня сами по себе.

Он замирает, выдёргивает руку.

— Я? Почему? Как? — спрашивает Логан, наклоняясь вперёд.

Он обеспокоен. Я вижу это, и теперь чувствую необходимость исправить свою ошибку.

— Я испытываю к тебе все эти чувства, — говорю я.

Он откидывается на спинку сидения, кладёт руку на грудь и облегчённо выдыхает.

— Ох, ну и напугала же ты меня, — тихо говорит он. — Я подумал, что обидел тебя своими похотливыми разговорами.

— Нет, ты меня не обидел. Но ты заставил меня желать того, чего я не могу себе позволить. — Вот. Я призналась. Я хочу его. И хочу всё то, что идёт с ним в комплекте. Но я не могу этого допустить.

— Мне кажется, я должен тебе кое-что сказать. — Но он обдумывает эти слова и говорит так медленно, будто они даются ему с трудом.

— Давай, — произношу я нерешительно.

— Я хочу тебя больше жизни, — говорит он. Моё сердце начинает выбивать барабанную дробь. Я открываю рот, чтобы заговорить, но он опять поднимает этот свой чёртов палец. — Но я не могу поддаться своим чувствам. Не сейчас, когда я даже имени твоего не знаю.

Логан делает глубокий вдох и ждёт. Я не могу ничего произнести. А даже если и могла бы, то не знаю, что сказать.

— Я хочу уложить тебя в кровать и заниматься с тобой любовью всю ночь. — Он улыбается мне. — Губы. Язык. Пальцы. Зубы. — Его рука описывает окружность в воздухе. — Мне продолжить? Или ты всё понимаешь?

Я киваю. Понимаю. Он протягивает руку и поднимает мою челюсть, чтобы рот мой закрылся. И это прикосновение такое нежное.

— Мне хочется делать с тобой такие вещи, которые ты, возможно, и представить себе не можешь. — Его голубые глаза потемнели, зрачки расширились.

— Я не знаю, — начинаю я. Сейчас в моём воображении мне представляются всевозможные вещи. И мой клитор возбуждён настолько сильно, что мне приходится сжать ноги, чтобы хоть немного облегчить напряжение. Но это не помогает.

— Но ещё больше, чем облизать тебя с головы до ног и заставить тебя кричать моё имя и увидеть небо в алмазах, я хочу, чтобы ты мне доверяла. Но ты не доверяешь. Пока что. Но когда-нибудь будешь.

Я так часто дышу, словно пробежала кросс.

— Я тебе доверяю.

Он качает головой.

— Нет, не доверяешь. — Он улыбается мне, и моё сердце сходит с ума. — Но когда-нибудь будешь.

Подходит официантка и приносит чек, протягивая Логану ручку. Мне видно, что она написала своё имя и номер телефона в нижней части чека. Он отрывает эту часть и отдаёт ей обратно. Покачивая головой, он кивает в сторону официантки, которая выглядит разочарованной, выпятив свою пухлую нижнюю губу.

Я смотрю на неё и прищуриваюсь.

— Мне совершенно не нравится, когда всякие шалавы пытаются подсунуть моему парню свой номер телефона, — говорю я.

Логан давится, откашливаясь в кулак.

Официантка делает шаг в мою сторону, но вмешивается Логан. И это хорошо, иначе эта стерва получила бы по полной.

— Ты с ней спал?

Логан смотрит на официантку, вглядываясь в её черты.

— Не думаю, — тихо говорит он, почти мне на ухо.

Он что, переспал с таким количеством женщин, что не может отличить одну от другой?

Официантка уходит, рассерженная. Логан помогает мне встать на ноги.

— Тебе не нужно было называть её шалавой, — говорит он, смеясь.

— А как ещё ты назовёшь женщину, которая суёт свой номер телефона парню, который держится за руку с другой? — спрашиваю я резким тоном.

— И тебе не нужно было называть меня своим парнем. — Он смотрит на меня, открывая передо мной дверь ресторана.

— Прости, — начинаю я. — Мне не следовало так говорить. Я лишь хотела, чтобы она ушла. — А ещё я хотела заявить о том, что он мой, хоть и не имела на это права.

Он глядит на меня под светом уличного фонаря.

— Тебе не следовало говорить так, потому что, сказав, ты дала мне надежду.

Я не могу ничего вымолвить. Я потеряла способность издавать звуки.

— Пойдём ко мне домой, — говорит он.

Я отрицательно качаю головой.

Он тяжело вздыхает.

— Ты знаешь, чем это закончится.

— Мне не следует. — И мне действительно, правда, не следует.

— Отлично, — говорит он, наклоняется и перекидывает меня через плечо, совсем как прошлым вечером. Только сейчас его рука на моей попе, под юбкой, а не держит за икры, как вчера. Она горячая и прижимается к моим трусикам.

Я ничего не могу сказать ему, потому что он всё равно меня не услышит. Мне остаётся лишь висеть вот так всю дорогу до его дома, а потом ещё четыре пролёта по лестнице.

Логан открывает дверь и заходит в квартиру. Все его братья дома, они поднимают глаза. Сэм и Пит ржут, Пол бросает взгляд в их сторону. Мэтью сидит на софе и качает головой.

Логан ставит меня на ноги. По всей видимости, сегодня я для них уже не

развлечение.

— Привет, — я нерешительно со всеми здороваюсь.

— Привет, — слышу я дружный ответ. Они не бросаются ко мне со всех ног, даже когда я уже твёрдо стою на ногах.

— Ты вернулась, — говорит Мэтью по дороге к холодильнику.

Сегодня вечером он выглядит лучше. Не таким зелёным.

Сэм идёт на кухню, и Пол рывкает на него, когда тот тянется за пивом. Ему остаётся лишь взять газировку, и он ворчит себе под нос.

Логан им что-то показывает. Пит говорит ему название фильма, но я о таком не слышала. Логан показывает на телевизор, потом на меня, спрашивая, смотрела ли я его.

Я качаю головой. Он ставит на пол мою сумку и чехол с гитарой и переплетает свои пальцы с моими. Потом легонько тянет меня в сторону дивана. Логан толкает колени Сэма и Пита, пока они не сползают вниз. Но тут едва хватит места для него одного, что уж говорить про меня.

— Мне нужно в душ, — возмущаюсь я.

Но он садится сам и усаживает меня рядом, его рука обнимает меня за плечи.

Мэт смотрит на меня странным взглядом. Ему, кажется, совсем не нравится, что я здесь. Неужели я его чем-то обидела?

Но Логан смотрит на меня и улыбается, а потом прижимается своими губами к моему лбу. Мэт поднимается и уходит в свою комнату, но, прежде чем уйти, бросает на меня ещё один взгляд, который я невольно воспринимаю как предупреждение.

Логан

Она уснула, свернувшись калачиком у меня под боком. По телевизору идут финальные титры, но я не хочу шевелиться. Не хочу разделять нас. Моя рука вспотела в том месте, где ко мне прижимается Кит, а её волосы стали влажными. Я протягиваю руку и убираю волосы с её лица, она открывает свои карие глаза и смотрит на меня.

— Конец? — спрашивает она.

И потягивается, высоко поднимая руки над головой.

Я киваю. Фильм закончился. Но не мои чувства к ней. Для них это только начало. Мне нравится сидеть с ней на нашем диване. И ещё больше мне нравится то, какая она мягкая в моих руках.

— Хорошее кино, — говорит Пол.

Она смотрит на него так, будто удивлена тем, что он здесь. Сэм и Пит ушли спать сразу же, как только показались титры, Мэтт тоже уже в постели.

— Прости, я уснула, — говорит она.

Кит вытирает уголок своего рта, и я притягиваю ее к себе, чтобы обнять. Но она слишком быстро отодвигается, косясь в сторону Пола.

— Я собираюсь принять душ, — говорит она.

Я киваю и помогаю ей встать. Она поднимает свою сумку и идёт в ванную, закрывает за собой дверь. Я плюхаюсь обратно на диван и закрываю лицо ладонями. Эта девчонка разорвёт меня в клочья. Я уже знаю, что так всё и будет. Но, несмотря на то, что я знаю, я бросаюсь в это с головой.

— Хочешь поговорить об этом? — спрашивает Пол. В гостиную заходит Мэт и падает на диван рядом со мной.

И ты? Показываю я и поднимаю руки вверх, сдаваясь.

Мэт ухмыляется и пожимает плечами.

Парни, она вам нравится? Я спрашиваю, потому что мне важно их мнение.

Пол кивает, а Мэт качает головой. Что за хрень? Похоже, они по разные стороны баррикад.

Мэт кладёт свою руку мне на колено, чтобы я посмотрел на него.

— Она мне нравится, — произносит он. Он говорит и показывает жестами одновременно, и мне куда легче его понимать. — Но много ты о ней знаешь? — Он сдвигает брови.

Я ничего о ней не знаю. *Ничего*, признаюсь я. *Я ни черта о ней не знаю*. Я наклоняюсь вперёд, чтобы локтями упереться в колени. Мне как будто становится трудно дышать. *Она ничего мне не говорит. Даже своего имени.*

— Она от кого-то скрывается? — спрашивает Мэт.

Хотел бы я знать. Я снова откидываюсь на спинку дивана.

— Она выглядит очень знакомой, — говорит Пол, глядя на закрытую дверь ванной. Он мотает головой. — Хорошо бы вспомнить, почему.

Она каждый день играет на гитаре за деньги в подземке, я показываю жестами и пожимаю плечами.

— Нет, не поэтому, — говорит Пол. Он снова мотает головой, словно выкидывая из головы свои сумасшедшие мысли. Вряд ли она казалась бы знакомой ему по иной причине.

— Она снова остаётся? — спрашивает Мэт.

Я киваю.

— Смотри, не влюбись в неё, — предупреждает он.

Пол согласно кивает.

— Трахни её и покончи с этим, — говорит он.

Она не такая.

Пол тяжело вздыхает.

— Ты ещё не спал с ней, да?

Я спал с ней. Я опускаю голову. Но в том-то и дело, что мы просто спали.

— Ты же никогда ни с кем не *спишь*, ослина, — говорит Пол.

Я и не спал. С тех самых пор, как умерла мама. Будучи ребёнком, я часто залезал к ней в кровать. Её постель всегда была тёплой и пахла ею. После её смерти я и дальше продолжал так делать, чтобы просто вдохнуть её запах, но Пол поменял простыни и забрал её комнату себе.

Я знаю. В моей кровати побывало множество женщин. Но ни одна из них не оставалась там надолго.

— Веди себя разумно, — говорит Пол и стучит себя по виску.

— Ему нужны мозги, чтобы вести себя разумно, — говорит Мэт, ударяя своё колено своим. — А он уже наполовину влюбился в неё. — Тут смотрит на свои ноги, а потом переводит взгляд на меня. — Если ты не хочешь Кит, я могу попросить её пойти со мной на свидание?

Она моя! Показываю я.

Он вытягивает руки, будто защищаясь от меня.

— Да я знаю! Знаю! Я же сказал «если», идиот. Мне хотелось увидеть, в каком месте твоя голова. — Мэт вздыхает. — По всей видимости, ты действительно на неё запал. — Он качает головой. — Не думаю, что у неё плохие намерения. Но я предупреждал тебя о ней. Будь осторожен.

Мэт влюблён в Эйприл. Но она бросила его, как только узнала, что он болен. Эгоистичная сука.

— Она принесла мне ведёрко прошлой ночью, когда меня тошнило, — признаётся Мэт. — Это было мило с её стороны.

Пол хмурится.

— Так это тебя выворачивало наизнанку?

Сейчас Мэт проходит через второй курс химиотерапии. Первый не помог. И этот — его последний шанс. Он кивает.

Почему ты не сказал нам? Спрашиваю я.

Он проводит рукой по лицу.

— Мне страшно, — говорит он правду. Мэт смотрит мне прямо в глаза, потом его взгляд двигается в сторону Пола. — Блин, да я собираюсь умереть, — говорит он. И ухмыляется, хотя в этом нет ничего смешного. — Так что тебе не нужно беспокоиться, что я попрошу её о свидании.

— Не шути с этим дерьмом, — резко говорит Пол.

— Я и не шучу, — отвечает Мэт. И он полностью серьёзен.

Пол наклоняется и сжимает колено Мэта своей рукой.

— Тебе нужно верить, что это поможет. Если ты не будешь верить, у тебя не будет шанса.

Мэт подвигается вперёд, чтобы опереться на край дивана.

— Ребята, вы будете верить за меня, ладно? — говорит он. — Потому что я уже задолбался это делать.

Он встаёт и уходит в свою комнату, закрыв за собой двери.

— С каких пор он начал признавать, что ему страшно? — спрашивает Пол.

Яжимаю плечами. *В первый раз слышу от него такое.* Я смотрю на него. Страх сжимает моё сердце. *Ведь с ним всё будет хорошо, да?*

— Я не знаю, — говорит Пол и проводит рукой по лицу.

Я хлопаю по карману своей рубашки и достаю сигареты.

— У Мэта чёртов рак, придурок, — рычит на меня Пол, яростно размахивая руками. — А ты хочешь покурить?

Я сминаю пачку и кидаю её через всю комнату в мусорное ведро.

Пол кивает.

— Благодарю тебя, — кривляясь, показывает он мне и опускается обратно в кресло.

Он же справится с этим, да? Спрашиваю я.

Он кивает.

— Конечно, справится.

И я ему верю. Потому что я не могу представить себе жизнь без Мэта. Я не позволю себе думать о том, что он может умереть. Просто не позволю и всё. И если сейчас у Мэта нет сил верить в то, что он будет жить, моей веры хватит на нас двоих.

Пол поднимается и ерошит мне волосы, которые тут же начинают торчать в разные стороны. Я стряхиваю его руку.

— Не волнуйся, — говорит он и двигается в сторону коридора.

Я хлопаю в ладоши, чтобы привлечь его внимание. Он снова поворачивается ко мне, почёсывая живот.

— Что?

Я хочу с ней поговорить, признаюсь я ему.

Он хмурится.

— Да? — Пол пожимает плечами. — Ну так поговори.

Мне хочется рассказать ему о её дислексии, чтобы у него не возникло ощущение, будто я сдерживался все эти годы, но не мне об этом рассказывать. Только она сама сможет это сделать. Я качаю головой. Как же трудно всё это объяснить! Она заставляет меня чувствовать то, что я никогда ещё не чувствовал. И она заставляет меня хотеть определённых вещей.

— Мне бы хотелось, чтобы ты просто трахнул её и выбросил из головы. Тогда ты сможешь с ней порвать. И перестань желать то, что не можешь себе позволить.

Кит с отвисшей челюстью и широко распахнутыми глазами стоит за его спиной. Я живо представляю, как она ахает, пусть и не могу этого слышать. Но, должно быть, слышит Пол. Потому что он крепко зажмуривается.

— Она прямо за моей спиной, да? — спрашивает он. Открыв один глаз, он смотрит на меня.

Кит обёрнута в полотенце, на голове — тюрбан из ещё одного. Пол поворачивается к ней, однако я понятия не имею, что он ей говорит. Но лучше бы это были щедрые извинения.

Она смотрит на него буквально секунду и тут же скрывается в моей комнате, закрыв за собой дверь.

— Вот чёрт, — показывает мне Пол. — Я облажался.

Он стучит в дверь моей спальни. И снова стучит. Его рука ложится на дверную ручку, и он уже начинает её поворачивать. Но на Кит лишь одно полотенце. Я не могу позволить ему зайти туда. Поэтому перепрыгиваю через спинку дивана и втискиваюсь между дверью и Полом. Толкнув его в грудь, указываю ему на дверь его спальни.

— Мне нужно извиниться, — говорит он, морщась и краснея. Он не хотел этого говорить. Ну, то есть, да, он это сказал. Но не хотел её обидеть. — Я же не знал, что она там.

Я показываю ему слово «завтра». Положив руки ему на грудь, легонько его толкаю. Я не смог бы передвинуть Пола, даже если бы захотел. Он весьма здоровый сукин сын. Больше меня. Раза в два. *Завтра*, снова показываю я. *Я всё понял. И я ей передам. Скажу, что ты не хотел ранить её чувства.*

Он кивает и расстроено проводит рукой по щетине, которую называет волосами.

— Прости, — говорит он.

Я киваю и захожу в свою спальню. Прислоняюсь спиной к двери. Я ожидаю увидеть её злой и швыряющей вещами. Или плачущей. На самом деле, я не знаю, чего ожидать. Ведь я недостаточно хорошо её знаю, чтобы иметь хоть какое-то представление об этом. Но Кит просто стоит и смотрит на меня. Она раскручивает тюрбан на голове, и её локоны рассыпаются по плечам. Её волосы ещё влажные и запутанные, и она взбивает и высушивает их полотенцем. Кит снова смотрит на меня, но так ничего и не говорит.

— Он ничего такого не имел в виду, — начинаю я.

— По-моему, он прав, — произносит она. А затем поднимает руки, разворачивает полотенце, подоткнутое между её грудей, и бросает его на пол. Потом откидывает его через комнату своим маленьким изящным пальцем ноги. И вот Кит стоит абсолютно голая, во всей красе и совершенстве, восхитительно обнаженная. — По-моему, ты должен трахнуть меня и выбросить из головы. Тогда ты сможешь со мной порвать.

Эмили

Меня трясёт, словно лист на ветру, и мне отчаянно хочется скрестить руки на груди. Но я заставляю себя стоять на месте. Он смотрит на мои пальцы, когда я ногой откидываю полотенце в сторону. Моё сердце бьётся так сильно, будто там лягается рассерженный осёл. Я жду, что его глаза поднимутся вверх по моей ноге и ещё выше, и ещё выше, и моё тело накаляется в ожидании его взгляда. Но ничего такого не происходит. Вместо этого он бросается к шкафу, стаскивает футболку с плечиков и протягивает мне.

Я всё-таки скрещиваю руки, но больше для того, чтобы уверенно посмотреть на него. Логан глядит куда угодно, только не на меня, затем сам берёт футболку и одевает её на меня через голову. Потом натягивает её края так, чтобы они покрывали мои бёдра. После этого он отступает, наваливается спиной на дверь и делает вдох.

— Чёрт, — выдыхает он. Потом ухмыляется.

Я продеваю руки в рукава футболки и пристально смотрю на него. Он смеётся. Серьёзно? Я вопросительно выгибаю бровь.

— Прошу прощения?

Он сдавленно смеётся в сжатый кулак и мотает головой.

— Он не хотел ранить твои чувства.

Логан сгибается пополам, пытаюсь выровнять дыхание — так сильно он хохочет. Я беру подушку и кидаю в него, потом сажусь на край кровати и скрещиваю ноги. На мне до сих пор нет трусиков. Но я так зла, что мне всё равно.

Я только что стояла перед этим парнем голышом, а он смеётся! На глаза наворачиваются слёзы.

— Ничего смешного, — говорю я.

Он опускается на кровать рядом со мной и поворачивает мой подбородок, чтобы я оказалась лицом к нему.

— Я не видел, что ты сказала, — объясняет Логан. Его палец касается уголка моего глаза, и он в замешательстве сводит брови. — Пол обидел тебя?

Я отрицательно качаю головой, поджав губы.

Он протягивает руку и поднимает мои влажные волосы с ворота футболки.

— Твои волосы всё ещё мокрые, — говорит он и подбирает полотенце. Я отталкиваю его руку, когда он пытается их подсушить.

— И так нормально. Перестань, — предупреждаю я.

— Он не хотел ранить твои чувства, — снова повторяет Логан.

Он думает, что Пол меня обидел. Что за чушь. Пол ничем меня не оскорбил. Но вот Логан — точно, когда полностью проигнорировал моё предложение. Так ещё и посмеялся.

Я протягиваю руку к сумке, достаю трусики и натягиваю их. Логан смотрит в другую сторону, и я закатываю глаза — я только что стояла перед ним голая! Неужели он действительно думает, что меня волнует, увидит он, как я надеваю трусы, или нет? Я стягиваю одеяло с кровати, какое-то время смотрю на Логана, потом открываю дверь и направляюсь к дивану. Буду спать на нём. Лучше уж так, чем находиться в одной кровати с мужчиной, который меня не хочет.

Когда я выхожу в коридор, то вижу Мэта, который сидит за кухонным столом, обхватив голову руками. Я переминаюсь с ноги на ногу и натягиваю подол футболки пониже.

— В клубах я видал и более оголённых дам, — говорит он. — По сравнению с ними ты просто монашка.

Я тяжело вздыхаю и бросаю одеяло на край дивана. Потом иду в кухню налить себе стакан воды.

— Принести тебе что-нибудь? — спрашиваю я.

Сегодня Мэт выглядит куда лучше. Но всё равно ещё не очень хорошо.

— Нет, спасибо.

— Ты сегодня что-нибудь ел? — интересуюсь я, и это больше похоже на Логана — но что уж поделать.

— Ел, — кивает Мэт.

— И всё осталось в желудке? — склонив голову набок, я смотрю на него.

— Почти всё, — признаётся он.

Логан выходит из спальни и резко останавливается в кухне. Он переводит взгляд то на Мэта, то на меня. Потом показывает что-то Мэту.

— Чувак, если ты будешь говорить при ней, я буду передавать ей всё, что ты сказал, — предупреждает последний.

Логан стискивает руки в кулаки и кусает губы. Похоже на то, что он хочет что-то сказать. Но не может. Не при Мэте.

— Иди спать, Логан, — говорю я.

Логан мотает головой. Он снова начинает говорить жестами, и Мэт объясняет мне:

— Он не хочет, чтобы ты спала на диване. — Мэт тяжело вздыхает и встаёт, а потом раздражённо спрашивает: — Как вы вообще общаетесь?

Я же не могу сказать ему, что Логан со мной разговаривает. Поэтому просто пожимаю плечами. В этой семье все то и дело пожимают плечами. Отчего и мне не перенять эту привычку, стать мастером уклончивых ответов?

— Пусть идёт на хер, — говорю я. — Я собираюсь спать на диване.

— Блин, мужик, что ты такого сделал? — спрашивает Мэт.

Логан что-то быстро ему показывает.

— Чёрт. Вы должны заставить Пола спать на диване. — Мэт фыркает. — Похоже, он это заслужил.

Логан топает обратно в свою комнату. Мэт же, ухмыляясь, глядит на меня:

— Ты выворачиваешь его наизнанку.

Да уж конечно! Он даже не смотрел на меня, когда я была голая.

— Какие у тебя намерения в отношении Логана? — спрашивает Мэт тихим голосом. Он не собирается мне угрожать. По-моему, ему искренне любопытно.

— Нет у меня никаких намерений. Оба раза я здесь, потому что он притащил меня на плече. Не похоже, что у меня был выбор.

— Ты могла сказать «нет», — уточняет Мэт. Он поднимает руку, останавливая меня, когда я открываю рот, чтобы заговорить. — Пол всего лишь пытался защитить его. До этого он никогда не приводил домой девушку. Таковую, которая бы по-настоящему ему нравилась.

— Мне кажется, я первая, с кем он не переспал, — бормочу я, больше для себя, чем для Мэта.

Мэт кивает.

— Да, так и есть. И это значит, что ты особенная. — Он дёргает меня за нос, проходя мимо, и корчу ему рожицу. У человека рак. Как я могу на него сердиться? Особенно, когда он такой милый.

Мэт оборачивается, чтобы посмотреть на меня:

— Он никогда не хотел серьёзных отношений с девушками. Дай ему время понять, что происходит, прежде чем ты станешь ждать от него большего.

— В этом-то и дело, — отвечаю я. — Я вообще ничего не жду от него.

— Нет, ждешь. — Весь его вид говорит о том, что ему меня жаль, и меня это раздражает.

— Судя по всему, я единственная девушка во всём Нью-Йорке, с которой он не спал. — Я тяжело вздыхаю, словно двухлетка, которая уронила своё мороженое.

— Не могу поверить, что обсуждаю отсутствие полового влечения у своего брата с его же девушкой, — бормочет Мэт.

— Я не его девушка.

— О, солнышко, — говорит он, качая головой. — Ты его первая девушка.

Я оборачиваюсь и смотрю в сторону комнаты Логана. Не знаю, что мне делать.

— Не пытайся с ним играть, — предупреждает Мэт. Внезапно он высказывается очень прямолинейно. Напряжённое выражение его лица почти пугающе. — И не разбей ему сердце.

— Для этого он должен меня любить.

Мэт фыркает.

— Ты ничего не знаешь, да? — спрашивает он.

— По-видимому, — отвечаю я.

Мэт обнимает меня рукой за шею и притягивает к себе, шутливо потирая мою голову костяшками пальцев. Потом останавливается и нюхает меня.

— Ты хорошо пахнешь, — говорит он. Потом смеётся: — Не часто здесь у нас пахнет чем-нибудь приятным.

— Спасибо, — ворчу я.

Он хлопает меня по заднице и указывает в сторону комнаты Логана:

— Иди поговори с ним.

Я взвизгиваю и смотрю на него через плечо. Поверить не могу, что он так сделал!

— Это значило «вступай в игру», а не «хочу увидеть тебя голой», — предупреждает он. Я и так в этом не сомневалась.

— Я не путаюсь с женщинами Логана, — продолжает он. Я это уже слышала, когда осталась ночевать здесь в первый раз.

— Такая вот штука между братьями, — говорим мы одновременно.

Мэтт ухмыляется.

— Именно так, — говорит он.

Когда я вхожу в комнату Логана, он лежит на кровати на спине, рука закрывает его глаза. Он даже не взглянул на меня, поэтому я трогаю его за коленку. Логан убирает руку с глаз и приподнимает голову, чтобы посмотреть на меня. Его голубые глаза щурятся, потом он садится. Переплетает наши пальцы и притягивает меня ближе к себе.

— Не спи на диване, — говорит он.

— Мэт сказал, мы должны разбудить Пола и заставить его там спать.

Глаза Логана становятся шире, и он смеётся.

— Мне нравится эта идея. Но я бы лучше спал с тобой хоть каждый день.

— Ты, должно быть, меня обманываешь, — выкладываю я.

— Что? — спрашивает он. Ему не было видно моих губ? Или он не понял, что я сказала?

— Логан, я стояла перед тобой абсолютно голая. А ты даже бровью не повёл. — Я поднимаю руку, чтобы он не начал говорить. — Я поняла. У тебя нет ко мне никаких чувств. Всё нормально.

Внезапно Логан дёргает меня за руку и осторожно перекашивает на постель. Он накрывает моё тело своим, его лицо в миллиметрах от моего.

— Думаешь, ты мне не нравишься в этом смысле? — спрашивает он и вглядывается в моё лицо, как будто хочет найти там что-то, что потерял.

— Ты смеялся надо мной.

— Я смеялся, потому что девушка, которую я хочу трахнуть, стоит голая в моей комнате, а я не могу этим воспользоваться! — взревел он. — Это словно необъяснимое чудо.

Он протискивает свою коленку между моими и раздвигает мне ноги. Потом устраивается между моих бёдер и прижимается к моим трусикам. Он твёрдый. Очень твёрдый.

— Я была голой, но ты даже не смотрел на меня, — снова начинаю я и закрываю глаза.

— Я не хотел тебя оскорбить, — говорит он.

Он снова двигает бёдрами, и в этот раз его возбуждённый член трётся о мою щёлочку. У меня перехватывает дыхание.

— Я хочу тебя так сильно, что это причиняет боль. — Он говорит очень тихо, не как обычно, и мне трудно понимать его слова.

— Ты даже не смотрел на меня, — возражаю я.

Он садится на колени и поднимает мою ногу себе на плечо. В этот момент он не глядит на моё тело.

— Твои ногти на ногах покрашены в розовый. И волоски отросли. — Он ухмыляется. — Если хочешь, можешь воспользоваться моей бритвой. — Его рука скользит по моей икре, к коленке, оставляя после себя мурашки. — У тебя прекрасные крепкие бёдра. — Рука Логана скользит к переду моих трусиков, и его большой палец двигается там взад и вперёд. — Вот здесь у тебя маленькая поросль волос. — Палец давит на мою щёлочку, и я выгибаю спину, чтобы ещё сильнее к нему прижаться. Логан усмехается. Его руки передвигаются по моим бокам вверх, поднимая футболку до тех пор, пока её нижний край не оказывается прямо под грудью. Он целует меня в живот. Мои соски затвердели и торчат. Логан облизывает губы.

— Твои соски розовые, пухлые, идеальные. А грудь поместится в моих ладонях. — Тут он опускает мою футболку обратно и, протонав, ложится на меня, снова упираясь в меня своим членом. — Я видел всё, — говорит он. — Но просто старался вести себя как джентльмен.

Он смеётся.

— Ты думала, я не смотрю. — Логан целует меня в кончик носа. — Глупая женщина, — ворчит он.

— Так ты смотрел. — Вот всё, что я могу сказать. И это больше напоминает карканье. Слава богу, он не может услышать дрожь в моём голосе.

— Я смотрел, — подтверждает он. — Ты была голая. И такая охренительно красивая, что я едва мог дышать. Конечно, я смотрел.

— И на многих голых женщин ты смотришь? — Вопрос вылетает из меня, но я не хочу знать ответ.

— Нет, — выдыхает он в мой рот. Его губы робко касаются моих, но затем он отстраняется. Этот парень сводит меня с ума. Его бёдра настойчиво прижимаются ко мне, он всё ближе и ближе к моему самому разгорячённому месту. — С того дня, когда впервые увидел тебя, я не смотрел ни на одну голую женщину.

— А тебе бы хотелось? — спрашиваю я. В моём голосе по-прежнему эта дрожь. Его рука ложится на моё горло, как если б он через свои пальцы хотел услышать звук моего голоса.

Логан качает головой, глядя прямо мне в глаза.

— Только на одну.

Я протягиваю руки вниз, чтобы стянуть с себя футболку, но он останавливает меня, что-то промывав.

— Что? — спрашиваю я.

Он снова смотрит мне в глаза.

— Твоё имя? — спрашивает он.

Теперь моя очередь закрывать глаза рукой. Мне хочется закричать. Я ничего не могу ему сказать.

— Я не могу тебе сказать, — отвечаю я.

Он натягивает футболку на мои бёдра.

— Тогда твоё одежа остаётся на тебе. — Он целует меня, его губы изводят мои, мне уже нечем дышать. — А моя — на мне.

— Твой брат сказал, что тебе следует трахнуть меня и покончить с этим.

Он тяжело вздыхает.

— Потому что он думает, что если я тебя трахну, то больше никогда не захочу с тобой встречаться. Но я могу уверить тебя, дело не в этом. — Он снова вдавливаясь в меня, трётся о мою щелочку, его возбуждённый член упирается в мой клитор. — Как только

окажусь в тебе, я вообще никогда не захочу бросить тебя. — Он целует мою шею сбоку, нежно посасывает, передвигаясь к передней её части. Его лёгкая щетина трётся о мою нежную кожу. Но я не хочу, чтобы он останавливался.

Я протягиваю руку и обхватываю его член ладонью сквозь джинсы, он замирает.

— Не играй со мной, — предупреждает он. Его голос сильный, но тихий. — Если ты хочешь быть моим другом, можешь быть моим другом. Мы можем спать в одной кровати, вместе обедать, вместе проводить время, делая то, что нам нравится.

Я поднимаю его голову, чтобы он мог посмотреть на меня.

— Я хочу быть твоим другом, — говорю я.

— А я хочу, чтобы ты была моей подругой.

— И что это значит? — выкрикиваю я, в отчаянии хлопая ладонями по кровати.

Он выглядит растерянным.

— Я не знаю точно. Наверное, это то же самое, что быть моим другом, только я заставляю тебя кончить. — Логан снова трётся об меня. Потом поднимается. Я хочу закричать.

— Куда ты собрался?

— Пойду возьму одеяло с дивана. Или ты хочешь, чтобы я спал там? — У него неуверенный вид.

Я хочу, чтобы он был внутри меня. Но этого не случится.

— Иди бери одеяло, — ворчу я. Он хмыкает и уходит из комнаты.

Мои трусики мокрые. Мокрые насквозь. Я беру сумку и достаю свежие. Логан заходит в комнату как раз в тот момент, когда они уже почти у меня на бёдрах.

— Свежие трусики, — объясняю я и тут же упрекаю: — Твоя вина.

Он стонет и плюхается спиной на кровать.

— Зачем тебе нужно было мне это говорить? — спрашивает он.

Он так и лежит какое-то время, руки сжаты в кулаки. Потом показывает мне подойти ближе и прижимает мою голову к своей груди. Он делает глубокий вдох и крепко обнимает меня, после чего отпускает и расслабляется. Логан поднимает книгу, лежащую на его прикроватной тумбочке, и, открыв её, держит в одной руке. Он тихонько читает про себя.

— Что ты читаешь? — спрашиваю я.

Он смотрит на обложку и говорит мне название.

— Почитаешь мне?

Он очень долго смотрит в моё лицо и понимает, что я серьёзно. Я могу учиться. И я люблю книги. Просто не могу их читать. Но у меня удивительная память.

— Начни с начала, — прошу я.

Он переворачивает страницы до первой и начинает читать. Я устраиваюсь рядом с ним, обхватив его грудь руками, прижимаюсь со всей силы. И он читает. Его голос звучит сильно и уверенно, Логан читает долго, так долго, что уже начинает зевать, а я не хочу, чтобы он останавливался. Когда он наконец откладывает книгу, я перекатываюсь на него, и он поворачивается, чтобы быть лицом ко мне. Он подтягивает меня под свой подбородок, и я слышу, как бьётся сердце в его груди.

— Когда ты будешь готова для того, чего я хочу, — говорит Логан, — дай мне знать.

Я готова. Я готова прямо сейчас. Но не к тому, чего он хочет. Я киваю, и он тяжело вздыхает. Его губы касаются макушки моей головы, нежно, словно шёпот.

На следующее утро я просыпаюсь и поднимаю голову. Солнечный свет льётся в комнату, и я понимаю, что спала дольше обычного. Но, с другой стороны, мы читали до поздней ночи. У меня сжимается сердце при мысли о том, что он не пользовался голосом в течение восьми лет, но этой ночью читал для меня несколько часов подряд. От этого по моему телу прокатывается тепло, и я осматриваюсь, гадая, где он может быть. Кровать пуста, на подушке даже не сохранилось отпечатка его головы. Наверное, это из-за того, что мы всю ночь проспали на одной. Я устроилась на его груди, но потом мы чуть

передвинулись, и моя голова оказалась на его животе. Всё время, пока он читал, его пальцы пробегали то по одной части моего тела, то по другой. Это были маленькие лёгкие прикосновения, но они проникли мне в сердце.

Я знаю, он тоже не был равнодушен. Его член стоял как скала, ему не раз приходилось прикрываться одеялом. Но он не обращал на это никакого внимания. И я тоже. Мне хотелось протянуть руку и дотронуться до него, но это не то, чего он хочет от меня. Ему нужна я вся, целиком. А я не свободна в том, чтобы полностью ему раскрыться. И никогда не буду свободна.

Перекатываюсь на другой бок и убираю волосы с глаз. Мне все ещё никак не привыкнуть к их чёрному цвету. Он так сильно отличается от моего натурального. Каждый раз, когда я смотрюсь в зеркало, мне приходится посмотреться ещё раз, чтобы понять, что это за девушка там, напротив. Но, возможно, я никогда не узнаю.

Мой взгляд перемещается на альбом для рисования, прислонённый к лампе на тумбочке Логана. Я подползаю поближе, но тут же крепко зажмуриваюсь, когда вижу, что он нарисовал голую женщину. Это карандашный рисунок, и он заштриховал все части её обнажённого тела. Но моё внимание моментально приковывает единственная во всём рисунке цветная полоска. Она идёт вдоль левой стороны по её волосам. И она синяя.

Вот дерьмо! Это же я.

Я сажусь на край кровати и беру альбом. Это я. Определённо, я. Мои руки висят по сторонам, а кулаки крепко сжаты. На лице — вызов. Никогда ещё мне не приходилось видеть, чтобы художник смог поймать такое выражение. Но Логан смог. Рядом с моим пальцем ноги лежит полотенце, а нога вытянута так, словно я только что откинула его.

Вокруг груди он нарисовал тени, мои соски топорщатся, торчат так, будто их только что сильно целовали. Внутри у меня всё сжимается, и мне приходится заставить себя сделать вдох. Между бёдер — маленький треугольник волос. Я закрываю глаза. Рисунок почти как живой. И это я. Он нарисовал меня. По памяти. Внизу листа нацарапано несколько слов. Они все из прописных букв, которые написаны на расстоянии друг от друга.

Я С М О Т Р Е Л

Да, это уж точно. Сомнений нет. Он видел меня голой. И он запомнил каждую впадину, каждый изгиб, каждую прядь волос. Или их отсутствие. Ой. Я закрываю альбом, чтобы больше никто не смог это увидеть. У меня такое ощущение, будто меня обнажили, словно ему каким-то образом удалось снять с меня слой и заставить меня посмотреть на это так же близко, как он сам.

Поверить не могу, что обвиняла его в том, что он не хотел глядеть на меня. Конечно же, Логан всё видел. И его взгляд проник туда, куда ещё никто не смотрел. Я глубоко вдыхаю и некоторое время просто сижу с закрытыми глазами.

Натягиваю джинсы под футболку Логана и надеваю лифчик. Мне нравятся его братья, но я не могу быть уверена на сто процентов, кто есть в доме. И мне не хочется выйти попить кофе и увидеть, что все прилично одеты, и только я — нет. Бегать по дому среди ночи — это одно, а сейчас уже совсем другое.

Я выхожу из комнаты и осматриваюсь. В квартире пусто. И я даже немного рада тому, что Логана нет, потому что моё лицо до сих пор пылает от того, насколько внимательно он разглядел моё тело. Если бы он сейчас был дома, я бы превратилась в лужицу на полу.

Не думаю, что я когда-либо видела квартиру, которая была бы настолько заполнена тестостероном и мужскими телами. И тут, как всегда, бардак. Я наливаю себе чашку кофе и загружаю посудомоечную машину, потом протираю все рабочие поверхности. Ничего не могу с собой поделать. Возможно, они сами не хотят, чтобы я это делала. Но я всё равно убираю. Моя жизнь — это такой хаос, и больше всего на свете я хочу привести её в порядок. Но поскольку я не могу это сделать, то вместо этого приведу в порядок их квартиру. Я снимаю резинку с пачки писем и закручиваю волосы, чтобы они не падали на глаза. Если уж я собралась убираться, то сделаю это по всем правилам.

Загружаю стирку и складываю всё, что было в сушке. Только не могу понять, какая рубашка кому принадлежит, потому что они все весьма крупные мальчики. Поэтому я просто делаю из них аккуратную стопку и кладу её на кухонный стол. День проходит, стопка растёт, в квартире по-прежнему пусто и тихо, но она целиком и полностью чистая. Я не стала убирать в их спальнях, потому что это было бы вмешательством в их частную жизнь, и тут же думаю, не относится ли это и к моей уборке вообще. Я кусаю ногти и осматриваюсь. Ведь они не рассердятся?

Я иду в ванную и заглядываю под раковину. В прошлый раз там были чистящие средства, которыми можно воспользоваться. Чтобы добраться до них, поднимаю ведёрко с детскими игрушками и тут же останавливаюсь. Перебираю их. Тут и крошечные лодочки, и мелки для ванны, и резиновая уточка. Я сжимаю её, она становится плоской, из неё со свистом выходит воздух. Зачем им детские игрушки?

Любопытство убивает меня. У них есть маленькая сестрёнка? Нет, вряд ли. В тот день, когда мы познакомились, Логан сказал, что живёт с четырьмя братьями. Про сестру он ничего не говорил. Я ставлю ведёрко обратно под раковину и продолжаю убираться.

Срабатывает таймер на сушке, и я складываю последнюю кучку постиранного белья, сдувая с глаз прядь волос. Смотрю в окно и вижу, что день подходит к концу. Вот и поиграла в метро. А пятницы обычно самые удачные — люди получают свои зарплаты и становятся щедрыми. Я потратила целый день на уборку квартиры Логана, но довольна этим. Уперев руки в бока, осматриваю комнату. Я хорошенько потрудилась — мыла, пылесосила, вытирала пыль, убирала вещи по местам. Почти все, потому что догадалась, куда их можно убрать. Остальные сложила на кухонный стол вместе с чистым бельём.

Я открываю кухонный ящик и тут же отступаю назад, когда вижу, что он доверху забит презервативами. Одни презервативы, и больше ничего. Всевозможных форм, размеров и цветов. И вкусов, судя по тому, что мне на глаза попадает банановый. У меня горит лицо. За каким чёртом им нужен целый ящик презервативов? Я с грохотом задвигаю его и ухожу. Это не моё дело.

Я хочу оттащить ведро для мытья пола к кухонной раковине, чтобы вылить воду. Поднимаю его, и, когда иду через кухню, дверь в квартиру открывается — это Логан. Только он не один. На его плечах сидит блондинка с двумя изогнутыми хвостиками. Логан наклоняется, чтобы пройти в дверной проём, и она хихикает, когда он дёргает её за ноги, притворяясь, что хочет сбросить её с плеч.

Он останавливается перед закрытой дверью и замирает, когда видит меня. Он, должно быть, не ожидал, что я всё ещё здесь. А я уж точно не ожидала, что у него есть ребёнок. Он делает несколько шагов в мою сторону, одной рукой крепко прижимая ногу девочки к основанию своей шеи. Вторую руку он протягивает ко мне. Но я так ошарашена её появлением, что ведро с мыльной водой выскальзывает из моих рук.

— Стой! — предостерегаю я, мне не хочется, чтобы он поскользнулся с дочерью на плечах.

Логан

Я так чертовски рад видеть Кит, что мне хочется подбежать к ней, поднять в воздух и закружить. Интересно, будет ли она хихикать, как только что хихикала Хайли, когда я притворялся, что хочу её скинуть. Маловероятно. Я ведь даже не был уверен, что она всё ещё будет здесь, и действительно очень переживал, что Кит исчезнет, потому что она не пришла ко мне в тату-салон.

К носкам моих ботинок приливает вода, и Кит поспешно поправляет ведро. Её плечи опускаются, когда она оглядывает беспорядок. Но её подавленность длится секунды. Она берёт себя в руки, кидается к столу, на котором лежат кучки постиранного белья, хватая несколько полотенец и бросает их в лужу.

Она что-то говорит, но я не могу прочесть по губам. Я направляюсь к ней, но она меня останавливает, подняв руки вверх. Её взгляд метается от Хайли к моему лицу, и она выглядит не очень-то счастливой. Я сажаю Хайли на кухонную столешницу, сую ей в руку печенюшку, а она устраивается поудобнее и наблюдает за нами, её рот набит шоколадной крошкой. Хайли три года, и она классная девчушка.

Я передвигаю полотенца ботинками, а Кит опускается на колени, чтобы вытереть всю воду. Она неистово трёт пол, пока, наконец, всё не убрано. Потом она бросает полотенца в ведро и относит их в стирку. Вернувшись в кухню, она смотрит на Хайли, которая по-прежнему сидит на столешнице, радостно чавкая своим печеньем. Пол наверняка надерёт мне задницу, когда узнает, что я дал ей шоколад, но мне же нужно было как-то её отвлечь.

Кит раздражённо сдувает прядь волос с глаз и смотрит на меня.

— Ты дома, — говорит она. Её руки упёрты в бока, на ней нет косметики, волосы превратились в полный хаос, на лбу — полоса грязи. Но она никогда ещё не выглядела настолько прекрасно.

Я киваю. Коленки на джинсах Кит мокрые, как и вся её рубашка.

— Что ты делала? — спрашиваю я. Потом осматриваюсь. Квартира сияет чистотой. И это не просто «приведём всё в порядок, потому что приезжает бабуля». Это безупречная чистота. Словно в выставочном павильоне. Но ещё лучше. Пахнет хорошо. Выглядит хорошо. И она здесь. Боже, я так счастлив, что она здесь.

Кит пожимает плечами.

— Как прошёл день? — спрашивает она. Её взгляд снова пробегает от меня к Хайли. Ребёнок весь перемазался, но мне всё равно.

— Сейчас уже лучше, — признаюсь я. Когда я вошёл и увидел её, у меня как будто камень с души свалился. Я прижимаю Кит к себе и целую её в лоб. Она морщит лицо и отодвигается от меня, её взгляд снова перемещается на Хайли.

— Кто это? — осторожно спрашивает она.

Я смачиваю кухонное полотенце и вытираю рот и руки Хайли. Она ещё не запачкала платье, но я понял, что это будет дело пары секунд. Её мать не на шутку разозлится, если мы вернём её в грязной одежде. Я щекочу её животик, и она хохочет, её мышцы сжимаются, когда она выгибается под моими руками.

— Это Хайли.

Хайли выглядит слегка озадаченной, когда я поднимаю её и сажаю на бедро. Она обнимает меня, одной рукой закрывая мой рот. Я целую её ладошку и дую в неё. Она ёрзает. Наверняка её смутили звуки, которые я издаю. Я никогда раньше не говорил при ней.

— Сколько ей лет?

— Сколько тебе лет, Хайли? — спрашиваю я девочку, подбрасывая её на бедре.

Она поднимает три пальца.

— Три? — произносит Кит, похоже изумлённо. — Такая большая девочка. — Кит смотрит на меня. — Она говорит?

— Я не знаю, — отвечаю я. Мне очень сложно читать по её губам, поэтому я понятия

не имею, умеет Хайли говорить или просто издаёт какие-то звуки. Она знает, как показывать простые слова типа «еда», «молоко», «купаться», «вода», ну и другие вещи, в которых она испытывает необходимость. Мы прекрасно ладим. Только я большую часть времени пытаюсь выяснить, что ей нужно, но её вроде это и не особо волнует. — Должна вроде.

Кит наклоняется к Хайли и спрашивает:

— Ты умеешь говорить?

Она улыбается и корчит такие милые рожицы для Хайли, что мне хочется её поцеловать. Я быстро хватаю Кит за талию и прижимаю к себе, моя рука на её бедре, и она смеётся, глядя на меня снизу вверх. Я целую её в лоб, и Хайли ударяет меня ладошкой по щеке.

— Не думаю, что ей это нравится, — говорит Кит, отодвигаясь от меня.

— Ей стоит привыкнуть. — Глаза Кит встречаются с моими, но она тут же быстро их отводит.

— Она чудесная, — говорит Кит, но по-прежнему не смотрит на меня. Мы поговорим об этом позднее.

— Что случилось с квартирой? — спрашиваю я, мои губы растягиваются в улыбке. Она выглядит неуверенной и откидывает волосы с лица. Грязная полоска по-прежнему украшает её лоб, и я протягиваю руку и вытираю его своим большим пальцем.

Она скручивает руки вместе и снова не смотрит мне в глаза.

— Я немного убралась.

Я беру её за подбородок и поднимаю лицом к себе.

— Я рад, что ты до сих пор здесь.

— Ты ведь не злишься, нет? — спрашивает она и кусает нижнюю губу.

— Из-за того, что ты здесь? — мягко спрашиваю я. — Да я в грёбаном экстазе!

Кит сердито хмурится и смотрит в сторону Хайли.

— Следи за речью, — говорит она. — И я имела в виду уборку. Я начала с утра и... ну... не смогла остановиться.

— Тебе не стоило.

— Я знаю, — говорит она, пожимая плечами. — Но мне хотелось. Я чувствую, что вроде как обязана вам за то, что вы разрешили мне остаться здесь.

— Ты ничем нам не обязана, — я пытаюсь ей объяснить. И снова притягиваю её к себе. То, что эта девушка в моих объятиях, нравится мне намного больше, чем следует. — Мне нравится, что ты здесь.

Она улыбается мне, и тут Хайли начинает скакать у меня на руках. Она чему-то радуется и показывает за моё плечо. Я оборачиваюсь и вижу, как в квартиру заходит Пол. Она так перевозбуждается только когда видит Пола.

Кит начинает улыбаться, потом её улыбка становится всё шире, и вот она облегчённо выдыхает. Не пойму, с чего это.

— Вижу, ты познакомилась с Хайли, — говорит Пол, обращаясь к Кит. Она кивает, а Пол забирает у меня девочку. — Видишь, Хайли, — говорит он, теперь уже дочери, — теперь ты не будешь единственной девчонкой в доме.

Он танцует с ней по кругу. Я читаю по его губам, потому что ему явно тяжело что-то показывать, когда на руках ребёнок. Я не вижу, что именно он говорит, когда они двигаются по кругу, но его слова заставляют Кит улыбаться.

Кит показывает пальцем на Пола и улыбается.

— Она твоя?

Пол смотрит на меня, потом на неё.

— Ты ведь не пытался снова использовать мою дочь, чтобы затащить девушек в постель? — спрашивает Пол, пихая меня в плечо. — Я даже не могу доверить ему сходить в бакалейную лавку. Слишком много внимания от дам.

Пол оглядывает квартиру и ухмыляется.

— Что за хрень? — спрашивает он.

Кит и на него сердито хмурится.

— Следи за речью, — говорит она, глядя в сторону Хайли. Но теперь она улыбается и, похоже, дышит глубоко, чего не было, когда я только зашёл домой.

— Кто убирался? — спрашивает Пол. Он стирает большим пальцем пятнышко со щеки Хайли. — И кто давал тебе шоколад?

Он сердито смотрит на меня. Я пожимаю плечами и широко улыбаюсь.

Кит убралась. Я прижимаю её к себе, а она одной рукой обнимает меня за талию, а вторую кладёт на мою грудь и смотрит на меня. *Разве она не удивительная?*

Взгляд Пола прыгает с меня на неё и обратно, он подносит палец к горлу, показывая будто его сейчас стошнит, и уходит с Хайли в сторону своей спальни. Он оборачивается и смотрит на меня, пока говорит:

— Ты опоздаешь на работу, если не поторопишься. — Он глядит на Хайли. — Скажи дяде Логану, что он опоздает.

Он показывает ей знак «опоздать», и она повторяет его. Она прелестна, когда общается жестами. Они исчезают в комнате Пола, и я смотрю на Кит сверху вниз. Потом наклоняю голову и касаюсь своими губами её губ. Мне так не хочется отрываться от неё, но я должен торопиться.

— Мне нужно уходить, — говорю я.

Она поднимает брови и выглядит обеспокоенной.

— Уходить? — переспрашивает Кит.

Я киваю.

— Мне нужно работать сегодня ночью. Хочешь, пойдём со мной?

Она смотрит на свою мокрую рубашку и убирает прядь волос со лба.

— Я ещё даже душ принять не успела.

— Как быстро ты сможешь собраться? — спрашиваю я, глядя на свои часы. Через полчаса мне уже следует быть на месте.

Эмили

По моему телу течёт тёплая вода, но я заставляю себя поторопиться. Логан наверняка уже пританцовывает в гостиной, пока ждёт меня и опасается, что мы опоздаем. Судя по всему, по вечерам пятницы он работает охранником в каком-нибудь местном клубе. Но он захотел, чтобы я пошла с ним.

Я слышу, как дверь в ванную открывается, и застываю.

— Мэт? — зову я. Только ему можно находиться со мной в ванной, да и то, лишь когда его тошнит.

Я приоткрываю занавеску и выглядываю. Это Логан, и он смотрит на меня. Он уже переоделся, сейчас на нём джинсы, его ботинки и синяя футболка с надписью «Охрана» на груди. Она обтягивает его широкие плечи. На фоне небесно-голубой ткани его глаза становятся потрясающего синего оттенка, и они смотрят прямо на меня, когда я выглядываю из-за занавески. Мои волосы все в пене, от мыла щиплет глаза.

— Что-то случилось? — спрашиваю я.

Логан мотает головой и улыбается мне. Он ничего не говорит, а просто стоит, опёршись плечом о стену, руки скрещены на груди. Наконец он произносит:

— У меня есть вопрос.

Я снова встаю под душ, смывая мыло с лица и волос, а потом снова просовываю голову из занавески и отвечаю, сдувая воду с губ:

— Спрашивай.

— Ты была обеспокоена, когда думала, что Хайли моя, — говорит он. Выражение его лица не меняется. Он внимательно и оценивающе вглядывается в меня. Но не ухмыляется, не пытается посмотреть на моё голое тело. Логан абсолютно вежлив, как и всегда.

Да, меня обеспокоило то, что Хайли могла оказаться его дочерью. У них одинаковые тёмно-синие глаза, одинаковые волосы. И они очень непринуждённо общались. Но потом, когда она назвала Пола папочкой, внезапно всё стало хорошо. Я понимаю, Логан не может читать по губам, и снова высовываю голову из душа.

— Почему ты так говоришь? — спрашиваю я.

Он хмыкает.

— Я читаю людей каждый день, всё время, и мне приходится определять, что они чувствуют по тому, как они себя ведут, а не по изменению интонации их голоса. И что-то подсказывает мне, мысль о том, что Хайли может быть моей, не пришлась тебе по душе.

Он внимательно смотрит на меня, и я знаю, он по-прежнему пытается оценить мою реакцию.

— Либо тебе не нравятся дети, либо не нравится то, что они могут быть у меня. — Он меняет позу. — Я просто хочу, чтобы ты знала, то, что я не могу слышать, ещё не значит, что я не в состоянии позаботиться о ребёнке. Если бы это было не так, Пол никогда бы не оставил её со мной.

Он тяжело вздыхает, а потом поворачивается, чтобы выйти. Я зову его по имени, но он же не слышит. Поэтому я выпрыгиваю из душа, хватаю полотенце, но у меня нет времени, чтобы закутываться в него. Я просто прижимаю его к груди и хватаю Логана за руку. Он оборачивается, смотрит на меня, подняв одну бровь.

— Дело не в том, что я думаю, будто ты не в состоянии о ней позаботиться, — говорю я. — Всё совсем не так.

— Тогда в чём же? — спрашивает он.

Это так трудно объяснить, но если я не скажу ему причины, которая меня так взволновала, он будет продолжать думать, что я считаю, будто он не может управляться с ребёнком из-за своей глухоты, что крайне далеко от истины.

— Я думала, что она твоя, — говорю я с закрытыми глазами. Он поднимает мой подбородок своим требовательным пальцем.

— Что? — спрашивает он.

— Я думала, что она твоя, — повторяю я. В этот раз я стараюсь, чтобы он увидел мои губы; хотя мне меньше всего хочется, чтобы он видел, как я говорю ему это. — Я думала, что она твоя дочь.

Он морщится.

— Говорю ещё раз, я в состоянии позаботиться о ребёнке. Могу наблюдать за огоньками на мониторе, как и все остальные. Ну а смена подгузников вообще не нуждается в моих слуховых возможностях. — Он сердится. Точно могу сказать. — Если она заплачет, я смогу выяснить, что ей нужно.

— Дело не в этом. — Боже, я такая тупица! Я прячу своё мокрое лицо в ладонях, но Логан опускает их, глядя на мои губы. — Я ревновала, — признаюсь я. Ну вот. Сказала.

— Ревновала? — спрашивает он. — К Хайли? Ради бога, ей же всего три!

— Я знаю. — Как же ему сказать? — И мне было интересно узнать, что за глупая женщина позволила тебе уйти. — А ещё я поняла, что он был и у кого-то ещё. И, возможно, их было много. Много таких «кого-то», с кем я не сравнюсь.

Он усмехается, и напряжение в комнате уменьшается.

— И это всё? — спрашивает он скептически. На самом деле, это не всё. Я также задумалась, смогу ли я делить его с кем-то ещё. Но разве он принадлежит мне, чтобы делиться им? Вроде нет. Совсем нет.

Я киваю.

— Всё. И это не потому, что ты глухой. Я просто ревновала. — Я пожимаю плечами. — Извини. Правда, прости меня. Я не хотела тебя обидеть. — Мне хочется сказать ему, что я хочу, чтобы он был только моим. Но я несвободна говорить подобное.

— У меня нет детей, — говорит он. — Если тебе интересно.

Такая мысль никогда мне и в голову не приходила, до тех пор, пока я не увидела Хайли.

— Хорошо.

— Но я хочу, чтобы у меня когда-нибудь появились дети, — говорит он. Его голос звучит очень мягко, и он смотрит прямо мне в глаза. — А ты?

— Я не знаю. — Мне трудно представить, как я буду помогать собственному ребёнку с домашним заданием. А правописание? А школа? — Не думаю, что из меня получится хорошая мать.

Его губы прижимаются к моему лбу, он кладёт руки на мои обнажённые бёдра. Я втягиваю воздух. Его ладони полностью покрывают мои голые бёдра, и он притягивает меня к себе. Полотенце, что висело на моей груди, теперь зажато между нашими телами.

— Я рада, что ты пришёл поговорить со мной, — хрипло говорю я.

Он наклоняется и целует мою челюсть сбоку. Я даже не думаю, просто наклоняю голову, чтобы ему было удобнее.

— И я, — говорит он, я чувствую его дыхание на своей коже.

Я могла бы сказать больше, но он не смотрит на моё лицо. Он вообще никуда не смотрит. Его глаза закрыты. Его руки скользят под мою попу, и он приподнимает меня.

— Я никогда не хотел заняться сексом с девушкой, о которой забочусь, — говорит он.

Я чувствую, какой он твёрдый, потому что его член упирается мне в живот, и я едва могу думать, едва могу дышать.

Поднимаю его футболку и кладу руки на его живот. Под моими пальцами перекачиваются мышцы. Я хочу касаться его. Очень сильно хочу.

— Притворись, будто я не та, о которой ты заботишься, — в порыве говорю я.

Должно быть, Логан увидел мои губы, потому что он застывает.

— Думаешь, я могу так сделать? — недоверчиво спрашивает он. Он поднимает руку и проводит ею по волосам. — Мне кажется, ты понятия не имеешь, насколько мне нравишься.

А я очень сильно ему нравлюсь, если судить по впечатляющих размеров члену, упирающемся в мой живот.

Он будто читает мои мысли, потому что, тяжело вздохнув, говорит:

— Не в этом смысле. — В его челюсти дёргается мускул, потом он делает шаг назад, поднимает полотенце и оборачивает его вокруг моего голого тела. — У меня был секс. Уйма секса. Но никогда с тем, кто имеет для меня значение.

Да он знает меня всего несколько дней!

— Почему я так много для тебя значу? Что делает меня такой особенной? — Теперь я умираю, как хочу это узнать.

Он качает головой.

— Скажи мне, — настаиваю я.

— Я слишком долго был заперт в своём собственном мире, — говорит он. — И у меня есть причина, по которой я не сближаюсь с людьми — моя глухота. Но потом я увидел твою тату. — Я переворачиваю его запястье и провожу по ней пальцем. Он вздрагивает от моего прикосновения и крепко зажмуривается. — И я подумал, что, может быть, всего лишь может быть, раз мы оба заперты в наших собственных маленьких мирах, то мы сможем помочь друг другу найти из них выход.

Он только что излил мне душу, а у меня даже нет никаких слов поддержки.

— Но с тобой всё нормально, — начинаю я. Я смотрю на него, но в его глазах предостережение.

— Это неправда. — Он качает головой.

— С тобой всё нормально. Поэтому мы не на равных и никогда не будем.

Он снова качает головой, как будто хочет что-то сказать.

— Я не умею читать. Я не могу получить работу. Не могу пойти учиться. Я не могу сделать ничего из того, что хотела бы для меня моя семья. — Хотя на самом деле они хотели, чтобы я вышла замуж, завела детей, потому что я пригодна лишь для того, чтобы стать чьей-то женой для статуса. Но я отказала им в этом. Поэтому я сбежала. Они разругались со мной, решив, что я не могу играть музыку, потому что это «не соответствует нашему уровню», и не могу дальше учиться, потому что им слишком тяжело наблюдать, как я стараюсь побороть трудности. Это всё из-за них. И всегда было из-за них.

— Не недооценивай себя, дурочка.

Я застываю. Я ненавижу это слово. Всей душой ненавижу. И он тоже застывает, когда видит моё состояние.

— Что? — спрашивает он. — Что случилось?

— Никогда больше не называй меня «дурочкой», Логан, — говорю я, мои зубы скрежещут друг от друга, даже больно.

— Боже, прости, — торопится извиниться он. Берет в руки моё лицо, крепко сжимая, и смотрит мне в глаза. — Я не это имел в виду. — Он усмехается, но в этом смешке нет ничего веселого. — В нашей семье мы так выражаем свою нежность. Я не хотел тебя обидеть. Честно. Я не думаю, что ты глупая. У тебя просто грёбанные трудности с обучением. Но ты не глупая. Я это знаю.

Как бы мне хотелось знать это наверняка. Он говорит так уверенно.

— Всё нормально, — отвечаю я, но отодвигаюсь от него. На мои глаза уже начинают наворачиваться слёзы.

— Не отстраняйся от меня, — предупреждает он.

Его слова заставляют меня рассмеяться.

— Не я одна всё время отстраняюсь, Логан, — напоминаю я ему. Снова отталкиваю его, но он стоит на месте. Внезапно его руки хватают меня за попу, и он усаживает меня на столешницу у раковины.

— Прости меня, — говорит он.

Я киваю, и он целует уголки моих глаз, где скопились слёзы. То слово больно ранило меня. Как и всегда. И именно оно стало последней каплей, после чего я покинула дом своих

родителей. Это слово и много других. Я слишком долго их слушала.

Логан наклоняется, и его губы касаются моих. Его язык мягко, но решительно проталкивается в мой рот. Я обнимаю ладонью его лицо, и он продолжает меня целовать. Он помогает мне выбросить это слово из головы. Я уже знаю, что он делает. И восхищаюсь им. Он забирает боль, а вместе с ней и мой рассудок.

Он рывком отбрасывает полотенце, зажатое между нами, и смотрит вниз, на моё обнажённое тело. Я сижу на столешнице, он стоит между моих ног. Логан облизывает губы, и моё сердце начинает биться в два раза быстрее. Боже, он такой сексуальный. Я притягиваю его рот к себе, он не сопротивляется, но это на мгновение. Потом его голова опускается ещё ниже, он берёт в рот мой сосок. И он не нежничает. Наоборот, он груб. Его лёгкая щетина трётся о мою кожу под грудью, когда он посасывает мой сосок, втягивает его глубже, затрагивая внутри меня нечто, о существовании которого я даже не подозревала.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — спрашивает он, поднимая голову, чтобы посмотреть в моё лицо.

Я качаю головой.

— Не останавливайся, — говорю я.

Я запускаю пальцы в его волосы, осторожно притягивая его ближе, он стонет, я чувствую этот стон на своём соске. Моя голова запрокидывается, я откидываюсь на зеркало, наблюдая за его лицом, когда он сосёт набухшую плоть. Его рука плавно двигается вниз по моему животу, по завиткам волос и там проскальзывает между моих ног. Я раздвигаю их пошире. Логан поднимает голову и утыкается в мою шею, его палец проникает в меня, потом легко двигается вверх, потому что я влажная от возбуждения. Он потирает мой клитор, и я чуть не соскакиваю со столешницы. Его тело прижимается ближе, вторая рука дёргает меня за сосок, вытягивает, а его средний палец продолжает двигаться во мне.

Если он не перестанет, я кончу.

— Логан, — говорю я. Но он не видит мои губы, и я тяну его за голову, пока он наконец не смотрит на меня. Слова едва сходят с моих губ.

— Я кончу быстрее тебя, если ты не остановишься. — Я начинаю расстёгивать пуговицу на его джинсах, но он убирает мою руку.

Он всматривается в мои глаза и спрашивает:

— Как тебя зовут?

Я не могу ответить. И не отвечаю. Я крепко закрываю глаза и выгибаюсь под его пальцами, которые продолжают поднимать меня на вершины блаженства. Не получив ответа, Логан рычит, падает передо мной на колени и раздвигает мне ноги. И потом лижет меня снизу вверх.

Я впиваюсь руками в его волосы, притягивая его повыше, и он понимает намёк.

Его губы и язык захватывают мой клитор; нежно посасывая его, он пристально смотрит на меня, его глаза такие же голубые как море. Я рассматриваю его лицо, а он всё ускоряется, ускоряется, ускоряется, пока наконец я не вскрикиваю. Но он не останавливается, когда я начинаю кончать. Вместо этого его палец проскальзывает внутрь, и он касается меня изнутри, пока его рот впивается в меня снаружи.

— О боже! — кричу я.

Мое тело содрогается, меня неудержимо потряхивает, и я прижимаю его лицо ближе, пока кончаю. Он замедляет все свои движения, и я затихаю. Мне нравится, когда он снова проводит языком снизу вверх, и я дрожу, когда он задевает мой клитор. Он делает так снова и снова, пока моё тело не успокаивается. Я обессилено приваливаюсь к зеркалу и поднимаю его лицо к себе.

— Твоя очередь, — говорю я и снова тянусь к пуговице на его джинсах.

Он качает головой.

— Нет.

— Что? — Я не понимаю.

Он приподнимает меня и ставит перед собой.

— Ты не хочешь меня? — спрашиваю я.

— Чёрт, девочка, я хочу тебя больше, чем когда-либо хотел кого-то или что-то. —

Он прижимается своим лбом к моему, тяжело дыша. Его губы нежно касаются моих, но с настойчивостью. Логан наклоняется, поднимает полотенце, заворачивает меня в него и затыкает кончики между моих грудей. Затем он открывает дверь, выпроваживает меня в коридор и запирается в ванной.

Логан

Твою мать!

Я провожу рукой вниз по лицу, потом пробегаю пальцами по волосам и сжимаю голову обеими руками, как будто она сейчас взорвётся. Но кое-что ещё тоже готово взорваться.

Я ещё никогда не был так возбуждён. Кит была влажной, тёплой и желающей. Она позволила бы мне трахнуть её прямо здесь, в ванной, если бы я согласился. Знаю, что позволила бы. И потом она бы не стала сожалеть. Но я бы стал. Пусть даже сейчас я сомневаюсь в своём решении выставить её за дверь. Я тянусь к дверной ручке, готовый повернуть её, чтобы Кит вернулась в ванную, но тут же отдёргиваю руку.

Я так отчаянно хотел стереть это выражение с её лица, и единственное, что мне пришло в голову, так это отвлечь её чем-то другим. Но теперь я не могу забыть другое выражение на её лице, появившееся в тот момент, когда она кончала. Или как крепко она сжимала мой палец, когда дрожала. Боже правый, эта девушка может меня погубить.

У меня такой сильный стояк, хоть гвозди забивай.

Дверь вибрирует от того, что кто-то стучится. Наверное, это Пол, который хочет, чтобы я поторопился и не опоздал на работу. Но мой член такой твёрдый, что я едва могу прямо стоять, не говоря о том, чтобы ходить.

Я снова пробегаю руками по волосам. Дыши глубже.

Дерьмо! Так я никогда отсюда не выйду.

Я беру полотенце из-под раковины и кладу его перед собой, потом расстёгиваю джинсы. Это займёт секунду. Потому что я буду думать о ней, когда буду это делать. Плюю на ладонь и беру в руку головку члена, крепко сжимая, начинаю двигать ею от себя.

Боже, я никогда не смогу выбросить из головы картинку, когда она кончала. И она кричала. Я уверен. Я чувствовал своей щекой, как двигалось её горло. Мягкая вибрация, появившаяся, когда она начала сжиматься вокруг моего пальца.

Несколько движений, и я встаю на цыпочки, изливаясь на полотенце на раковине. Я думаю о том, на что похоже оказаться внутри неё, и мои яйца врезаются в моё тело, когда я кончаю. О боже. Боже, я так сильно хочу оказаться внутри неё.

Опустошённый, я опускаюсь обратно на пятки. Тяжело прислонившись к двери, стараюсь выровнять дыхание. Дверь трясётся от мощных ударов кулака. Я мою руки, кидаю полотенце в корзину. Дерьмо. Я рад, что сделал это. Но мне бы хотелось, чтобы это случилось по-другому.

Застёгиваю джинсы, хоть мой член по-прежнему в полутвёрдом состоянии, но ходить уже можно. Я открываю дверь, и Пол приветствует меня выгнутой бровью.

— Лучше? — спрашивает он, ухмыляясь.

Иди на хер, придурок, показываю я.

— Сам иди, — смеётся он. — О, подожди. Ты только что оттуда. — Он склоняет голову набок. — Ну и как оно?

Я втягиваю его к себе в ванную. *Я не трахал её.*

Он закатывает глаза.

— Расскажи об этом тому, кто не слышал, как она тут кричала. — Он шутливо пихает меня в грудь. — В следующий раз предупреди парня, чтобы он смог уйти. Это было громко.

Что было громко? Я растерян.

Он очень театрально изображает:

— О боже! О боже! О боже! Логан! Логан! Логан! — Пол снова пихает меня. В этот раз мне больно. Я потираю ушибленное место. — Это было бы даже горячо, если бы за дверью не стоял мой брат. А так было неловко.

Я не слышал её. Прости. Ну да. Как-то так.

— Да ну нахрен, — говорит он. Потом внимательно смотрит на меня. — Ты в порядке?

Я киваю. И тут же мотаю головой. *Чёрт, я не знаю.*

— Что такое?

Она сводит меня с ума, чувак. Чертовски сводит с ума.

— Ты только что трахался, и ещё жалуешься? — Он вскидывает руки вверх. — Я даже слышать ничего не хочу. Знаешь, как давно у меня этого не было? Чёрт, придурок, не стоит тебе расстраиваться, когда у тебя только что был трах.

У меня ничего не было.

— Заткнись. И хватит уже об этом.

От бессилия я провожу рукой по волосам и закрываю глаза.

Пол хлопает ладонью по моей груди, чтобы я их открыл.

— Подожди-ка. Ты это серьёзно.

Я киваю. *Я сказал ей какую-то глупость. Она очень расстроилась. И это была моя вина.*

— И... — подсказывает Пол.

И мне захотелось, чтобы ей стало лучше. Но я не собираюсь вдаваться в подробности.

— Да ты как будто снова лишился невинности. Какая-то грёбаная чушь. — На его лице выражение притворного стыда.

Я не могу не ухмыльнуться. *Ага, расскажи мне об этом.*

— Ты опоздаешь на работу, — предупреждает Пол.

Чёрт. Да, я опоздаю на работу. Выбегаю из ванной как раз в тот момент, когда туда вбегает Хайли. Пол поднимает её и начинает танцевать с ней на руках. Он проводит с ней время по пятницам раз в две недели. И наслаждается каждой секундой этого времени. Пит стоит рядом с Кит в гостиной.

— Готов? — спрашивает он.

Кит переминается с ноги на ногу, избегая встречаться со мной взглядом. Я подхожу к ней, приподнимаю её лицо и целую её. Этот поцелуй полон обещаний того, что могло бы быть. И того, что пока ещё невозможно. Она тяжело дышит и крепко хватается меня за плечи, когда я отрываюсь от неё.

— Спасибо, — говорит она и одновременно показывает жестами, отчего моё сердце замирает.

Готов, показываю я Питу.

Он идёт за нами в коридор, и я ловлю его на том, как он пялится на задницу Кит.

Прекрати, показываю я ему.

Он ухмыляется и пожимает плечами. *Не могу удержаться.*

Могу тебе помочь, предупреждаю я. И ударяю кулаком в открытую ладонь.

Он сразу же переводит взгляд. Я показываю ему, чтобы он посмотрел на меня. *Поможешь мне присмотреть за Кит? В случае, если я буду чем-то занят.*

Пит кивает. Он понимает, о чём я.

Эмили

Клуб называется «Баунс». Логан держит меня за кончики пальцев и проводит через заднюю дверь, но, перед тем как зайти внутрь, мне удаётся увидеть громадную очередь у главного входа, где на страже стоят несколько мужчин размером с Логана. Я не так представляла себе это место. Оно куда больше.

Огромный здоровяк в фартуке перегораживает нам путь, как только мы заходим через чёрный вход, и кладёт руку на грудь Логана. Он смотрит на меня и поднимает бровь.

Логан начинает что-то показывать, а Пит переводит.

— Она со мной. — Пит робко смотрит на меня и показывает большим пальцем на Логана. — То есть с ним, — поправляется он и переводит дальше: — Ей девятнадцать.

Парень машет мужчине со штемпелем, и он ставит на тыльной стороне моей руки печать «воспрещается». Я закатываю глаза. Да ну?

— Это бар, милая. И у меня будет куча проблем, если кто-нибудь продаст тебе то, что не следует. — И он ставит точно такую же печать на руку Пита.

Я киваю. Мне всё понятно.

— Она тоже глухая? — спрашивает он.

Логан качает головой.

Мне кажется, что парень говорит что-то типа «красотка на одну ночь», когда отходит, закатывая глаза. Пит уходит с ним.

Логан ведёт меня в конец бара и сгоняет со стула реально огромного парня. Мужик пошатывается, жалуется, поворачивается и видит перед собой Логана. Тогда он поднимает руки вверх, словно сдаётся копам, разворачивается и уходит.

— Зачем ты так? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Тебе нужно было сесть.

Он говорит это таким тоном, как будто мне нужна была газировка.

— Но ты же прямо-таки столкнул его со стула.

Логан следит взглядом за мужиком.

— Ему всё равно.

— Ему не всё равно, он просто подумал, что ты надерёшь ему задницу, если он что-нибудь скажет.

Он кивает. В том смысле, что надрал бы ему задницу? Правда?

— Что? — спрашивает он и хлопает по стулу. Я медленно усаживаюсь на него и смотрю на Логана.

— Хочешь, чтобы я оставалась тут? — Я показываю на стул. На бар. На всё помещение.

Он кивает. Поднимает моё лицо, чтобы я смотрела на него.

— Не пей ничего, если это не дал тебе бармен. Поняла?

Не совсем, но я киваю.

— Я серьёзно, — говорит он.

— Куда ты собираешься?

— Работать. — Он прижимается губами к моему лбу, на мгновение задержавшись. Потом наклоняется и говорит на ухо: — Чтобы ты знала — я до сих пор чувствую тебя на своих губах. — Он смотрит на мои колени. Жар приливает к моему лицу. Наверняка я красная как помидор, но заставляю себя посмотреть ему в глаза.

— Мне бы хотелось сказать то же самое.

Он издаёт стон, отодвигается от меня, подмигивает и уходит.

Я оглядываю барную стойку и вижу бойкую блондинку, которая смешивает напитки. Она бросает на меня презрительный взгляд и спрашивает:

— Что тебе налить?

— Рутбир? — спрашиваю я. Она поднимает бровь, кивает и наливает стакан из крана

в баре.

— Откуда ты знаешь Логана? — спрашивает она, подвигая мне мой напиток.

С моих губ непроизвольно готово сорваться «он мой парень». Но я прикусываю язык.

— Я на какое-то время остановилась у них.

Её брови резко подсакивают вверх.

— Правда?

Киваю, делая глоток рутбира.

— Спасибо, — рассеянно говорю я, показывая на напиток.

Она кидает мне в стакан две вишенки на черешке и улыбается.

— Я Эбби. — Она протягивает мне руку, и я беру её. У неё крепкое пожатие. Мне нравится.

— Кит, — говорю я. — Так что, ты одна из тех тысяч женщин, с которыми переспал Логан? — спрашиваю я. Стараюсь звучать небрежно, но, если судить по выражению её лица, мне это не удаётся. Вообще-то, мне не хочется знать ответ. Но, с другой стороны, хочется.

Она смеётся.

— Лапочка, я слишком себя уважаю. — С мгновение она смотрит на меня, профессионально наливая кому-то пиво. — А ты?

Моё отношение к ней становится лучше, когда я узнаю, что она с ним не спала.

— Нет. Но, подруга, как бы мне хотелось. — Я через силу усмехаюсь, но не чувствую, что мне это удалось.

— Он так влияет на всех девушек. — Она смеется. — Держись!

Однако я не хочу быть как все остальные девушки.

Кто-то грубо стучит перед ней по столешнице, и она поднимает на него сердитый взгляд.

— Не смей больше так трахать по моей барной стойке, придурок, — говорит она, но под её словами скрывается улыбка, точно.

— О, да брось, Эбби, — говорит он. — Ведь тебе же нравится, когда я трахаю тебя.

Бар взрывается смешками. Он перегибается через стойку, а она встаёт на цыпочки, перенеся свой вес на руки, чтобы коснуться губами его губ. Эбби показывает на меня.

— Форд, это Кит.

Форд оглядывает меня и улыбается.

— Кит пришла с Логаном, — объясняет она. Потом странно смотрит на него, он глядит на неё в ответ, сузив глаза, затем снова на меня.

— Скажи, что это не так, — говорит он, смеясь.

Я сжимаю губы, не понимая, на что именно он намекает.

— Это было вопросом времени, что ублюдок попадётся. — Продолжая смеяться, он радостно потирает руки. — Как аукнется, так и откликнется, — говорит он и медленно сливается с толпой.

— Форд работает вместе с Логаном у входа, — объясняет Эбби, пока разливает напитки. Она берёт у парня двадцатку и опускает в свою майку. Мне видно, как краешек банкноты выглядывает из её декольте. И её клиенту это тоже видно. Он облизывает губы.

— О, ты хотел получить сдачу? — сладко говорит она. Он качает головой, смеётся и уходит.

— Ты уже долго здесь работаешь? — кричу я. На сцене только что появилась группа, настраивая инструменты и наигрывая музыкальные отрывки. Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на них. Вокалист уже без рубашки. Но толпе это, похоже, нравится.

— Около года, — говорит Эбби. Она быстро разливает напитки, народу в клубе становится всё больше и больше. Мне уже почти даже хочется встать и помочь ей. Ощуаю себя бесполезной, сидя тут с краю и ничего не делая.

— Что за группа? — Я указываю большим пальцем за плечо.

Она пожимает плечами.

— Они новые.

Я слышу вступление песни «Свободная птица»⁵, и мои пальцы начинают покалывать. Провожу кончиком пальца по мозолям на большом пальце, и мне так хочется, чтобы это я сейчас была на сцене. Но такого не может быть. В любом случае, они лишь играют кавер-версии песен. Но таких песен, от которых у меня скручивает пальцы, а сердце стучит всё быстрее.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на них.

Они и правда классные. Но есть одна проблема. Их соло-гитарист вусмерть пьяный. Они едва справились с разогревом, а он уже сбивается с ритма. Басист поворачивается и внимательно смотрит на него, но он ухмыляется и продолжает играть. Он еле стоит на ногах. Но машет официантке, и она приносит ему рюмку. Он закидывает её и играет дальше.

Басист выходит из себя. Уверена в этом. Я бы тоже взбесилась. Не стоит не принимать музыку всерьёз. Никогда. Я ёрзаю на стуле, так мне хочется пойти, забрать у него гитару и начать играть самой. Но я заставляю себя сидеть на месте.

С другого конца помещения ко мне направляется Логан и останавливается на полпути.

— Ты в порядке? — произносит он одними губами.

Я киваю ему и машу рукой, чтобы он уходил. Он улыбается мне и встаёт там, где может наблюдать за мной. Надеюсь, он не будет маячить здесь всю ночь.

Я дёргаюсь, но уже по совершенно другой причине, когда вижу, как к Логану подходит девушка. На ней короткая юбка и откровенный топ, а её грудь выставлена на всеобщее обозрение, словно она лежит на полочке. Глаза Логана пробегают по её груди, и она кладёт свою ладонь на его руку, наклоняясь ближе. Я передвигаюсь на край стула, чтобы увидеть его реакцию. Он смотрит на её губы, потом его руки опускаются на её плечи, и он отодвигает её. Она хмурится. Логан делает шаг назад от неё, и моё сердце трепещет.

— Ни черта себе, — произносит Эбби. — Никогда не думала, что придётся такое увидеть.

Я смотрю на неё.

— Что ты имеешь в виду?

— Я никогда не видела, чтобы он хоть раз кого-нибудь оттолкнул.

Логан смотрит на меня и подмигивает.

Девушка тоже глядит на меня и поворачивается к нему, чтобы сказать что-то резкое. Он мягко смотрит на неё, но в его взгляде нет тепла. По крайней мере того, на которое она рассчитывала. Так что девушка обиженно уходит.

Внезапно усилитель группы громко визжит, соло-гитарист запинаясь и падает на колени. Его приятели перестают играть и пытаются поставить его на ноги, но он просто лежит и смеётся.

Зритители начинают кричать, напирая на сцену. Они явно не рады происходящему. И я не могу винить их за это.

Машу Логану, и он закатывает глаза, направляясь к сцене. Группе с трудом удаётся поднять гитариста на ноги и надеть ремень от гитары ему на шею, но он слишком шатается, чтобы стоять. Логан наклоняется и перекидывает парня через плечо. Он подмигивает мне, пока идёт в конец бара, где скрывается за занавеской. Члены группы сбиваются в кружок, пытаюсь решить, смогут они продолжить играть без соло-гитариста или нет.

Я сплетаю пальцы и качаю ногами, чтобы оставаться на месте. Но это невозможно. Соскальзываю со стула, меня немного пошатывает, когда я иду, но потом беспечно ступаю на сцену. Сердце стучит в моих ушах, а горло сдавило так, что даже если и захочу, то не

⁵ «Свободная птица» (англ. Free Bird, часто Freebird) — композиция с дебютного альбома американской группы Lynyrd Skynyrd («Линэрд Скинэрд»), выпущенная в ноябре 1974 г. и впоследствии вошедшая в их различные альбомы.

смогу вымолвить и слова. Но я поднимаю брошенную гитару, проскальзываю под ремень и смотрю на членов группы. Вытаскиваю медиатор из кармана и застываю над струнами. Кто-то из группы тянется забрать у меня гитару. Но я начинаю играть до того, как он успевает.

Из-под моих пальцев начинает звучать «Моя милая малышка»⁶, заполняя пространство вокруг, парни отступают, поражённые тем, что миниатюрная девушка играет на гитаре для больших мальчиков. Честно говоря, она действительно слишком большая для меня, но я не позволяю этому меня остановить.

— Мальчики, мы играем или как? — кричу я им.

Но я не перестану играть, что бы ни случилось. Толпа свистит, и я показываю им маленькое шоу.

Парни из группы приходят в себя, и вокалист подходит ко мне и спрашивает:

— Что ты сможешь сыграть?

— Всё, что ты сможешь спеть, — смеюсь, отвечаю я. Кровь кипит по венам, ритм музыки уносит меня за собой.

— А поточнее? — спрашивает он. Но на его лице улыбка, и он следит за моими пальцами, которые летают по струнам. Парень качает головой. — Забей!

Он возвращается к микрофону и говорит:

— Народ, у нас для вас сюрприз! — И он показывает в мою сторону. — Она намного симпатичнее нашего обычного соло-гитариста, что думаете?

Толпа кричит и хлопает. Я продолжаю играть, пока не заканчиваю «Мою милую малышку». Тут я останавливаюсь и, ухмыляясь, смотрю на вокалиста.

— Какая следующая? — спрашиваю я.

Он поднимает бровь.

— «Отель «Калифорния»»⁷?

Я киваю. Я играла её, когда мне было восемь. Мне приходится подождать, когда барабанщик начнёт, и потом вступаю я. Поборовшись немного с бас-гитарой, мы находим нужный ритм.

Я очень долго так не веселилась. С тех пор, как оставила свою группу. Я даже забыла, как скучала по всему этому.

Мы заканчиваем песню, и вокалист одними губами произносит: «Добро пожаловать в джунгли»⁸?

Я, смеясь, киваю. Оглядываю толпу и вижу Логана, прислонившегося к столбу в центре помещения. Его руки скрещены на груди, рот чуть приоткрыт. Я посылаю ему воздушный поцелуй, и он качает головой, улыбаясь. Боже мой, этот парень — красавчик. Он показывает мне поднятый вверх большой палец и уходит.

Мне хочется, чтобы я могла разделить с ним это чувство, потому что оно самое лучшее на свете. Фанаты, звук, ощущение целостности, которое я испытываю, когда играю... ничто не сравнится с этим. Я не боюсь. Ни капельки. Я люблю это. Я люблю музыку. Я люблю гитару. И, боюсь, я немного влюблена в Логана.

⁶ «Моя милая малышка» (англ. Sweet Child o' Mine) — композиция американской группы Guns'n'Roses («Ганс-эн-Роуиз», переводится как «Стволы и Розы»), выпущенная в 1987 г.

⁷ «Отель «Калифорния» (англ. Hotel California) — песня американской группы Eagles («Иглз», в переводе «Орлы») из одноимённого альбома, выпущенного в 1976 г.

⁸ «Добро пожаловать в джунгли» (англ. Welcome to the Jungle) — композиция американской группы Guns'n'Roses («Ганс-эн-Роуиз», переводится как «Стволы и Розы»), выпущенная в 1987 г.

Логан

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, как играет Кит. Её щёки покраснелись, она улыбается. Иногда она играет соло — бренчит на гитаре, танцуя, сгибает ноги в коленях от усердия. Судя по тому, что толпа беснуется, думаю, она действительно отличная гитаристка.

Я чувствую, как музыка глухими ударами отражается от пола и от стен, и тогда я останавливаюсь, чтобы приложить ладонь к одной из колонок.

У Кит уже намокли волосы, но её лицо сияет. Она никогда ещё не выглядела такой прекрасной. Несомненно, она была рождена для этого. И я невольно удивляюсь, почему она играет за деньги в переходе подземки, а не выступает на сцене. Там её будущее. Ведь музыка — её страсть.

И я счастлив уже лишь оттого, что смотрю на неё. Мне даже приходится напомнить самому себе, чтобы я присматривал за толпой, а не пялился на неё.

Кто-то похлопывает меня по плечу, я поворачиваю голову и вижу Пита, который стоит рядом и ухмыляется.

— Чёрт побери, а она хороша, — говорит он. Он играет на воображаемой гитаре, и я не могу удержаться от смеха. Он машет мне и говорит:

— Чёрт, оставлю это профессионалам.

Потом он показывает пальцем на Кит.

— Ты знал, что она так может?

Я пожимаю плечами. *Я знал, что она умеет играть. Но они, по-видимому, считают, что у неё классно получается.* Я показываю на толпу.

Я наблюдаю за тем, как вокалист подходит к Кит и что-то говорит ей на ухо. Он без рубашки, потный, и она отмахивается от него как от назойливой мухи. Он уходит, но смеётся при этом, и мне это не нравится. Совсем не нравится. Я выпрямляюсь.

— Он этого не стоит, — говорит Пит.

Я знаю. Но мне это всё равно не нравится.

— А ты здорово на неё запал, а? — спрашивает брат. Он улыбается, но это серьёзный вопрос.

Я киваю. А что тут говорить? Я действительно здорово на неё запал.

Группа делает перерыв, и Кит вытирает лоб предплечьем. Вокалист снова направляется к ней, но я тоже иду в этом направлении и заскакиваю на сцену до того, как он успевает подойти. Он почти налетает на мою спину. Но успевает затормозить и повернуть в другую сторону.

— О господи! — говорит Кит, её глаза восторженно горят, и она скачет на месте передо мной. — Ты это видел?

Потом она хватает меня за плечи, подпрыгивает и обвивает ногами мою талию. Она целует меня. Её язык проникает в мой рот, у неё вкус рутбира и восторга. Я подхватываю её за попу и притягиваю ближе к себе. Владелец клуба машет мне рукой, я вижу его краем глаза. Он показывает большим пальцем в заднюю часть клуба. Я киваю и несу туда Кит. Она взбудоражена из-за нервов и общего настроения. Но не прерывает поцелуй. Так мы оказываемся в подсобке, её ноги по-прежнему вокруг моей талии, я прижимаю её спиной к стене. Её язык переплетается с моим, и я не хочу, чтобы она вообще останавливалась.

Но, в конце концов, она отстраняется и смотрит на меня, её руки обхватывают моё лицо.

— Ты это видел? — спрашивает она.

— Видел что? — Из-за её поцелуя я потерял рассудок.

— Как я играла. Ты это видел?

Я киваю, утыкаясь носом в её шею.

— Ты была потрясающей.

— Я знаю! А то? Боже, я хочу вернуться обратно. — Она разъединяет ноги и встаёт

на пол. Потом начинает ходить туда-сюда по комнате, кусая ноготь. Я не могу видеть, двигаются ли её губы, поэтому просто прислоняюсь к стене и улыбаюсь ей.

— Что смешного? — спрашивает она, останавливаясь, чтобы посмотреть на меня.

— Ничего, — отвечаю я. Я подхожу к ней и убираю мокрые волосы с её шеи. — Просто ты такая охренительно красивая. — Кит дрожит, когда я дую на открытую кожу.

Она поднимает руку и накрывает ею мою, лежащую на её плече, и от этого маленького прикосновения я получаю столько успокоения, сколько не получал ни от одной девушки, даже когда был внутри неё.

— Спасибо, что взял меня с собой, — говорит она.

— Спасибо, что пошла со мной.

— Я давно так не веселилась, — признаётся Кит. Она вся светится.

Я наклоняюсь и целую её, потому что она чертовски привлекательна. Но какой-то шум со стороны двери привлекает её внимание, и Кит разворачивается, чтобы посмотреть, что там.

— Мне нужно возвращаться, — говорит она мне, поднимая палец. Смотрит на меня. — Они готовы начинать.

— Мне всё равно нужно вернуться к работе. Владелец отправил нас сюда только потому, что опасался, как бы я не трахнул тебя прямо на сцене.

Она прикрывает рот рукой.

— Значит, они думают, что мы сейчас занимаемся здесь сексом? Ты не шутишь? — Она выпучивает глаза.

Я не могу сдержать ухмылку.

— Вероятно.

— И часто ты здесь этим занимаешься? — спрашивает она.

Я цепенею. Мне не хочется ей отвечать. Потому что ответ будет положительным. Но Кит не настаивает на ответе. Она лишь вздыхает и отталкивает меня. Я тут же ощущаю эту нехватку близости.

— Не делай так, — говорю я, обнимая руками её лицо. — Я не могу изменить своё прошлое.

Она заглядывает в мои глаза и говорит:

— Я знаю. И не прошу тебя об этом. Просто мне нужно возвращаться на сцену. — Она нежно целует меня. — Продолжим попозже? — спрашивает она, ухмыляясь. При этом едва ли не вибрирует от возбуждения.

Кит не сердится на меня. Слава богу.

— Мы будем продолжать так часто, как ты захочешь.

В любое время. В любом месте.

Она уже готова сорваться с места, но я хватаю её за пальцы, чтобы притянуть к себе. Она медленно вырывает руку, и я умираю как хочу рвануть её обратно в свои объятия. Но она разворачивается и убегает.

Кит заскакивает обратно на сцену, я иду за ней. Вокалист с хмурым видом поворачивается к ней:

— Ты с Логаном, да? — спрашивает он. Со своего места я могу читать по его губам.

Кит ухмыляется и кивает головой.

Он говорит что-то типа «Разберёмся», потом хмурится и поворачивается в мою сторону. Я указываю на Кит, затем себе на грудь и губами произношу слово «моя». Он понимает, о чём я. Целиком и полностью понимает. Даже если не хочет, чтобы это было правдой. Но теперь он знает, что у них нет будущего. А у нас есть.

Я ухожу повидать Эбби и взять ещё рутбира для Кит. Она уже час потеет там, а их программа ещё не закончена. Показав на рычаг резервуара с рутбиром, я поднимаю бровь.

— Для тебя? — спрашивает Эбби, показывая на меня пальцем и наполняя стакан.

Я показываю в сторону Кит. Эбби кивает и бросает в напиток две вишенки. Я разворачиваюсь, чтобы отнести рутбир Кит, но Эбби тянет меня за рукав и спрашивает:

— Где она научилась так играть?

Я пожимаю плечами. Понятия не имею, где она училась играть. Мне известно лишь одно — она классно это делает. Я могу сказать уже только по тому, как реагируют на неё зрители. Моё сердце наполнено гордостью. И чем-то куда большим. С чем она, возможно, ещё пока не готова справиться.

Я несу пиво Кит и останавливаюсь сбоку от сцены, чтобы подождать, когда она закончит песню. Но она спускается по ступенькам, её пальцы летают по струнам, и она, склонившись, сжимает губами соломинку. Кит с жадностью сосёт напиток, и в помещении нет ни одного мужчины, который бы не завидовал мне сейчас. Она продолжает играть, но осушает весь стакан. Потом улыбается мне, быстро целует меня и поднимается по ступенькам обратно на сцену. Отлично. Теперь у меня стояк, как и у любого мужика в радиусе четырёх метров. Внезапно она вновь сбегает по ступенькам. Кивает на вишенки в стакане, и я поднимаю их к её губам. Она подхватывает одну кончиком языка и сжимает во рту. Потом осторожно тянет с черешка. Кивает мне на вторую и смотрит на мои губы. Она поддразнивает меня своей улыбкой, и я поднимаю ягоду к своим губам и открываю рот. Языком снимаю её с черешка, не торопясь, играю с Кит, и вот она склоняется ко мне, открывает рот и забирает у меня вишенку.

Я притворяюсь обиженным, хотя на самом деле я охрененно возбуждён, но ничего не могу поделать с этим и, наверняка, выгляжу как идиот.

Эмили

Я падаю на стул в конце бара, когда освобождаюсь после выступления группы, и облокачиваюсь на столешницу. По моему лицу расплзается улыбка, которую я не в силах подавить. Эбби ставит передо мной стакан с рутбиром.

— Это было офигенно! — говорит она и бросает в стакан две вишенки.

Я киваю. Это было чертовски офигенно! Я до сих пор пытаюсь отдышаться. Поднимаю мокрые волосы с шеи и закручиваю их в пучок, а потом распускаю.

— Давно ты играешь? — спрашивает Эбби. Она протирает барную стойку.

— По-моему, я начала играть ещё до того, как научилась ходить, — признаюсь я. Мне даже не вспомнить то время, когда у меня не было гитары. — Первую гитару подарил мне мой дедушка. — И моему отцу это нравилось, но только до тех пор, пока это не стало единственным, что хорошо у меня получалось.

— Что ж, это заметно. — Она поднимает руку, чтобы дать мне пять. — Это было супер!

Она на мгновение сжимает мою руку и ловит мой взгляд, улыбаясь. А я даже не знаю, что сделать в ответ. Пока ещё.

Оглядываю бар. Наконец-то здесь стало тихо, Логан переворачивает стулья на столы, чтобы помочь уборщикам. Он поднимает край футболки и вытирает им лоб. Когда он наклоняется, его мышцы напрягаются, и я присвистываю.

— Силы небесные! — выдыхаю я.

— Да, этот парень та ещё конфетка, — говорит Эбби, облизывая губы.

— И я хочу облизать его сверху донизу, — отвечаю я тихо, больше себе, чем ей. Моё лицо начинает гореть, как только я понимаю, что она меня слышала.

Она смеётся и продолжает убираться.

— Так что тебя останавливает?

Я показываю на Логана.

— Он.

Её брови взмывают вверх.

— Логан не погладил тебя по шёрстке?

Она показывает пальцем в его сторону. Боюсь, как бы мне не пришлось делать ей искусственной дыхание — до такой степени она выглядит шокированной.

Я качаю головой.

— Меня-то он погладил. Но он не позволяет мне погладить его, — шепчу я в отчаянии. Понятия не имею, почему я говорю об этом с этой девушкой. Наверное, это из-за того, что она работает барменом. У них как-то само по себе получается влиять на людей, чтобы те открывались им и изливали душу. Считайте, и я вывернула себя наизнанку.

Эбби делает шаг назад с отвисшей челюстью. Она смотрит на меня так, словно у меня выросло две головы. Потом она улыбается.

— К чёрту, это вопрос времени, — говорит Эбби, закидывая голову и смеясь.

— Это не смешно, — надуваюсь я. — И не говори ничего Форду, ладно?

Она поднимает руку, словно обращаясь к богу, и говорит:

— Я обещаю, что не скажу ни слова. — Тут она снова смеётся. — Хотя это и новость века, я промолчу о ней.

Вижу, как из задних помещений выходит Пит, но он погружён в разговор с Боуном и ещё каким-то мужиком. Я внимательно смотрю на них. Пит протягивает руку и обменивается рукопожатием с Боуном. Что за фигня? Никому и никогда не следует жать руку Боуну. Никогда. Иначе это будет означать сделку с ним. А сделки Боуна приносят выгоду только самому Боуну.

Логан хлопает в ладоши, чтобы привлечь внимание Пита. Он что-то очень быстро показывает ему, но Пит лишь отмахивается. Логан бросает швабру, которой только что мыл пол, и направляется в сторону парочки. Боун сжимает плечо Пита, а потом отходит от него,

но направляется прямо ко мне.

Боун откидывается на столешницу рядом со мной, и Эбби изо всех сил старается выглядеть занятой. Я наблюдаю за Логаном, который «кричит» на Пита при помощи жестов. Понятия не имею, что он говорит, но что бы это ни было, приятного в нём мало.

Боун смотрит на меня поверх своего плеча и говорит:

— Тебе есть где переночевать, Кит?

Я киваю.

— Ага. Но спасибо, что спросил.

Боун пристально смотрит на меня. Так пристально, что у меня по коже бегут мурашки.

— Дай мне знать, если тебе что-то будет нужно.

— Не вопрос. — Больше я ничего не говорю. Лишь играю соломинкой и жду, когда он уйдёт. Лучше не настраивать его против себя.

Боун встаёт, выпрямившись, кивает мне и идёт к чёрному входу. Он уходит. Логан по-прежнему кричит на Пита, пока ему наконец не удаётся сбить немного спеси с брата. Ведь Логан больше него. Но на этом всё не заканчивается. Когда они только начали разговаривать, у Пита был такой вид, словно он хочет поспорить с братом. Но вот Логан сжимает в кулаке рубашку Пита и толкает его в грудь. Он ничего не показывает. Просто пристально смотрит на Пита, пока тот поднимает руки вверх, сдаваясь. Если бы взглядом можно было убивать, Пит бы уже лежал мёртвым на полу.

Логан отпускает его, и Пит перекачивается с носков на пятки. Он показывает что-то, что успокаивает Логана, но последний по-прежнему взбешён и начинает передвигать стулья с места на место. До этого он их складывал. Теперь же он с силой их бросает. Пит подходит ко мне и что-то ворчит.

— Что ты делал с Боуном, Пит? — спрашиваю я.

— Ничего, — бубнит он.

— Это нехороший человек. Не позволяй ему втянуть себя в неприятности, — тихо предупреждаю его я.

— Почему все думают, что я собираюсь попасть в неприятности? — обиженно спрашивает Пит. Он бьёт себя в грудь. — Я могу сам о себе позаботиться.

— Но не когда рядом такой, как он, — говорю я.

Он смотрит на меня и спрашивает:

— Что ты знаешь о Боуне?

— Больше, чем мне бы хотелось знать, — признаюсь я. Мне приходилось видеть, на что он способен. Что он делал с девушками из приюта. Как он их использовал.

— Кхм-хм, — хмыкает Пит.

И тут же из задних помещений выходят ребята из группы. Вокалист подходит ко мне и шлёпает передо мной небольшую пачку купюр. Он садится на стул рядом со мной, его плечо слишком близко находится к моему, чтобы я почувствовала себя некомфортно. И я отодвигаюсь. Он не понимает намёка.

Я смотрю вниз, на стопку денег.

— Это что? — спрашиваю я.

— Это твоя доля от входной платы.

— Что это значит? — снова спрашиваю я.

Он кивает в сторону главного входа.

— Мы получаем проценты от платы за вход. Это твоя доля. Мы поделили на пятерых.

По моим губам расплзается улыбка.

— Без шуток?

Он улыбается в ответ и кивает.

— Без шуток. — Он кладёт ладонь поверх моей. — Ты хорошо поработала сегодня.

Я убираю руку из-под его руки и вытираю её о джинсы. Здесь больше трёх сотен

долларов. От изумления я открываю рот.

— Спасибо, — говорю я. На такую сумму я могу жить несколько недель.

Он пожимает плечами.

— Ты это заслужила.

В разговор вмешивается Эбби. Она наблюдает за Логаном через весь зал. И предупреждает меня, стреляя глазами в его сторону.

— Девушка Логана офигенно играет на гитаре, да? — спрашивает она.

— Девушка, значит? — тихо спрашивает он у меня.

Я улыбаюсь и киваю.

— Девушка.

Оборачиваюсь и вижу, как к нам идёт Логан. И он не улыбается. А даже наоборот. Я поднимаюсь со стула и встаю между ним и вокалистом. Я даже не знаю имени последнего. Да и мне не особо хотелось бы узнать. Убираю деньги в карман и кладу руки на грудь Логана. Он смотрит на меня сверху вниз и пытается отодвинуть меня с дороги, но я не позволяю ему.

— Когда мы сможем пойти домой? — спрашиваю я, умышленно притягивая его к себе за петли на его джинсах. Наконец он снова смотрит на меня. Его брови нахмурены.

— Какой знак для слова «дом»? — спрашиваю я.

Он показывает мне, глядя прямо в глаза. Я показываю на себя, потом повторяю жест. Логан кивает.

Вокалист проходит мимо нас и говорит так, чтобы услышала я, но Логан не смог увидеть движения его губ.

— Когда он закончит с тобой, сладкая, позвони мне.

Эбби охает. Он смотрит на неё и подмигивает, а она показывает ему средний палец. Он громко смеётся, а потом уходит, остальные члены группы вместе с ним.

Логан хочет поговорить со мной, как пить дать хочет. Но он не будет этого делать на глазах у всех.

— Когда мы сможем пойти домой? — спрашиваю я.

Он оглядывается. Все стулья подняты, Форд моет пол шваброй. Логан хлопает ладонями Питу, и Пит оборачивается. Логан показывает ему знак дома, которому только что научил меня, и Пит кивает. Он ещё злится, но идёт с нами.

Я машу Эбби, и она машет мне в ответ. Она как раз вынимает свою сумку из-под барной стойки, и, я думаю, уже тоже собирается уходить.

— Не пропадай! — кричит она мне.

Я улыбаюсь и киваю. Эбби милая. Она мне понравилась.

Мы идём через бар к чёрному входу и выходим на улицу. Уже утро, пятый час, и я устала, но меня окутывает холодный воздух, и я чувствую себя настолько наполненной жизнью, как уже очень давно не чувствовала. Я только что несколько часов играла с группой. И теперь у меня в кармане немногим больше трёхсот долларов.

Логан берёт мою руку в свою и оглядывается по сторонам. В этот час на улицах ещё темно и весьма страшно. Неожиданно, я очень рада тому, что рядом со мной эти два парня. Они оба как две горы, а из-за татуировок у них ещё более устрашающий вид. Мне хочется поговорить с Логаном, но я знаю, что он вряд ли сможет идти рядом и одновременно видеть мои губы. Поэтому я молчу на протяжении всей нашей дороги до их квартиры. Логан показывает Питу, чтобы тот поднимался вверх, а мы на минутку задерживаемся у лестницы. Он убирает прядь моих волос, прилипшую к губам.

— Тебе правда понравилась сегодняшняя ночь? — спрашивает Логан, как только Пит ушёл.

Я киваю и на мгновение прячу голову на его груди, визжа в неё от восторга. Мне хочется укусить его, но я поднимаю голову и говорю:

— Большое спасибо, что взял меня с собой.

— Что хотел от тебя Боун?

Я пожимаю плечами.

— Того же, что и всегда.

— У тебя были с ним дела? — Он пристально рассматривает меня, его синие глаза изучают моё лицо.

— Никогда. — И это правда. Мне не пришлось падать так низко. Хотя не раз я была к этому очень близка.

Он снова берёт мою руку в свою и начинает подниматься по ступенькам. Мне в какой-то степени даже нравится держаться с ним за руки. Это мило. Он толкает меня вперёд, перед собой, и я поворачиваюсь и говорю:

— А ты знаешь, это впервые, когда я поднимаюсь по этим ступенькам по собственной воле.

Он разворачивает меня обратно, шлёпает по попе, и я слышу, как он усмехается. Этот звук больше похож на бормотание, но в этом весь Логан, и это согревает моё сердце.

Логан

Я так зол на Пита, что едва сдерживаюсь, чтобы бегом не подняться по лестнице и не выбить из него всю дурь. Он связался с Боуном, но он не скажет мне, о чём они разговаривали. Боун — плохой человек, и Пит об этом знает. Ему следовало держаться от него подальше.

Но рука Кит в моей руке, и это отрывает меня от мыслей о том, чтобы придушить Пита. Я останавливаюсь на верхних ступеньках и притягиваю Кит к себе. Она смеётся и падает в мои объятия, её ладони касаются моей груди. Её большой палец трётся о мой пирсинг, и у меня прерывается дыхание.

— Кит, — предупреждаю я.

— Что? — игриво спрашивает она, губы растягиваются в ухмылке. — Даже после того, что сделал со мной в ванной, ты по-прежнему не собираешься позволить мне тебя касаться? Серьёзно?

Она играет. И я это знаю. Но мне не хочется ничего объяснять. Я обхватываю её шею своей ладонью и чувствую тихое урчание в её горле. Боже, я так сильно её хочу.

— Мне понравилось то, что я сделал с тобой в ванной, — говорю я, касаясь губами её губ. Провожу языком там, где они соединяются, и она открывает их для меня. Её бархатистый язык трётся о мой, и я представляю, как она берёт в рот мой член и точно так же проводит языком по нему. Мой стон теряется в ней, и она встаёт на цыпочки, чтобы быть ближе. Её руки скользят вокруг моей шеи, её грудь прижимается к моей груди.

Она поднимает голову, чтобы я мог видеть, что она говорит.

— Когда я смогу отплатить тебе тем же? — спрашивает она. Её щеки мило краснеют, и я уверен, что она смущается, задавая этот вопрос. Господи, она так чертовски красива.

Я качаю головой.

— Этого не случится.

Она отодвигается от меня и хмурит брови.

— И как долго ты собираешься следовать этому правилу? — спрашивает она.

— Пока ты не начнёшь мне доверять.

— Но я уже тебе доверяю, — возражает она.

Это не так. Если бы она действительно мне доверяла, то рассказала бы о своих тайнах.

— Нет, не доверяешь.

— Просто есть вещи, про которые я не могу никому рассказать. — Она обхватывает руками моё лицо. — Даже тебе.

Я чувствую её дыхание на своих губах, и изо всех сил стараюсь не прижать её к стене и не проникнуть в неё прямо здесь и сейчас. Я мог бы стянуть с неё джинсы за считанные секунды. Её ноги обхватывают мою талию. Но она рассеивает мой туман страсти, когда говорит:

— Мне хочется всё тебе рассказать.

— Тебе не обязательно рассказывать мне всё. Но ты не можешь от меня отгораживаться.

Она отпускает меня и отступает назад, прерывисто дыша. Я чувствую потоки её дыхания на своём подбородке.

— В том смысле, как ты отгораживаешься от меня?

Я дёргаю её обратно к себе, но Кит меня отталкивает. Она в бешенстве. Я пытаюсь объясниться.

— Если мне придётся, черт побери, оказаться внутри тебя, то я хочу знать, как тебя называть. Хочу, по крайней мере, знать твоё имя. Потому что, когда это случится, ты будешь принадлежать мне. — Я поднимаю её лицо, чтобы она смотрела на меня. — Ты понимаешь?

Она выглядит неуверенной.

— Ты будешь принадлежать мне. — Я рывком прижимаю её бёдра к своим, давая ей почувствовать, как сильно я её хочу. — Мне большего и не нужно.

Я отступаю назад, отбрасываю волосы с её лица и, открыв двери, тяну её за пальцы, пока она не идёт за мной. Она еле плетётся. Потом дёргает меня за руку, и я смотрю на неё.

— Я хочу того же, что и ты, — говорит она. Но не смотрит мне в глаза. Поэтому я жду, пока она их не открывает. Наконец-то она делает это. Встречается со мной взглядом.

— Я правда хочу того же, что и ты. Только я не могу себе этого позволить.

Я кладу её руки себе на грудь и расправляю пальцы над своим сердцем.

— Но у тебя уже есть я. — Я смеюсь. — С того самого первого раза, в салоне.

Я поднимаю руку, чтобы она могла внимательнее рассмотреть свою татуировку.

— Я помечен твоим грёбаным клеймом, чёрт возьми. — Поднимаю её лицо к своему. — Чего ты боишься? Ты от чего-то прячешься? Я это знаю. Но не знаю, от чего.

Кит закусывает нижнюю губу и тербит её между зубами. Я освобождаю её своим большим пальцем и, склонившись, засасываю между своими губами. Она встаёт на цыпочки и урчит в мои губы. Я отодвигаю её обратно и чувствую гул в её груди, когда она двигается.

— Я расскажу тебе. Не смогу рассказать всего. Но кое-что расскажу, — говорит она.

Моё сердце сжимается. Я беру её за руку и завожу в квартиру. Там стоит тишина. Все уже давно спят.

— Хочешь в душ? — спрашиваю я её. Она потела всю ночь.

— Я думала, ты хочешь поговорить, — говорит она, глядя куда угодно, только не на меня.

— Хочу. — И не хочу. Теперь мне уже страшно. — Прими душ, а потом, если захочешь, мы будем говорить до восхода солнца.

Она кивает и кусает нижнюю губу, и смотреть на это — словно получить удар под дых. Потом она отворачивается от меня. Но внезапно разворачивается обратно. Она ухмыляется и показывает большим пальцем на ванную.

— Не хочешь принять душ со мной, и мы сможем поговорить там?

Что-то подсказывает мне, что если мы окажемся в душе вместе, то уж точно не будем говорить.

— Мы поговорим, когда ты закончишь.

Она выпячивает нижнюю губу. Но пожимает плечами и говорит:

— Попытка не пытка.

Эмили

Я быстро принимаю душ, пытаюсь привести мысли в порядок. Мне следует быть очень осторожной с тем, что я собираюсь рассказать Логану; главным образом, из-за того, что меня ищет куча людей. Я до сих пор встречаю плакаты о себе пропавшей. И в выпусках новостей тоже иногда показывают фотографии прежней меня. Меня, с красивыми лентами в русых волосах и в туфлях, одна пара которых стоит больше, чем весь месячный доход семейства Рид. Я не обращаю внимания на эти объявления, говоря себе, что этого человека больше нет. Так легче.

Я скучаю по дому, это тоска сродни зубной боли. Но я ушла так давно, что уже не могу вернуться назад. Ушла из-за злости. И я просто не могу вернуться из-за стыда или по необходимости. Я вернусь лишь тогда, когда стану достаточно сильной, чтобы постоять за себя. А в последнее время я этого не чувствую.

Обернув одно полотенце вокруг тела, а второе — вокруг головы, я выхожу из ванной. Логан лежит на кровати в одних только боксерах. Он протягивает мне чистую футболку, и я натягиваю её через голову. Он закрывает глаза, когда я разглаживаю футболку и начинаю натягивать трусики. Шум его тяжёлого дыхания слышен на всю комнату, и знать, что это я так на него влияю — это опьяняющее чувство.

— Всё ещё хочешь поговорить? — спрашиваю я. — Или ты сильно устал?

Я разворачиваю полотенце на волосах и провожу по ним расчёской.

— Я не позволю тебе взять своё предложение назад, — предупреждает он. — Тебе не стоит вот так меня дразнить.

Я смеюсь.

— Я не собираюсь забирать его назад. Просто подумала, что, возможно, ты захочешь подождать до завтра.

Он садится, скрестив перед собой ноги. Я ползком взбираюсь на кровать и копирую его позу.

Его взгляд устремляется к моим трусикам, и ему наверняка видна полоска материи между моих ног. Но я продолжаю сидеть со скрещенными ногами. Он стонет.

— Ты меня убиваешь.

Я натягиваю его футболку на колени.

— Ты заставляешь меня рассказать тебе мои тайны. Поэтому ты тоже заслуживаешь немного пыток. — Я смотрю на него до тех пор, пока его взгляд становится невозможно прочитать.

— Что такое? — спрашиваю я.

Он тяжело вздыхает.

Я поднимаю руку, чтобы отвлечь его от меланхоличного настроения.

— Если бы ты мог сделать всё на свете, что бы ты сделал? — спрашиваю я.

Его брови взлетают вверх.

— Предполагалось, что мы будем говорить о тебе.

— Поговорим, — соглашаюсь я. — Обещаю. Только вот сейчас скажи мне, что бы ты сделал, если бы мог делать всё на свете?

Он даже не моргнул. Но его глаза потемнели, когда он произнёс:

— Я бы уложил тебя, сдвинул твои трусики и проскользнул внутрь тебя.

Я замираю. Внутри у меня всё сжимается и дрожит, а моё лицо вспыхивает. Мне хочется точно того же. И очень сильно.

Он смеётся.

— О, а может, ты имела в виду то, что у меня на втором месте?

— Говори, — хриплю я.

— Я бы вернулся в колледж, — говорит он через смех.

— В колледж? Ты учился в колледже?

Он потирает рукой лицо.

— До того, как заболел Мэт. У меня была стипендия.

— Но ты вернулся домой, потому что у Мэта рак? — Я кладу руку на грудь. У меня разрывается сердце. Из-за этой семьи. Из-за Логана.

Он пожимает плечами.

— Нам пришлось взять несколько кредитов за счёт тату-салона, чтобы оплатить его лечение. И потом, он сам больше уже не мог набивать тату из-за опасности заражения. Поэтому мы не могли расплатиться по закладным. Пит и Сэм тогда ещё не были достаточно взрослыми, чтобы тоже работать. Как и набивать татуировки.

— В каком колледже ты учился? — спрашиваю я.

— Нью-Йоркский университет. — Он хмурит брови. — Это важно?

— Но ты отказался от своей стипендии из-за Мэта. Из-за семьи.

Он качает головой.

— У меня академический отпуск. Я ни от чего не отказывался. И я смогу вернуться, когда дома всё наладится.

— А лечение Мэта стоило очень дорого?

Он кивает. Но больше ничего не поясняет. Я и сама могу догадаться, что значила для них такая большая сумма.

— Я тоже хотела, — тихо говорю я. Никто об этом не знает. Никто не знает, что у меня когда-то тоже были мечты. — Ну, не в Нью-Йоркский университет. Я хотела поступить в Джульярд⁹. Но мой отец сказал, что это никчёмные стремления и отказался платить за учёбу там. — Я поднимаю палец, когда Логан открывает рот, чтобы что-то сказать. — Но зато он хотел оплатить свадьбу, которая стоила в четыре раза дороже обучения в Джульярде.

Я качаю головой.

Логан выглядит весьма шокированным.

— Свадьбу? — спрашивает он.

Я киваю, глядя на него из-под опущенных ресниц.

У него перехватывает дыхание.

— Прошу тебя, скажи мне, что ты не замужем.

Я качаю головой.

— Нет. Поэтому я здесь. — Я придвигаюсь вперёд, и наши колени соприкасаются. Больше я нигде его не касаюсь. Но мне нужна какая-то связь с ним. — Мой отец организовал для меня женитьбу. Это всё, для чего я была пригодной, — стать женой сенатора или влиятельного юриста. У меня не было своей собственной ценности, лишь только то, что я могла стать выгодной женой. Я не могу читать, и только такое будущее мне было уготовано.

— Но ты отказалась.

Я киваю.

— Я отказалась. И ему это не понравилось. Поэтому он продолжил без меня. Свадьба была спланирована. Платье куплено. Церковь украшена.

Его брови снова взлетают вверх.

— Но ты убежала.

Я киваю, закусывая нижнюю губу. Он высвобождает её подушечкой большого пальца и проводит по ней. Я целую его палец, и он отстраняется.

— Я убежала, — подтверждаю я. — Утром в день свадьбы. Села на автобус и уехала сюда.

— Ни с чем.

Я показываю ему свои пустые руки.

⁹ Джульярд (англ. Julliard) — одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Находится в Нью-Йорке.

— Я взяла немного одежды, гитару и денег на билет.

— Откуда ты? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Не могу рассказать.

Пока. Я знаю, что когда-нибудь расскажу ему. Но я не могу рисковать — вдруг он позвонит моей семье. Я не могу позволить, чтобы они узнали, где я нахожусь. Мой отец — один из самых богатых людей в стране. Он не пожалеет никаких денег, чтобы вернуть меня домой.

Логан кивает. Он не очень счастлив слышать мой ответ, но понимает его.

— Джульярд, говоришь? — спрашивает он, улыбаясь. Его большой палец скользит по обратной стороне моей ладони.

— Джульярд, — отвечаю я, тоже с улыбкой. — У меня трудности с чтением, но в Джульярде им всё равно. Я даже прошла у них прослушивание, без его ведома. Они захотели меня принять. И даже предложили специальные условия из-за моей дислексии. Но отец решил, что это пустые стремления. У него лишь одно мнение — я не обучаема. По любому предмету.

— Твой отец — идиот, — говорит Логан с каменным выражением лица.

Я смеюсь. Но это смех сквозь слёзы. Он верит в меня. Логан верит, что я смогла бы учиться.

— Что останавливает тебя от учёбы сейчас?

— Мой номер социального страхования, — объясняю я. — Отец ищет меня. И я боюсь, что он силой заставит меня вернуться обратно, если узнает, где я. Он может отслеживать мои передвижения, если я пойду к доктору, открою счёт в банке или буду зачислена в университет.

Логан качает головой.

— Ты совершеннолетняя. Ты больше не во власти своего отца.

— Я знаю. — Я начинаю это понимать. — Не думаю, что я когда-нибудь вернусь.

— Ты скучаешь по ним? По своей семье?

Я дико по ним скучаю.

— Почти каждый день.

— По отцу?

Я киваю.

— По маме?

Я киваю, и на мои глаза наворачиваются слёзы, когда я думаю о ней. Но она не помогла мне, когда я умоляла её об этом. Она встала на сторону отца.

— По братьям или сёстрам?

Я качаю головой.

— У моих родителей нет других детей. Я единственный ребёнок. Не повезло беднягам, да?

— Не говори так, — резко говорит он.

— Но это правда. Я никогда не была тем, кого они хотели.

— И кого же они хотели?

Кого-то другого.

— Кого-то, кто умеет читать. Кто последовал бы по их стопам. У кого нет проблем с чтением уличных указателей и финансовой отчётности. Я не гожусь ни на что из этого.

— Они когда-нибудь вообще видели, как ты играешь? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Видели, но тогда я не играла так, как сегодня.

— Тогда они ещё большие дураки, чем я думал. Сегодня ты была неотразима. Зрители смотрели на тебя, открыв рот.

— Спасибо за такие слова.

Он щурит глаза.

— Но это правда.

— Я очень благодарна тебе, — говорю я. Понимаю, что знаю его всего несколько дней, но мне кажется, будто мы знакомы вечность. — Я достаточно тебе рассказала?

— Нет, — говорит он, смеясь. — Я хочу знать всё.

Может, когда-нибудь.

— Мы можем не спешить с этим?

Я не могу рассказать ему многого, чтобы он не смог связаться с моими родителями. Ведь боюсь, что он сделает это, думая, что помогает мне.

— Ты опасаясь, что я предаю твоё доверие? — спрашивает он, обиженно откидываясь назад.

— У некоторых могут быть добрые намерения. Как у тебя. Но ты не понимаешь, я из всех сил должна сохранить свою анонимность. Я не могу доверять никому. — Потому что если я кому-то доверюсь, то мои родители тут же получают информацию для того, чтобы примчаться и утащить меня обратно в свой мир.

Логан кивает. Он мрачен. Мне следовало бы знать, что это так на него подействует.

— Теперь, когда ты знаешь, почему я здесь, я пойму, если ты захочешь, чтобы я ушла.

Я поворачиваюсь, чтобы схватить свою сумку и начать собирать вещи.

— Какого хрена? — спрашивает он, его рука обвивается вокруг моего живота, поднимая меня, и потом я оказываюсь у него на коленях. Я поворачиваюсь к нему лицом, мои ноги лежат поверх его бёдер. — И куда, по-твоему, ты пойдёшь?

Я тяжело вздыхаю.

— Понятия не имею.

Он поднимает моё лицо и смотрит в глаза.

— Я хочу, чтобы ты была здесь. Останешься?

— Тебя удовлетворит то, что я тебе рассказала?

Он кивает.

— Пока да.

Он смотрит на меня, сузив глаза, и я уже знаю, каким будет его следующий вопрос.

— Ты скажешь мне своё имя?

Я качаю головой. Я не могу.

— Прости, — говорю я.

Логан кивает, прижимая меня к своему плечу. Какое-то время мы остаёмся в этом положении, но потом он отпускает меня из своих объятий. Он отбрасывает одеяла и приподнимает меня, чтобы укрыть ими. После чего забирается за меня и разворачивает меня лицом к себе.

— Я надеялся на большее. Но приму столько, сколько ты готова мне дать. Спасибо за то, что рассказала мне.

— Спасибо, что выслушал.

Я подаюсь вперёд и касаюсь его губ своими. Он колеблется.

— Что не так? — спрашиваю я, отстраняясь.

Он притягивает меня к себе, и я чувствую его член, упирающийся в моё бедро.

— О, — произношу я. У меня сжимается живот. Моё желание не уступает его желанию.

Он нежно отбрасывает волосы с моего лица.

— Ага, — говорит он, усмехаясь. — Когда ты так близко ко мне, это больше похоже на какую-то безумную пытку.

— Знаешь, мы могли бы... — начинаю я. Но он кладёт палец на мои губы, чтобы я замолчала.

— Я могу подождать, — говорит Логан. Протянув надо мной руку, парень выключает свет. Он подвигает меня ближе к себе, и лёгкая поросль на его груди щекочет мне щёку.

— Мне кажется, я могла бы полюбить тебя, Логан, — говорю я в темноту. Он поднимает голову. Я вижу это в серебристом свете, падающем сквозь открытые шторы.

— Ты что-то сказала? — спрашивает он.

Я качаю головой, мой нос трётся о его грудь, поэтому он может почувствовать мой ответ.

— Уверена?

Я киваю, мой нос трётся о него вверх-вниз. Логан целует меня в макушку и забрасывает мою ногу на своё бедро. Я обнимаю его рукой и прижимаюсь ещё ближе.

— Спи, — мягко говорит он.

И я засыпаю.

На следующее утро я просыпаюсь от того, что кто-то осторожно постукивает меня по носу. Я открываю глаза и вздрагиваю, увидев рассматривающую меня мордашку. Мне широко улыбается Хайли.

— Ты спишь? — тихо говорит она.

Спала, пока она не разбудила меня своим постукиванием проголодавшегося птенчика. Я тру сонные глаза и смотрю на Логана. Он лежит рядом со мной, одна его рука заброшена за голову, рот открыт. Я ещё глубже утыкаюсь головой в подушку.

— А где твой папочка? — спрашиваю я.

— Шпит, — говорит она, держа за уши кролика. — Я хотю кусать.

Я прикрываю зевот ладонью. Наверняка у меня пахнет изо рта.

— Ты можешь пойти разбудить своего папу?

Она качает головой.

— Он шкажал идти облатно шпать.

Я смотрю в сторону окна. Солнце едва поднялось над горизонтом.

— Хотю блинчики.

Блинчики?

— А может, лучше кашки? — спрашиваю я, откидывая одеяло и поднимаясь с кровати. Я достаю из комода боксеры Логана и надеваю их.

— Это зе Логана, — говорит она, сердито глядя на меня.

— Думаешь, он будет против, если я их позаимствую? — шепчу ей я.

Она качает головой и улыбается, берёт мою руку в свою и выводит из комнаты.

— Тебе не нужно септать. Логан не мозет шлысать, — говорит она.

Я смеюсь. Она права. И забавно, что эта трёхлетка напоминает об этом мне. Я прижимаю палец к губам, когда мы выходим в коридор.

— Но твой папа может. Тсс.

Она хихикает и повторяет моё шиканье.

Мы идём по коридору, её босые ноги тихо шлёпают по паркету, пока мы не заходим в кухню. Я рыскаю по ящикам и нахожу коробку с кашей.

— Не эта, — говорит она, качая головой. — Мне эта не нравится. — И она показывает на другую коробку. На которой изображён мультяшный герой и написано слово «Фрукты». Но мне-то известно, что никаких фруктов там нет. Ровно как и ничего полезного.

— Твой папочка разрешает тебе это есть? — спрашиваю я.

Хайли ухмыляется и кивает. Я пожимаю плечами и готовлю для неё миску с кашей и молоком. Она достаёт свою ложку из ящика. Малышка прекрасно знает, где что лежит. Она мешает ложкой кашу и качает ногами под стулом.

Я иду и ложусь на диван. Я устала. Думаю, мы с Логаном легли спать где-то в районе пяти утра, и до настоящей минуты прошло не так уж много времени. Откидываюсь назад со стоном и закрываю глаза. Только мне удаётся устроиться поудобнее, как мне в живот впиваются два локтя. Хайли взбирается через меня на диван. По-моему, она наполовину обезьянка. В руках у девочки детская картонная книжка.

— Титай, — говорит она, пихая мне её в лицо.

Я сажусь и притягиваю её к себе на колени. Забираю у неё книгу, открываю её, но слова смешиваются в беспорядочную кучу. Я переворачиваю книгу вверх ногами.

— Однажды, — начинаю я.

— Она не так натинаяется, — жалуется Хайли.

Какая умная девочка!

— Знаю, — объясняю я. — Но книги, они волшебные, и если их перевернуть вверх ногами, то на страницах появится новая сказка.

— Плавда? — спрашивает она, от удивления округлив глаза.

Нет, неправда. Но это всё, что я могу сделать, детка.

— Правда, — подтверждаю я.

Она ёрзает, устраиваясь поудобнее у меня на руках.

Я начинаю придумывать историю на основе перевёрнутых картинок. Она внимательно слушает.

— Жил да был маленький лягушонок. И звали его Рэндольф.

— Рэндольф, — повторяет она, хихикая.

— Но у Рэндольфа была одна большая проблема.

— Ооо, — вздыхает девочка. — Что за плоблема?

— Рэндольф хотел стать принцем. Но его мамочка сказала ему, что он не сможет быть принцем, потому что он всего лишь лягушонок.

И так я читаю завершение сказки.

— Конец.

Она откладывает книгу в сторону и прижимается ко мне. Я целую её в макушку, потому что в этот момент это кажется мне правильным. И она вкусно пахнет.

— Твоя шкажка лучше, чем в книжке, — говорит Хайли.

Моё сердце наполняется гордостью.

— Спасибо.

Если бы только это было так просто — порадовать взрослых во всём мире.

— Хотесь посмотлеть телевизол? — спрашивает она.

Я зеваю.

— Конечно. Почему бы и нет?

Она отходит и берёт DVD-диск.

— Включи его, — указывает она мне.

DVD-проигрыватель стоит под телевизором, и вроде это не должно быть сложным. Я засовываю диск в плеер и включаю телевизор. Начинается фильм, но это не обычное детское кино. В этом фильме детей учат языку жестов. Я падаю на пол рядом с ней. Каждый знак объясняется женщиной и иллюстрируется картинкой. Для тех, кто умеет читать, сверху экрана появляются слова. Но это образовательный DVD для детей.

Хайли сидит рядом со мной и начинает повторять знаки.

— Ты умеешь? — спрашивает она. — Мы утим жнаки для Логана.

Я в восторге.

— Мы учим язык жестов для Логана, — повторяю я с кивком.

Когда заканчивается первый DVD, мы переходим к следующему. У меня изумительная память, иначе мне никак. Поэтому, кажется, я сумела запомнить несколько жестов. От восторга у меня кружится голова. Я упражняюсь в наиболее элементарных жестах с Хайли.

Мы уже почти досматриваем второй DVD, когда в комнату входит Пол.

— Хайли, что ты делаешь?

Он почёсывает живот. Его волосы в полном хаосе и торчат в разные стороны.

Девочка хлопывает меня по щеке.

— Я учу жнаки с девуской Логана, — говорит она.

И мне это нравится. Очень нравится.

— Она тебя разбудила? — спрашивает он, подавляя зевок.
Я отмахиваюсь от него.
— Ничего страшного. Она показывала мне DVD.
Он кивает, поднимая брови.
— Извини, что она тебя разбудила. Возвращайся в постель.
— А можно мне посмотреть остальные попозже? — спрашиваю я, внезапно чувствуя смущение.
Он усмехается.
— Конечно. Мы все так и учились.
Я киваю. Он поднимает Хайли, качая её, пока она не начинает хохотать. Он смеётся над ней.
— В следующий раз, когда я скажу тебе, что нужно оставаться в постели, ты останешься в постели, малышка, — говорит он. Она продолжает смеяться, пока он несёт её в свою комнату, а потом, войдя внутрь, закрывает за собой дверь.
Я зеваю. Кровать зовёт меня обратно. Я возвращаюсь в комнату Логана, где он лежит в той же позе, в какой я его оставила. Снимаю его боксеры и проскальзываю под одеяло рядом с ним. Он тут же обнимает меня, притягивая ближе, перекачивается и перебрасывает через меня ногу.
— Ты в порядке? — спрашивает он.
Я киваю. Я в порядке. Даже невольно думаю, что я именно там, где и должна быть.
Он убирает волосы с моего лица и тыкается в меня губами. Я устраиваюсь поуютнее, прижимаясь к нему, и засыпаю в его объятиях.
Кажется, с этого мгновения прошло всего несколько минут, когда кровать начинает вибрировать.

Логан

Кровать вибрирует, я протягиваю руку и хлопаю по будильнику. Ненавижу рано вставать по субботам. Но я обещал Сэму, что поиграю с ним в парке до того, как откроется тату-салон. Сэм — футболист, которым интересуются сразу несколько колледжей. Он думает, что сможет получить полную стипендию, чему я не могу не радоваться. У него не такие хорошие оценки, чтобы получить стипендию, как моя. Но он может получить образование благодаря спорту, что тоже неплохо.

Урчание в горле Кит свидетельствует о том, что она что-то говорит. Я бы посмотрел на её губы, но она лежит, уткнувшись лицом в подушку.

— Ты что-то сказала? — спрашиваю я, переворачивая её на спину и перебрасывая через неё ногу.

Она ничего не говорит, но показывает мне слово жестом. Моё сердце чуть не выпрыгивает из груди. Она улыбается, потом её карие глаза открываются, и она мне подмигивает.

— Я правильно показала? — Она показывает жестом слово «правильно», но больше ничего.

— Да, правильно. Где ты научилась?

— Посмотрела несколько DVD с Хайли сегодня утром, когда она меня разбудила. — Она зевает и поворачивается ко мне. — Ты будешь говорить со мной жестами? Я хочу научиться этому языку, чтобы мы могли разговаривать, когда рядом твои братья.

Моё сердце переполнилось.

— Я могу научиться языку жестов, — начинает она, как будто хочет подтвердить свою способность к обучению. Я прикладываю палец к её губам.

— Шшш... — говорю я. — Я буду говорить с тобой жестами, когда захочешь.

Кит лежит на спине, моя футболка задралась, обнажая полоску кожи над её трусиками. Я протягиваю руку и провожу ею вдоль шва трусиков, запуская пальцы под резинку. Она ёрзает, её глаза открыты. В них нежность, теплота и мольба.

Мне следует отодвинуться от неё. Но я не могу. Я был не в силах отступить от неё с нашей первой встречи, так с чего бы начинать сейчас.

Наклоняю голову и прижимаюсь губами к этой маленькой полоске кожи, медленно целую её от одного бедра к другому. Она выгибает спину, прижимаясь своим горячим телом ближе ко мне. Если бы она была какой-нибудь другой девушкой, к этому моменту я бы уже давно сдёрнул с неё трусики. Но она не какая-то другая. Она моя. И она особенная. Я издаю громкий стон, резко натягиваю её футболку и поднимаю голову, чтобы быстро её поцеловать. Когда ты только что после сна, не хочется задерживать поцелуй. Но только я собираюсь скатиться с неё, как она хватается меня за плечи и притягивает обратно к себе.

— Знаешь, я не девственница, — говорит она.

Я не двигаюсь. Я не знал. Но мне всё равно.

— Ладно. — Я не знаю, что ещё сказать.

Она закрывает глаза, чтобы не смотреть на меня, когда говорит:

— Я просто хотела, чтобы ты знал, в случае, если именно поэтому ты такой нерешительный.

— Ладно.

Я убираю её руки с моей груди и скатываюсь с неё. Она стучит по моему плечу, и я смотрю на неё.

— Не то чтобы у меня было много парней или типа того. — Она стесняется.

— Я и не спрашивал. — Я улыбаюсь ей в знак поддержки. Но мне вроде как становится легче от её заявления. Я смотрю ей в глаза.

— Ты когда-нибудь делала это с тем, в кого была влюблена? — Я провожу согнутым пальцем вдоль её челюсти.

— Ещё нет, — говорит она.
Я не в силах сдержать улыбку.
— Хорошо.
Я тоже.

Мой член так возбуждён, что мне приходится запихивать его в джинсы. Я отворачиваюсь от неё, пока делаю это и застёгиваю молнию.

— Куда ты собираешься? — спрашивает.

— Побросать мяч с Сэмом.

Она откидывает одеяло, её лицо светится.

— А я могу пойти?

Я останавливаюсь.

— Ты хочешь поиграть в футбол в парке?

Она с воодушевлением кивает, её глаза сияют.

— Есть множество вещей, которые я не могу делать. Но футбол к ним не относится.

— Ты играешь в футбол?

— Играла, — поясняет она. И встаёт в позу силача. — Четыре года в детской лиге.

Я смеюсь.

— Одевайся. Ты можешь пойти со мной.

Кит натягивает джинсы и завязывает волосы наверх, в небрежный конский хвост. Чёрт, она такая красивая. Она достаёт лифчик, поворачивается ко мне спиной, прячет руки под футболкой и одевает его. Через несколько секунд она готова идти. Натянув обувь, она кивает мне.

— Готов? — спрашивает она. — У тебя такой вид, будто ты ни разу не видел, чтобы девушка одевалась так быстро.

— Я никогда не просыпался с девушкой, — говорю я. Она останавливается и глазеет на меня. — Поэтому я вообще ни разу не видел, как девушки одеваются утром.

Обычно они быстро натягивали на себя одежду, когда я выгонял их из своей кровати. Поправка — когда я доводил их до оргазма, а потом выгонял из своей кровати. Но уже скоро, надеюсь, я буду наблюдать, как она одевается, не прикрывая свои лучшие места футболкой.

— Это, кажется, очень интимно, а я никогда не обращал внимания на то, как одевается девушка после того, как покинет мою постель. — Яжимаю плечами. — Мне нравится.

— Так я твоя первая, — дразнится она, на её лице нежность.

Я киваю, не в силах произнести ни слова из-за кома в горле.

— Ты моя первая, — говорю я, подходя к ней. Она думает, что я собираюсь обнять её и подаётся вперёд. Но вместо этого я притягиваю её согнутой в локте рукой и ставлю ей щелбан.

— Это тебе за то, что подкалывала меня, — рычу я.

Она вырывается и проводит рукой по волосам. Потом наклоняется и достаёт из своей сумки зубную щётку.

— У нас нет времени чистить зубы, женщина, — говорю я. — Футбол не ждёт.

— Я никуда не пойду, пока не почищу зубы, — дерзко отвечает она. Потом показывает мне слово «нет».

Я разворачиваю её в сторону ванной и шлёпаю по заднице. Кит подпрыгивает и поворачивается лицом ко мне, пятясь назад. Она грозит мне пальцем, а я иду за ней до ванной. Мы чистим зубы в паре шагов друг от друга. Я представляю, что она мурлычет песенку, и оказываюсь прав, когда кладу руку на её горло.

— Не останавливайся, — говорю я.

Она что-то произносит, но весь её рот в пене от зубной пасты, и я понятия не имею, что она говорит.

— Не переставай напевать, — говорю я.

— Какая тебе-то разница? — спрашивает она, сплёвывая. — Ты всё равно не слышишь.

— В такие моменты ты выглядишь счастливой. Так что не прекращай.

Она замирает, кивает мне и полощет рот. Я тоже. Потом хватаю её за петельки на джинсах и притягиваю к себе.

— Сейчас безопасно тебя целовать? — спрашиваю я.

— Только если ты хочешь опоздать, — предупреждает она, но улыбается мне и уже вплетает свои пальцы в мои волосы на затылке.

Я захлопываю дверь в ванную.

— Тогда давай опоздаем, — говорю я.

Эмили

Сэм раздражён, потому что мы пришли позже, чем он рассчитывал. Не могу сказать, что виню его за это. Потому что когда Логан меня поцеловал, я уже была не в состоянии думать ни о чём другом, кроме него. Но он всегда останавливается раньше, чем я. Никак не могу понять, что с этим делать, разве что дать ему время, чтобы он стал мне доверять. Мы познакомились всего лишь несколько дней назад, а у меня такое чувство, будто я знаю его всю свою жизнь. Он добрый, заботливый и не обращается со мной как с ограниченной из-за моей дислексии. Он, похоже, даже не обращает на это внимания.

Перед нами бок о бок идут Хайли и Пол, кулачок девочки сжимает его указательный палец. Она одета в тёплое розовое пальто с мехом на капюшоне. Малышка восхитительна. Пол смотрит на неё, как будто она для него солнце и луна. Сэм и Пит идут самые первые, но почти на каждом шагу останавливаются, чтобы потолкаться. По дороге Логан то и дело подкидывает мяч в воздух. Я сдерживаю дрожь.

Тогда он показывает мне знак для слова «холодно», подняв вопросительно брови, чтобы узнать, не замёрзла ли я. Я показываю ему, что чуть-чуть. Он передаёт мне мяч, расстёгивает свою спортивную куртку и набрасывает на мои плечи. Я отдаю ему обратно мяч, поглубже укутываюсь в толстовку, продеваю руки в рукава и застёгиваю её до самого подбородка. Поднимаю её и вдыхаю. Она пахнет им.

Зачем? Спрашивает он знаком, а потом имитирует мой вдох. Зачем я нюхала толстовку? Я знаю знак для слова «зачем», и это трогает моё сердце — то, что я знаю.

Я не знаю, как показать жестами, поэтому отвечаю:

— Она пахнет тобой. Мне нравится.

Я пожимаю плечами. Потом разворачиваюсь и иду перед Логаном лицом к нему, потому что ему наверняка трудно читать по губам, когда я сбоку. Он предупреждающе поднимает руку. Качает головой.

Показывает: *Не нужно*. И беззвучно произносит эти слова губами, чтобы я поняла.

— Смотри, чтобы я ни на что не натолкнулась, — предупреждаю его я. Мне нравится смотреть на него. Как, очевидно, и многим остальным женщинам. Его руки обнажены, футболка обтягивает плечи. Видно его татуировки, которые тянутся до самой линии волос на его затылке. Он привлекает много внимания.

— Женщины тебя любят, а? — спрашиваю я. На него посмотрело уже больше чем одна пара глаз, от девочек-подростков до женщин среднего возраста. Все они останавливаются посмотреть, когда он проходит мимо. К тому же, с ним его братья. А вместе они уже группа красивых парней.

Он пожимает плечами, как будто ему неприятен мой вопрос.

Когда мы приходим в парк, Мэт отходит и садится на скамью, и я падаю рядом с ним. Логан уходит покидать мяч с Сэмом и Питом. Пол гонится за Хайли, которая бежит к качелям.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я Мэта.

— Хорошо, — быстро говорит он, не вдаваясь в подробности.

— Ты не выглядишь на «хорошо», — вылетает из меня. Я ничего не могу поделать. Ведь так и есть.

— Спасибо, — шутливо отвечает он. — Обожаю, когда красивые девчонки говорят мне, как плохо я выгляжу. — Кивает головой. — Благодарю.

— Почему ты не остался дома, чтобы отдохнуть?

— Честно? — спрашивает Мэт, глядя на меня краешком глаза. Он наклоняется, опираясь локтями на колени, и срыгает травинку.

— Нет, соври мне, — отвечаю я и закатываю глаза.

Он усмехается.

— Я не знаю, сколько ещё таких моментов мне уготовано пережить. Мне хочется

взять от жизни всё, до последней капли.

На мои глаза наворачиваются слёзы.

— Тебе страшно? — тихонько спрашиваю я.

— Каждый чёртов день, — говорит он, тяжело вздохнув.

— О. — Я не знаю, что сказать. — Какие у тебя прогнозы?

Не знаю, что за любопытство на меня нашло. Мне лишь хочется знать, с чем предстоит столкнуться Логану. И Мэту. Но больше это из-за Логана. Чтобы я смогла сделать что-то, что смягчит удар.

— Не знаю. Через две недели вернусь в больницу, и они скажут мне, помогла ли химиотерапия.

Я киваю. А что я могу на это сказать? *Надеюсь, новости окажутся хорошими. Надеюсь, ты будешь жить. Ах, с тобой всё будет хорошо.* Ничто из этого не кажется подходящим в данный момент.

Он чуть разворачивается в мою сторону, положив руку на спинку скамейки.

— Я попробовал кое-что придумать. На тот случай, когда умру.

Блин. Что я должна на это ответить.

— Разумно. — Я идиотка.

— Это письма к каждому из братьев. Я их уже написал.

— Так этим ты занимался целый день?

Он кивает, поигрывая стебельком травы, покручивая его между пальцами.

— Им будет приятно их получить, если с тобой что-то случится.

— *Когда* со мной что-то случится, — поправляет он меня. — Думаю, это лишь вопрос времени, как долго мне ещё находиться в таком состоянии. Я это чувствую.

Накрываю своей рукой его руку, лежащую на спинке скамейки, и сжимаю её.

— Я могу для тебя что-нибудь сделать? Что-нибудь, чтобы помочь с твоей задумкой?

Он смотрит на меня внимательно. Его зелёные глаза впиваются в мои.

— Если ты ещё будешь рядом, когда придёт время, могу я отдать тебе письма? Чтобы ты отдала их после моей смерти?

— Я ещё буду рядом, — говорю я. Я никуда не собираюсь. И ещё не скоро соберусь. — Так что да, я могу взять твои письма. Лишь скажи мне, как и когда их нужно отдать.

Он кивает.

— У меня есть ещё одно, для девушки. Её зовут Эйприл. Логан сможет её найти. Но он не отдаст ей моё письмо. Он её вроде как ненавидит.

— Наверняка она это заслужила, — бормочу я.

Мэт усмехается.

— Ты не выбираешь, в кого влюбиться. — Какое-то время он сидит молча. Потом говорит: — И не дай им поставить меня на каминную полку. Меня до чертей бесит мысль о том, что моим пеплом заполнят урну.

— Тогда что ты хочешь, чтобы они сделали с твоим пеплом? — Я пинаю камень, лежащий рядом с моей ногой.

— Я плевать хотел, лишь бы не поставили на каминную полку. — Он снова усмехается.

— Не сдавайся пока, хорошо? — спрашиваю я.

Мэт кивает.

— Я буду бороться до самого последнего дня. Но есть вещи, которые мне нужно спланировать.

Я киваю. Мне понятны его чувства.

Подходит Логан и встаёт напротив меня. Он показывает что-то жестами. Единственный жест, который мне знаком, это «девушка».

— Нет, я не подкатываю к твоей девушке, — жалуется Мэт. Потом он смеётся. — Это она ко мне подкатывает.

Логан поворачивается ко мне с открытым ртом. Но его глаза искрятся смехом. Он

дёргает меня за руки, и я поднимаюсь. Потом нагибает меня, перебрасывает через плечо и начинает кружить. Я верещу, закрыв глаза. Конечно, он не уронит меня, но всё равно.

Логан бежит туда-сюда, а Сэм и Пит гоняются за нами. Пит — или Сэм — мне по-прежнему тяжело их различать — шлёпает меня по попе. Поворачиваюсь, чтобы схватить его за руку, но я же на плече у Логана, который продолжает бегать. Он снова кружится, крепко обхватывая меня за ноги. Я закрываю глаза и повизгиваю, хотя понимаю, что он не может меня слышать.

Я хлопаю Логана по заднице, но он не обращает на меня ни малейшего внимания. Внезапно он останавливается и начинает опускать меня вдоль своего тела. Я медленно соскальзываю по нему, выступающие части моего тела трутся о его, но вот мои ноги на земле.

— Привет, — тихо говорит он. Одной рукой он показывает мне жест, другой — обнимает, прижимая меня к себе.

— Привет, — отвечаю я и тоже показываю, как он. Потом я шлёпаю его по груди. — Поверить не могу, что ты это сделал. — Я поворачиваюсь и машу Сэму.

— Кидай мне мяч, — говорю я. Сэм смотрит на меня, словно я сбрендил. — Что? Боишься играть с девчонкой?

Он улыбается и с силой бросает мне мяч. Я срываюсь с места, держа его в руках. Логан бежит за мной, но я оказываюсь быстрее, чем кто-либо из них ожидал. Уже только когда я подбегаю к скамейке, на которой сидит Мэт, Логан хватается за талию и разворачивает. Пока он крепко держит меня, Сэм вырывает у меня мяч.

— Это жульничество! — кричу я.

— Жульничество разрешено, — кричит мне Сэм в ответ.

— И в каких это правилах так сказано? — спрашиваю я, топая ногой.

— Какие такие правила? — усмехается Мэт. Он встаёт на ноги. — Мы с тобой против них? — говорит он и ухмыляется мне.

— Мы сможем обставить их в любой день, — говорю я, обнимая его. Он осторожно сжимает меня, а потом отстраняется и гладит меня по голове, взъерошивая волосы.

Логан бежит по полю, и я бегу за ним. Он поворачивается, чтобы поймать мяч, который бросил Сэм, и как только он его ловит, я сбиваю парня. Врезаюсь в него изо всех сил. Он спотыкается, в то время как я держусь за его футболку, чтобы уцепиться за его ноги. Логан падает, словно большой дуб. Он лежит на животе, но улыбается мне. Я взбираюсь на его спину и сижу на нём, отбирая у него мяч. Отобрав, вытягиваю его в воздух и восторженно восклицаю, неистово колотя ногами. Логан позволяет мне посидеть на нём с минуту, тяжело дыша подо мной. Но потом он опрокидывает меня и перекатывается, так что я оказываюсь под ним.

— Ты жульничала, — говорит он. Его руки крепко удерживают мои запястья.

— Так здесь же нет правил, помнишь? — хохочу я, когда он щекочет меня под рёбрами.

— Перестань! — кричу я.

Он смотрит мне в глаза.

— Мне кажется, я в тебя влюбился, — мягко говорит он.

У меня перехватывает дыхание.

— Думаю, я тоже, — говорю ему в ответ.

Он улыбается и поднимается на ноги, дёргая меня за собой. Его лицо покраснелось, и он ухмыляется.

— Если вы двое закончили с телячьими нежностями, — кричит Мэт, — то нам ещё нужно выиграть игру.

Он двигает бровями. Брать от жизни всё. Нам всем следует почаще так делать.

Логан

Прошло уже почти две недели с её признания в парке. Кит больше не говорила мне этого, как и я ей. Но я знаю, что она меня любит. У меня нет ни капли сомнений. Каждую ночь она спит в моей постели, и всё своё свободное от работы время мы проводим вместе. Я уже так привык, что она всегда рядом, что не уверен, смогу ли снова жить, если она от меня уйдёт. Меня переполняет надежда, что скоро она будет готова к тому, что я от неё хочу. Потому что я хочу её всю целиком. Я хочу её прошлое, её настоящее и её будущее. Мне даже хочется попросить её выйти за меня замуж, но я не могу. Пока что.

Иногда у неё такой взгляд, который мне сложно понять. Она словно ужасно хочет чего-то, чего у неё нет. Не уверен, дом это или что-то другое.

За прошедшие две недели Кит научилась языку жестов и теперь может вести беседу. По правде говоря, у неё классно получается, и, к тому же, она выяснила, что ей куда проще воспользоваться дактильной азбукой¹⁰, чем произносить по буквам то, что написано на бумаге. Как она сама говорит, это что-то связанное с интервалами между буквами.

Сейчас она сидит на диване, на руках у неё Хайли. Кит держит книгу вверх ногами, рассказывая историю, которую сама придумала. Уголки моих губ поднимаются, я не могу сдержат улыбку. Она так здорово вписывается в мою семью.

Каждый день Кит по-прежнему поёт за деньги в метро, пока я работаю в тату-салоне. А вечером в прошлую пятницу группа вынудила её подняться на сцену, когда толпа начала скандировать её имя. Они передавали шапку по зрительному залу, деньги, которые туда бросали, предназначались ей. Она сыграла всего лишь пару песен, а там уже набралось больше сотни долларов.

Кит бережёт каждый цент, который ей удаётся заработать. Мы не позволяем ей платить за жильё. На эту тему у нас с братьями состоялся откровенный разговор, и мы все согласились на одном. Она слишком много для нас делает, чтобы мы брали с неё деньги. Она часто готовит. И, похоже, не может не убираться, хотя мы не раз говорили, что ей не стоит этого делать.

На другом диване, напротив Кит, сидит Пит с девушкой, с которой начал встречаться пару недель назад. Они целуются уже минут десять. Я стою в кухне с Полом. Показываю на них большим пальцем, и Пол хмурится. Он что-то говорит Питу, и тот смущённо смотрит на него. Потом поправляет своё хозяйство, поднимает девушку и направляется с ней в свою комнату. Пол кричит ему, и он возвращается и берёт из ящика несколько презервативов, затем, ухмыльнувшись, скрывается в своей комнате.

— Отлично, — ворчит Сэм. — Теперь мне придётся спать на диване.

Пол улыбается.

— У вас там две кровати.

— Фу, — говорит Сэм. — Я не хочу их слышать.

По крайней мере, парень потрахается, показываю я.

Кит недовольно смотрит на меня через комнату. Будь проклят тот день, когда я научил её языку жестов. Теперь мне ничего нельзя сохранить в тайне. Я пожимаю плечами, и она ухмыляется.

Ты бы тоже потрахался, если бы перестал строить из себя блюстителя нравов, показывает она мне.

Ты только что назвала меня блюстителем нравов? Спрашиваю я, подкрадываясь к ней. Она пересаживает Хайли с колен и запрыгивает на спинку дивана. Поняла, что я иду за ней.

Она бросается за диван и пытается увернуться от моих рук. Но я ловлю её за низ рубашки и рывком притягиваю к себе. Обернув руку вокруг её талии, я поднимаю её и

¹⁰ Дактильная азбука (также дактилология) — это вспомогательная система жестового языка, в которой каждому жесту руки соответствует определённая буква алфавита.

забираю в нашу комнату, захлопывая за нами дверь. Бросаю её на кровать, и она, смеясь, подпрыгивает.

— Ты только что назвала меня блюстителем нравов? — спрашиваю я уже вслух.

— Нет, конечно же нет. — Она смеётся, пока я щекочу её, и изворачивается под моими руками.

— А мне показалось, что назвала. — Я продолжаю её щекотать, потому что знаю, как это сводит её с ума.

— Так докажи, — произносит Кит и параллельно показывает жестами. Теперь я не пропущу ничего из того, что она говорит. Она хватается меня за руки, чтобы я перестал её щекотать.

Я рычу, прижимаясь губами к её горлу.

— Не соблазняй меня, — предостерегаю я.

Она хлопает меня по плечу до тех пор, пока я не поднимаю на неё глаза.

— Я хочу тебя соблазнить. Я очень, очень хочу тебя соблазнить. — На последних словах Кит закидывает голову, и я ощущаю, как вибрирует её горло, когда она издаёт стон. — Ты сводишь меня с ума.

Я усмехаюсь.

— По-моему, это моя фраза.

— Как долго ты собираешься заставлять меня ждать?

Я просыпаюсь каждое грёбаное утро, и она обнимает меня. Каждую ночь я ложусь спать, обнимая её. Каждый день мне приходится долго стоять под холодным душем, чтобы хоть чуть-чуть снять напряжение. Из-за неё я теряю рассудок. Но она ещё не готова для меня. Нет. И она это знает. Как и я.

Я надеваю джинсы, Кит наблюдает. Я уже даже не пытаюсь спрятать от неё свой стояк. Она знает. Знает, как сильно я её хочу. И, думаю, знает, как сильно я её люблю. И уверен, что она любит меня точно так же. Только вот почему она продолжает прятаться от меня?

— Сегодня мне нужно поработать в «Баунс». Пойдёшь со мной?

Кит качает головой.

— Не думаю. У меня свидание с Хайли, будем читать книжку.

Она не смотрит на меня.

Нет у неё никакого свидания.

— Свидание с Хайли сегодня у Пола, — напоминаю ей я.

— О. — Она избегает моего взгляда.

— Ты переживаешь за Мэта, да? — спрашиваю я. Обняв руками её лицо, я смотрю прямо в её глаза.

Она кивает.

— Он слишком много спит. По-моему, это не очень хорошо.

Все мы закрываем глаза на то, что через два дня у Мэта встреча с его врачом, где он узнает свои прогнозы. Все, кроме Кит. Мне кажется, она очень много об этом думает. Я же стараюсь совсем об этом не думать.

— Хочешь остаться дома, чтобы приглядеть за ним? — Я провожу рукой вниз по её волосам и целую её в лоб.

— Ты не будешь против? — спрашивает она, полная надежды.

— Ты же знаешь, здесь Пит, — напоминаю я.

— Пит трахается в своей комнате. Как он узнает, в порядке Мэт или нет?

Она права.

— Спасибо, что остаёшься, — говорю я и снова целую её в лоб. — Сэм идёт со мной. Вызови меня, если я тебе понадобится, ладно?

Кит кивает. Она плюхается на кровать, и мне хочется взобраться на неё. Но я должен идти. Сэм стучит в стену. Я чувствую исходящие от неё вибрации.

Что тебе нужно, Сэм? Спрашиваю я.

— Она, — говорит он, ухмыляясь. И шевелит бровями для Кит.

Я пихаю его в плечо.

Она занята.

Кит усмехается, качая головой. Она привыкает к нам. Я подхожу к ней и поднимаю её за подбородок, чтобы она посмотрела на меня.

— Увидимся позже.

— Рассчитываю на это, — отвечает она.

Эмили

Я подхожу к двери в спальню Мэта, внимательно прислушиваясь к каким-либо признакам жизни. Последние несколько дней он выглядел истощённым, и я волнуюсь за него. *По-настоящему* волнуюсь за него. И за Логана, и за всех остальных. Никто из них не примирился с тем фактом, что Мэт умирает. Они все не обращают внимания, словно их притворство как-то сможет ему помочь.

Его голос, слабый и уставший, просачивается сквозь щель в двери.

— Хватит стоять там и пыхтеть. Заходи уже.

Я открываю дверь и улыбаюсь ему.

— Ты не мог слышать, что я пыхтела.

Он гулко усмехается.

— Я слышал твои шаги. Тебе стоит научиться быть более незаметной. Как Пол. Он приходил прошлой ночью, стоял надо мной и слушал моё дыхание около часа. — Мэт устраивается поудобнее, взбивая подушку и подпихивая её себе под голову. — Он думает, что я спал.

— Почему ты не сказал ему, что не спишь? — спрашиваю я. — Вы могли бы поговорить.

Мэт фыркает.

— Он не хочет говорить. Он хочет привести всё в порядок. Но, боюсь, меня уже не привести в порядок.

— Ты этого не знаешь.

Он тяжело вздыхает.

— Знаю.

Я не могу ничего ответить из-за кома в горле.

— Как вообще дела? — спрашивает он.

Я по-прежнему не могу ничего произнести, поэтому киваю.

— Хорошо, да? — Он перекачивается на бок, чтобы смотреть на меня, его рука лежит под подушкой.

— Мэт, — начинаю я. Но останавливаюсь, закусив нижнюю губу, и мотаю головой. — Не знаю, что тебе сказать.

— Вы с Логаном по-прежнему ходите кругами? — спрашивает он.

Я сдерживаю улыбку.

— Не понимаю, о чём ты.

Он смеётся.

— Это ему на пользу. Только не дай своему труду пропасть зря. — Он щурит глаза. — Он никогда не боролся за девушку. Ему было легко заполучить любую.

Моё лицо краснеет, когда я понимаю, о чём он говорит.

Мэт снова смеётся.

— Да, и в этом смысле тоже. — Он показывает в противоположную часть комнаты. — Помнишь, я говорил тебе о письмах?

Я киваю. Мне не хочется снова говорить об этих письмах. Потому что когда я буду их отдавать, он будет мёртв.

— Они в верхнем ящике. В моём комодe. — Он кивает в этом направлении. — Когда придёт время, забери их, ладно?

Я киваю.

— Заберу. Обещаю.

— Там есть и для тебя.

Я не хочу этого письма.

— Хорошо.

Он берёт мою руку в свою и крепко сжимает. Могу сказать, что это действие даётся

ему с трудом.

— Чем хочешь заняться сегодня вечером? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Посидеть здесь, с тобой.

Мэт улыбается мне. И в нём так много от Логана, что это причиняет боль. Он перекачивается к краю постели и, опираясь на руки, садится.

— Давай посмотрим кино.

Я киваю и беру его за руку, чтобы помочь ему подняться на ноги. Он позволяет мне, но стонет, когда встаёт.

— Ты уверен, что сможешь? — спрашиваю я.

— Помнишь, я говорил тебе, что собираюсь забрать от жизни всё, что смогу? — Он пристально смотрит на меня. Я немного волнуюсь, хватит ли у него сил дойти до гостиной.

— Ну давай, пойдем наслаждаться жизнью, — говорю я. — Хочешь попкорн? — спрашиваю я через плечо. Он идёт за мной.

— Почему бы и нет, — беспечно произносит Мэт. — И я буду уютно прижиматься к девушке Логана, поедая попкорн. — Его голос звучит далеко позади. Но он продолжает идти, поэтому я ставлю попкорн в микроволновку. Зёрнышки начинают монотонно взрываться, и тут до меня доходит — он не пришёл за мной на кухню.

Из коридора раздаётся глухой звук, и я подпрыгиваю.

— Мэт? — спрашиваю я, возвращаясь в коридор. Но Мэт лежит на полу. Из его рта течёт слюна, тело сотрясают конвульсии.

— Ох, блин, — говорю я. — Мэт! — я перехожу на крик.

Поворачиваю его на бок, потому что где-то слышала, что так нужно делать, если у кого-то судороги. Или, может, нужно перекатить на спину. Чёрт, чёрт, чёрт.

— Пит! — ору я.

Пит открывает дверь, он в одних трусах, натягивает через голову футболку.

— Что? — спрашивает он. Но тут же замечает на полу Мэта.

— Что за хрень? — спрашивает он и падает на колени рядом с братом.

— Позвони девять-один-один, — спокойным голосом говорю я. Он сидит и не двигается, тогда я толкаю его и кричу ему в лицо: — Позвони девять-один-один!

Пит отбрасывает страх, вызвавший ступор, и бежит к телефону.

Он говорит им адрес и остаётся на телефоне, пока мы ждём скорую помощь. Он одевается и одновременно разговаривает по телефону, натягивая джинсы прямо передо мной, но мне не до этого. Его подруга сбежала. Она не стоит даже воздуха, которым дышит.

Мэт успокаивается, и я кладу его голову себе на колени. Вытираю слюну с его лица своим рукавом и убираю с его лба волосы. Он лежит неподвижно. Слишком неподвижно. Я даже понятия не имела, как много волос он потерял из-за химиотерапии. И они куда тоньше, чем я себе представляла. Я глажу его по лицу.

— Не сейчас. Ещё слишком рано, — шепчу я ему.

Я иду за бригадой «скорой», которые несут Мэта вниз.

— Один из вас может поехать с ним, — говорит санитар.

Пит смотрит на меня и говорит:

— Мне нужно найти братьев.

Он с мрачным видом проводит рукой по своей короткой стрижке.

Он точно знает, где находится каждый из них, а я — нет. Ни у кого из них нет мобильных, потому что им это не по карману.

— Обуйся, — говорю я ему. Пит смотрит на свои босые ноги и кивает.

Потом он помогает мне залезть в машину скорой помощи, и санитары закрывают двери. Весь остальной мир исчезает, я больше не слышу ни шума улиц, ни гудков машин. Мой слух сосредоточен лишь на неровном пульсе Мэта, отображающемся на мониторе. Каждый раз, когда он запинается, моё собственное сердце тоже пропускает удар, и я

задерживаю дыхание. Наклонившись, я беру руку Мэта.

— Лучше, если вы не будете его трогать, — говорят мне.

Я киваю и сажусь обратно, пристёгивая ремень безопасности, на который они мне указали.

Мои руки трясутся, я не знаю, чем себя занять. Санитары подключают его к капельнице, проверяют зрачки и делают ещё кучу вещей, абсолютно мне непонятных.

Мэт не приходит в сознание. И мне страшно, что он никогда уже не очнётся.

Первым в больницу приезжает Пол с Хайли на руках. Она недовольна и хочет знать, почему они прервали свою встречу. Я протягиваю руки, и малышка подходит ко мне, прижимаясь к моей груди.

— Что произошло? — спрашивает Пол.

— Он ни с того ни с сего упал на пол в коридоре, и его начало трясти, — пытаюсь объяснить я. Но мне ещё нужно постараться держать себя в руках, потому что я обнимаю Хайли.

— Нам можно его увидеть? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Нет пока. Они увезли его и занимаются им.

Пол идёт к телефону-автомату и бросает в него несколько монет. Он поворачивается ко мне спиной и недолго с кем-то разговаривает. Потом возвращается и забирает у меня Хайли.

— Будем ждать, — говорит он.

Хайли хлопывает его по щеке, и я вижу в её глазах слёзы.

— Где Мэт? — спрашивает она.

— Мэт у врачей, — объясняет он, крепко зажмуриваясь.

— Они сделают так, чтобы ему стало лучше? — спрашивает малышка. Она следит своими глазками за взглядом Пола, чтобы он не ушёл от ответа. И хмурится, когда он не отвечает.

— Они изо всех сил постараются сделать так, чтобы ему стало лучше, — говорю я ей.

— Спасибо, — выдавливают Пол.

Я киваю. Большого я сказать не могу. Хайли снова протягивает ко мне руки, и я забираю её к себе. Мы читаем перевёрнутые вверх тормашками книги до тех пор, пока сквозь двери не проносится женщина. Она подбегает к Полу. Её волосы собраны в хвост, и она почти такая же высокая, как он. И ещё женщина очень привлекательна. Пусть Хайли унаследовала цвет волос и глаз от Пола, но всё остальное в ней от её матери.

Женщина прижимается к Полу, и он её крепко обнимает. Я слышу, как они перешёптываются, но не могу понять, о чём именно. Потом она подходит ко мне и поднимает Хайли к себе на руки.

— Спасибо, — произносит она.

Я смотрю в её глаза. Она добрая. Это точно. И ещё она по уши влюблена в Пола. Женщина подходит к нему, что-то шепчет ему на ухо, и он кивает. Она целует его в губы, он целует её в ответ.

— Я позвоню тебе, когда хоть что-то прояснится, — говорит Пол.

Женщина и Хайли уходят. Пол тяжело вздыхает и садится рядом со мной, упираясь локтями в колени.

— Ему не было больно? — спрашивает он.

— Вроде нет. — Его сотрясали конвульсии. Но ему не было больно. Я сомневаюсь, что он вообще что-то чувствовал.

— Это мой самый большой страх. Что когда это случится, ему будет очень больно. Это меня пугает до смерти.

— Значит, ты всё-таки думал об этом, — вырывается из меня. И мне тут же хочется взять эти слова обратно. Но уже слишком поздно.

— Думал об этом. — Пол хмыкает. — Да это единственное, о чём я думаю каждый грёбаный день. Всё время. — Его голос ломается на последнем слове. — Я его старший брат. Я должен был спасти его от всего, что могло бы причинить ему боль. Но от этого я его спасти не могу.

Я просто слушаю, потому что мне нечего сказать, чтобы утешить его.

По его щеке катится слезинка, и он её поспешно вытирает.

— Он знает, как сильно ты переживаешь, — говорю я. Хотя, возможно, мне не следовало.

— Уж лучше бы этот кретин знал, что я чувствую. Я бы умер за каждого из них. И мне бы хотелось, чтобы это был я, а не он. Я бы не задумываясь поменялся с ним местами.

— Он бы не позволил тебе.

И это правда.

Пол усмехается. Но в его смешке нет ни капли веселья.

Двери больницы открываются, и внутрь забегают Логан, Пит и Сэм. Я вскакиваю со стула и падаю в объятия Логана, потому что знаю — он меня поймает. Логан прижимает меня к себе и гладит по волосам. Подходит Пол и начинает с ним говорить. Они общаются жестами, но я могу улавливать смысл. Пол объясняет, что к чему.

Мы можем с ним увидеться? Спрашивает Логан.

Пол качает головой.

— Пока нет. Нам скажут, когда будет можно.

Если будет можно. Но никто не говорит этого вслух.

Логан обхватывает меня рукой и притягивает ближе. Он зарывается лицом в мои волосы, и я чувствую тёплое прикосновение его дыхания к моей шее. Я поднимаю голову и смотрю на него.

— Плохи дела, — говорю я.

Он закрывает глаза и прикладывает кончики пальцев к виску. Он знает.

Теперь нам остаётся лишь ждать.

Братья занимают всю мебель в приёмной, оккупируя почти всё свободное пространство. Но больше здесь никого нет, поэтому это не имеет значения. Каждый из них уступит место, если будет нужно. Пит забрал носки у Сэма, и тот надел ботинки на голые ноги. Пит пришёл босым. Я уже тогда каким-то шестым чувством поняла, что он не вернётся обуться. Он сразу пошёл искать братьев.

Когда наконец-то появляется доктор, такое ощущение, будто прошло несколько дней. Хотя, должно быть, всего несколько минут. А может, часов. Но казалось, что прошли дни.

Доктор тяжело вздыхает и начинает рассказывать. Отрывки его фраз проникают в моё сознание сквозь удары пульса в моей голове.

Химиотерапия не помогла.

Ему стало ещё хуже, чем было.

Они могут позвонить в больницу для безнадежных пациентов.

— Вы больше ничего не можете сделать? — спрашивает Пол.

Доктор садится рядом с ними.

— Мы исчерпали все возможности. Он мог бы пройти через несколько обследований, но его шансы невелики. А то единственное, что может ему помочь, очень дорогостоящее.

Он ждёт. Комната погружается в тишину.

— Насколько дорогостоящее? — спрашивает Пол.

— Сотни тысяч долларов, — отвечает доктор. — У него ведь даже нет медицинской страховки.

Ну, вот и всё. У них нет нескольких сотен тысяч долларов, и их брат умрёт.

Я вытираю слёзы.

— Это лечение, оно может его спасти? — спрашиваю я. — Или лишь продлит

неизбежное?

Доктор смотрит на меня как на самое нелепое существо, которое ему когда-либо приходилось встречать.

— Этот курс лечения весьма успешный. Хотя не существует никаких гарантий.

— Но это даст ему шанс?

— Самый лучший из всех возможных.

Я киваю. Логан прижимает меня к себе.

Я сейчас приду, показываю я ему.

Я знаю, что должна делать. Моё сердце разрывается на две половинки. Но у меня есть только один выбор.

Куда ты? Спрашивает Логан.

В туалет. Я скоро вернусь.

Ты в порядке?

Я киваю. Он наблюдает, как я уйду, его взгляд буравит мою спину. Я чувствую его всю дорогу по коридору. Однако я не останавливаюсь у туалетов. Я продолжаю идти, пока не нахожу телефон-автомат.

Когда я поднимаю трубку, меня охватывает необычное спокойствие. Я нажимаю на кнопку вызова оператора.

— Звонок за счёт абонента в Калифорнию, пожалуйста, — говорю я. Потом на одном дыхании произношу номер телефона. Вечер субботы. Мой отец будет у себя в офисе.

Гудок.

Гудок.

Гудок.

— Офис мистера Мэдисона, — произносит жизнерадостный голос.

— Звонок за счёт вызываемого абонента от... вызывающий абонент, назовите своё имя, — говорит оператор.

— Я бы хотела поговорить с мистером Мэдисоном, — отвечаю я.

— Мы принимаем расходы. — Потом на другом конце повисает молчание. — Эмили, это ты? — спрашивает голос. В нём столько надежды! Всё время, сколько я себя помню, она служила у моего папы секретарём.

— Могу я поговорить с ним? — спрашиваю я.

На мгновение на линии воцаряется тишина, и потом трубку поднимает папа.

— Эмили? — спрашивает он. Мне почти слышно, как колотится его сердце.

— Папа, — говорю я.

— Эм, — протяжно произносит он моё имя, словно выдыхает. Что-то звякает, и я представляю, как он снимает с носа очки и кладёт их на стол. — Где ты?

— Пап, мне нужна помощь, — говорю я. Прислонившись лбом к холодной стене, я стараюсь не расплакаться. Мне хочется оплакивать всё, от чего я отказываюсь. Всё, что я им отдам. Но ещё больше я хочу оплакивать себя.

— Всё что угодно, Эмили, — говорит он. У него перехватывает дыхание. — Ты не ранена?

— Нет, я в порядке. Но я возвращаюсь домой.

— Скажи мне, где ты. Я пришлю за тобой самолёт. — В его голосе настойчивость.

— Пап, сначала я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, сделай это ради меня.

Какое-то время он молчит.

— Что я должен сделать, Эмили?

— Пап, мне нужно, чтобы ты позаботился кое о чём ради меня. — Я вкратце рассказываю ему о Мэте. — Я хочу, чтобы ты помог ему с обследованием. А потом помог с лечением. Используй мои деньги, пап. — У меня их достаточно. Даже очень. Гораздо больше, чем мне нужно.

Он усмехается.

— Нет нужды тратить деньги из твоего трастового фонда, Эм, — говорит папа. — Почему этот молодой человек так много значит для тебя?

— Просто так, папа.

Я слышу, как он щёлкает ручкой.

— Как его зовут?

— Мэтью Рид. — Слова застревают в горле. Он это сделает. *Он это сделает.* Я говорю ему название больницы. — У меня больше нет никакой информации. Я даже не знаю имя его доктора.

Папа снова усмехается.

— Я могу достать любую информацию, которая мне понадобится.

— Ты же это сделаешь, да, папа? — спрашиваю я.

— Эмили, — вздыхает он. — Я это сделаю, если ты вернёшься домой.

Мой голос переходит в шёпот.

— Да, папа. Я понимаю.

— Я уже высылаю за тобой самолёт.

— Пап, мне нужен ещё один день. И ещё мне нужно, чтобы ты уладил всё прямо сейчас. Но мне нужен ещё один день. Если ты дашь мне его, я вернусь домой и сделаю всё, что ты захочешь. — Теперь я его уже умоляю.

Он медлит. И я слышу, как снова и снова щёлкает его ручка.

— Хорошо, — выдыхает он. — Я высылаю за тобой самолёт. Он будет ждать тебя в аэропорту, когда ты будешь готова.

— Позаботься об этом, пап. Ради меня. — Я провожу лбом по плиткам на стене. — Пожалуйста. Пообещай мне.

— Я сделаю для тебя всё что угодно, Эм, — напоминает он мне.

— Увидимся через пару дней, — шепчу я.

— Два дня, Эм, — говорит он. — Не дольше.

И прежде чем линия обрывается, я слышу, как он отдаёт приказы секретарю. Слышу имя Мэта. Слышу, как он говорит ей заняться этим. Всё будет сделано. В этом я уверена.

Я возвращаюсь в приёмную. Доктор уже ушёл, а парни стоят обнявшись.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Они отодвигаются друг от друга.

— Его перевели в палату. Он очнулся. Через минутку мы сможем его навестить, — рассказывает Пол.

Я падаю на стул. Ноги уже не держат меня.

Через несколько минут приходит медсестра и приглашает братьев следовать за ней. Логан берёт мою руку и тянет за собой.

— Но я не член семьи.

— Заткнись, — шепчет он. Потом убирает прядь волос, прилипшую к моим губам.

Я позволяю ему тащить меня за собой.

— Вы можете остаться на несколько минут, — предупреждает медсестра.

Парни вне себя от волнения. Она отодвигает занавеску, и мы видим Мэта, лежащего на кровати. Он весь в трубках и проводах, подключённых к мониторам.

— Привет, ребята, — говорит он. Потом мигает и устраивается поудобнее на кровати.

— В следующий раз, когда захочешь умереть, делай это не на глазах у Кит, придурок, — говорит Логан вслух. В комнате воцаряется тишина. По щеке Логана скатывается слеза, Мэт протягивает ему руку. Логан хватает её, ладонь к ладони, их большие пальцы оборачиваются друг о друга, как это принято у парней, и падает на грудь Мэта. Сэм и Пол обнимают друг друга, и только Пол просто стоит, поэтому я прислоняюсь к его боку. Он обнимает меня за плечи и притягивает к себе.

Мэт наконец отпускает Логана и говорит:

— Чёрт, когда ты научился говорить?

Логан пожимает плечами.

— Эта девчонка учит его всякой новой фигне, — говорит Пол, крепко сжимая меня в объятиях.

— Что произошло? — спрашивает Логан. Он показывает жесты и говорит одновременно.

— У меня было свидание с твоей девушкой, когда я хотел пообжиматься с ней на диване и посмотреть кино, — рассказывает Мэт. — Но всё, что я помню, как моя голова лежит на её коленях. — Он смотрит на меня, его глаза озорно поблёскивают. — Кит, в следующий раз, когда тебе захочется поддержать меня, просто попроси.

Он усмехается.

— Ты помнишь? — спрашиваю я.

Он ухмыляется далёкой от раскаяния ухмылкой.

— Я никогда, ни за что на свете не забуду тот день, когда ты бросила Логана только чтобы обнять меня.

Логан усмехается. Громко. Все смотрят на него, и он пожимает плечами.

— Ты собираешься и дальше говорить, брат? — осторожно спрашивает Пол.

Логан снова пожимает плечами.

Пол сжимает меня.

Внезапно в палату врывается группа докторов.

— Что случилось? — рявкает Пол.

Доктор, который разговаривал с нами, входит через несколько секунд.

— Мы собираемся перевезти Мэта в другое здание, — объясняет он. — Чтобы он начал курс лечения, о котором мы говорили.

— Что? — Мэт ошеломлён. Как и все остальные.

Доктор поднимает руки, чтобы призвать их к молчанию.

— Не хочу вас слишком обнадеживать, — говорит он. — Но сейчас появилась возможность, которой не было до этого.

— Есть шанс, что он будет жить? — спрашивает Пол.

Доктор улыбается Полу и хлопает его по плечу.

— Да, небольшой.

— Но как?

— Я всё ещё разбираюсь с этим. — Доктор смотрит на меня, но я отвожу глаза.

Палата приходит в движение, медсёстры готовят Мэта к переезду.

— Вертолёт ждёт, — объясняет одна из них.

— Но как? — снова спрашивает Пол.

Мэт обнимает по очереди каждого из братьев. Последней он обнимает меня.

— Заботься о них, — говорит он. — Несмотря ни на что.

Я киваю. Я уже это делаю, единственным известным мне способом.

Логан

Мы идём домой, все братья шагают с мрачным видом. Сегодня суббота, чуть после полудня. Я смотрю на часы.

— Чёрт!

— Что? — спрашивает Пол.

— У меня сеанс во второй половине дня. — Кит идёт рядом со мной, но с тех пор как мы вышли из больницы, она ничего вокруг не замечает. — Думаю, можно отменить.

— Ты устал? — снова спрашивает Пол.

Если честно, во мне столько адреналина, что я бы мог взобраться на гору. Или поднять её и отбросить в сторону. Я качаю головой.

— Тогда зачем отменять?

— Мэт, — говорю я. Всего лишь одно это слово.

Пол хлопает меня по плечу.

— Нам нельзя будет увидеть его ещё сорок восемь часов, дурачок, — напоминает он мне.

Точно. Им нужно сделать кучу анализов, исследований и прочей херни, поэтому нам сказали, что мы не сможем прийти до понедельника. Пока он не устроится. Я полон надежд. Я не чувствовал такого подъёма неделями. На моих глазах здоровье Мэта всё ухудшалось и ухудшалось, и я уже был близок к тому, чтобы смириться. Но теперь надежда расцвела во мне. Это несправедливо. Совершенно несправедливо. А что, если ему не станет лучше? Я должен верить, что он выкарабкается.

— Он сказал, что позвонит, когда всё разрешится, — напоминает мне Пол. — А пока нам остаётся лишь ждать.

Кит поднимает глаза, её взгляд сосредоточен, впервые с тех пор, как мы покинули больницу.

— Думаю, тебе стоит пойти в салон. Сделай татуировку. Вам могут понадобиться деньги. — Она не смотрит мне в глаза, когда произносит последнее предложение.

— А можно я пойду с тобой? — спрашивает она. — Хочу посмотреть.

Я обнимаю её одной рукой, и Кит улыбается мне.

— Ты как? — спрашиваю я.

Она кивает и прислоняется ко мне. Я чувствую тёплый воздух на своей коже, когда она вдыхает.

— Хватит нюхать меня, маленькая извращенка, — говорю я.

Её брови взлетают вверх, и она повторяет за мной.

— Извращенка? — Кит смеётся.

Я прижимаю её к себе, желая никогда не отпустить. Теперь она одна из нас. Нас всех. И она моя.

Сэм и Пит идут позади, их головы прижаты друг к другу, они о чём-то шепчутся. А когда они так делают — жди беды.

— Эй, вы двое, что замышляете? — рявкает Пол.

Они отрываются друг от друга, при этом стараясь не выглядеть виноватыми. Хотя у них это ужасно получается.

— Ничего, — говорят близнецы в один голос.

Пол смотрит на них, прищурившись.

— Я вам не верю.

Они робко смотрят на него.

— Я тоже вам не верю, — говорю я.

— Ты нравился мне больше, когда не разговаривал, — отвечает Пит. И тут же ухмыляется.

Я показываю ему средний палец, и он налетает на меня, прыгая на спину. Брат скачет

вверх-вниз, а потом перевешивается через моё плечо, чтобы я мог видеть его губы.

— У меня замёрзли ноги, — говорит он, хлопая своими золотистыми ресницами. — Так что тебе придётся нести меня всю оставшуюся часть пути.

Пит цепляется за меня, как коала. И он охренительно тяжёлый. Как груда кирпича. Но я подталкиваю его повыше и двигаюсь к дому.

Сэм поворачивается спиной к Кит и наклоняется.

— Ты выглядишь усталой, Кит, — говорит он. — Хочешь, прокачу?

Он шевелит бровями. Она смеётся и запрыгивает на него.

— Не похоже, что в этой гонке у меня преимущество, — хриплю я, когда мы идём бок о бок.

В этот момент я не могу не думать о Мэте, о том, чтобы он был с нами. Я уже начинаю скучать по этому доброму великану.

Я уже несколько недель работаю над этой татуировкой. Это огромный белоголовый орёл, раскинувший крылья через всю спину. Спину реально огромного парня. Я нарисовал эскиз, а на прошлой неделе начал закрашивать. И сегодня мне нужно её закончить. Эта татуировка стоит пятьсот долларов, которые весьма бы намгодились. Особенно сейчас.

Я усаживаюсь и начинаю работу, а Кит какое-то время наблюдает через моё плечо. Потом она уходит в переднюю часть магазина, где Пол рассказывает Фрайди о состоянии Мэта. Она обожает Мэта, поэтому и тусуется с ним больше, чем с нами. Фрайди вытирает слёзы.

Со своего места я могу читать по её губам.

— Каковы шансы, что ему утвердят этот курс лечения? Всё это так странно, — говорит она.

Я не вижу, что отвечает ей Пол.

Кит подходит к ним и говорит что-то Полу. С мгновение он кажется ошарашенным, а потом притягивает к себе её предплечье, чтобы рассмотреть. С ней всё в порядке, ведь так? Я откладываю машинку в сторону, но она смотрит на меня через плечо и улыбается. С ней всё хорошо. Пол показывает ей, чтобы она шла за ним, и ведёт её за занавеску. Я вижу, как его губы произносят: «Не пускай его», это для Фрайди. Кого куда не пускать? Но тут он задёргивает занавеску, которая разделяет его и Кит от нас, и я вынужден отложить машинку. Двигаюсь в их направлении. Но передо мной встаёт Фрайди.

— Кит просто делает татуировку, — говорит она, разворачивая меня.

— Что за татуировку?

— Маленькую бабочку или что-нибудь такое же милое. Может, одну из диснеевских принцесс. Она ещё не решила. — Фрайди закатывает глаза. Всё её тело украшено татуировками: черепа с перекрещенными под ними костями, черепахи и прочая ненормальная хрень.

— Я хочу ей помочь что-нибудь выбрать, — говорю я, пытаюсь обойти Фрайди.

— Стоять, — говорит она. — Кит хочет сделать тебе сюрприз.

Я с досадой провожу рукой по волосам.

— Для каждого человека татуировка имеет своё собственное значение, — говорит Фрайди. — Эта будет многое для неё значить, и она единственная, кто решит, что это будет за рисунок.

Я и так это знаю, но мне хочется тоже принять участие. Проклятье.

— Ты не доверяешь Полу? — спрашивает Фрайди, хмуря брови.

Конечно же, я ему доверяю.

— Но она моя девушка, — говорю я. Я знаю, что веду себя как дитя. Но ведь так и есть.

Фрайди хлопывает меня по руке.

— Смирись с этим, тряпка, — говорит она. Потом, сузив глаза, смотрит на меня. — Подожди-ка! И давно ты начал говорить?

Моё лицо вспыхивает.

— Не привыкай, — ворчу я. — Возможно, я больше не стану с тобой разговаривать.

— О, мне несказанно повезёт, — говорит Фрайди, закатывая глаза. Но потом она встаёт на цыпочки и крепко меня обнимает. — Я так рада за тебя.

До меня не доходит, о чём это она. О Кит? Обо мне? О наших отношениях? О том, что я начал говорить? Я отстраняюсь от неё, когда парень, над тату которого я работаю, начинает махать руками. У меня ещё много работы, так что лучше займусь-ка я делом.

Через час Кит и Пол выходят из-за занавески. Она улыбается и идёт ко мне, её предплечье закрыто широкой повязкой. Я закончил татуировку десять минут назад и ждал, когда они закончат.

— Ты дырку в ковре протрёшь, — дразнится Кит.

Пол идёт следом за ней. Он тоже улыбается, но избегает встречаться со мной взглядом.

— Что ты ей набил? — спрашиваю я.

Он принимает угрожающий вид и говорит:

— Заткнись.

Потом показывает на надпись, украшающую стену, которая гласит: «Татуировки индивидуальны, как и люди, которые их делают». Затем на следующую: «Татуировка одного — цель жизни другого». Затем ещё на одну: «Мы не делаем татуировки пьяным». Доходит и до рулона скотча под надписями:

— Продолжай скулить, и я воспользуюсь этим.

— Не смешно, — отвечаю я.

Кит припадает ко мне и обвивает меня руками.

— Что ты сделала? — спрашиваю я.

Она смотрит мне в глаза.

— То, что не позволит мне забыть о тебе и о том, что ты для меня значишь.

— Так она обо мне? — Моё сердце замирает, и я внезапно теряю способность соображать.

Кит улыбается и кивает.

— О тебе.

— Я могу её увидеть? — Я умираю.

Она качает головой.

— Не сегодня.

— А когда? — Блин, я же умираю!

Она пожимает плечами и внезапно грустнеет.

— Что такое? — спрашиваю я, поднимая её лицо.

Она лезет в карман и вытаскивает оттуда сложенный листок бумаги. Протягивает его мне. Её лицо вспыхивает.

— Это твоя татуировка? — спрашиваю я.

Она качает головой.

— Нет.

Я медленно разворачиваю бумажку.

«МЕНЯ ЗОВУТ ЭМИЛИ».

Эмили

Моё сердце колотится так громко, что я его даже слышу. Логан разворачивает клочок бумаги и застывает. Он долго смотрит на него, дольше, чем я ожидала. Я пытаюсь забрать бумажку обратно. Он выдёргивает её. Потом хватается меня за руку и бросается вон из салона, таща меня за собой. Я даже не успеваю попрощаться с Полом и Фрайди. Мои ноги не успевают, волочась за ним по улице.

— Подожди, — окрикиваю я. Но он меня не слышит. Его взгляд сосредоточен на дороге туда, куда он меня ведёт. Я похлопываю Логана по плечу. Но он не останавливается. Он просто продолжает тащить меня сквозь толпу. Я упираюсь пятками и останавливаюсь. Только тогда Логан поворачивается ко мне и вновь тянется к моей руке. Я начинаю опасаться, не собирается ли он снова перекинуть меня через плечо. Потому что мне очень хочется, чтобы это был мой выбор. Чтобы это был наш общий выбор.

— Подожди, — говорю я ему, обнимая ладонями его лицо. Он смотрит на меня. — К чему такая спешка?

— Просто я чертовски сильно хочу тебя, глупая.

Его слова заставляют меня улыбнуться. Наверняка он больше никогда не назовёт меня дурочкой, хотя теперь я понимаю, что для него это всего лишь выражение привязанности, а не способ унижить.

— Я тоже хочу тебя, — признаюсь я.

Логан смотрит на клочок бумаги, зажатый в руке.

— Ты мне доверяешь.

Я киваю.

— Мы можем вернуться в квартиру и поговорить? — спрашивает он. — Обещаю, что не стану набрасываться на тебя сразу же, как мы переступим порог. Думаю, нам есть что сказать друг другу.

Да, есть. Я киваю.

Логан берёт мою руку в свою, поднимает к губам и целует мои костяшки. Сейчас мы идём уже не так быстро.

— Что ты сделала? — опять спрашивает он, показывая на мою руку.

Я улыбаюсь. Я не собираюсь говорить ему. Она для меня. Чтобы я забрала её с собой, когда уйду. Это кусочек Логана. Хотя, честно говоря, кусочек их всех. И он мой. Я не собираюсь им делиться. Не сейчас.

— Да ладно тебе, — клянчит он.

Я качаю головой.

— Нет.

Мгновение он выглядит несчастным. Но тут мы подходим к дому и взбегаем вверх по лестнице бок о бок. Он почти не запыхался.

Мы заходим в пустую квартиру. Никого нет.

— Ты можешь поверить, что они приняли Мэта в эту программу? — спрашивает Логан, направляясь в спальню.

— Невероятно, да?

— Охрененно невероятно, — отвечает он. Эта новость немислимо вскружила ему голову, и мне нравится, что он не скрывает своих чувств.

Но я не хочу говорить про Мэта, потому что боюсь, что разрыдаюсь и расскажу ему, что сделала. Расскажу, чем обязала себя, ради того, чтобы Мэт получил шанс, ради того, чтобы мир Логана остался цельным, со всеми его братьями.

— Я рада, что ему представился такой шанс, — говорю я. Слова застревают в горле. Хорошо, что Логан не слышит этого.

Однако, он догадывается о моих чувствах, потому что подходит ко мне и приподнимает моё лицо пальцами.

— Жаль, что ты была здесь, когда ему стало плохо.

А мне нет. Ничуть не жаль. Я очень рада, что оказалась рядом. Рада, что смогла помочь. И не один раз.

— Я рада, что оказалась рядом. Ни на что не променяю те минуты, когда его голова лежала на моих коленях. — Я не могу сдерживать улыбку.

— Я чертовски сильно тебя люблю, — говорит Логан. Потом наклоняется и целует меня. Его губы мягкие, но настойчивые.

На глаза наворачиваются слёзы, потому что я знаю — это наш последний день вместе.

— Мне нужно принять душ, — говорю я, отстраняясь.

Мне необходимо время, чтобы собраться с мыслями. К тому же, мы всю ночь провели в больнице. Хочется помыться.

Он кивает и показывает на мою руку. Чёрт. У меня же свежая татуировка, обёрнутая бинтом.

— Ты намочишь её, если снимешь повязку.

Но я не хочу снимать повязку.

— А мы можем её просто замотать?

— Почему ты не хочешь, чтобы я её увидел? — Он пристально смотрит мне в глаза. Я не могу объяснить ему этого.

Логан тяжело вздыхает и вскоре возвращается с рулоном пищевой плёнки и водонепроницаемым скотчем. Он заматывает мою руку.

— Вот так. Теперь она точно не намокнет.

Хотя меньше всего меня беспокоит, что она намокнет. Меня беспокоит, не спадёт ли повязка.

— Спасибо, — говорю я и быстро его целую. — Вернусь через несколько минут.

В ванной я раздеваюсь и встаю под душ. Тёплая вода оmyвает моё тело, и тут я понимаю, что страх во мне сменился желанием. Раньше я боялась любви к Логану. Теперь я жажду его любить. И я его люблю. И всегда буду. Но я должна покинуть его, чтобы сберечь то, что ему дорого. Знаю, у меня нет другого выхода. Вода струится по моей спине, и я опираюсь руками на стену, стараясь успокоиться. По лицу стекают слёзы, смешиваясь с водой. Занавеска позади меня отодвигается, меня обдувает поток воздуха.

Я подпрыгиваю, когда за моей спиной в ванне появляется Логан. Его голое тело оборачивается вокруг меня.

— Логан! — взвизгиваю я и тут же ощущаю спиной, как двигается его грудь от смешка.

— Не хочу быть вдалеке от тебя, — говорит он, убирая мои мокрые волосы в сторону, чтобы прижаться губами к моему обнажённому плечу.

Я чувствую, как его твёрдый член прижимается к моей попе, дразня меня. Логан забирает у меня мочалку и намыливает её. Потом проводит ею вдоль моего позвоночника. Медленно, очень медленно. У меня перехватывает дыхание, когда он откладывает мочалку и скользит своими мыльными руками по моей попе, нежно обхватывает ладонями ягодицы. Он не пропускает ничего, ни единого миллиметра, проводя руками вниз по моим ногам, под коленками (я даже никогда не догадывалась, что там так щекотно), к ступням. Я просто стою с закрытыми глазами, не в силах посмотреть на него. Логан выпрямляется и вновь намыливает ладони. В этот раз он уже не берёт мочалку. В этот раз по моему телу скользят его пальцы. Лёгкие прикосновения спускаются вниз вдоль моей руки, где его сильные пальцы переплетаются с моими, он легонько сжимает их и поворачивает меня лицом к себе.

Я не открываю глаза. Меня захлёстывают ощущения, которые он пробуждает. Если я взгляну ему в глаза, не знаю, что со мной случится. Я вспыхну пламенем. Разобьюсь на осколки. Сломаюсь. Или меня накроет оргазм от чистейшего наслаждения, вызванного его прикосновением. Я чувствую его улыбку, когда он прикасается губами к моему плечу. Его руки обхватывают мои груди, большие пальцы нежно поглаживают набухшие соски. Я

выгибаю спину, вдавливая себя в его ладони, и слышу, как он усмехается. Мои глаза резко распахиваются.

С мокрых волос Логана капает вода. Я наклоняюсь и облизываю его грудь. Он застывает и стонет. Его пальцы щипают мои соски, нежно потягивают их.

— Логан, — выкрикиваю я.

Он смотрит на меня и замирает.

— Ты что-то сказала?

— Я не знаю, — отвечаю я. Из меня вырывается смех. — Я ничего не соображаю. А ты хочешь, чтобы я повторила?

— Я почувствовал, как ты что-то сказала, — говорит он, ухмыляясь. — Просто хотел убедиться, что с тобой всё хорошо.

Я прислоняюсь головой к стене. Со мной уже никогда не будет всё хорошо. Логан поглаживает мой живот мыльными руками, и тут его пальцы проскальзывают между моих ног. Я хватаюсь за его плечи.

Он снова берёт мочалку, намыливает её.

— Раздвинь ноги, — приказывает Логан, постукивая по внутренней стороне моего бедра.

Я даже не решалась мечтать о чём-то более сокровенном, чем это. Он моет меня мочалкой между ног. Раздвигает меня ещё шире, моет там, низко рыча. Мочалка медленно двигается по моему клитору, у меня подгибаются колени. Логан отбрасывает мочалку, и его мыльные руки скользят вдоль моих складочек, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда.

— Логан! — вновь выкрикиваю я. Но в этот раз я хлопаю его по плечу. Он смотрит на меня и ухмыляется.

— Что-то не так?

Он снова проводит по моему клитору, а потом подставляет под струю душа. Его пальцы трут меня до тех пор, пока я не перестаю быть скользкой. По крайней мере, скользкой от мыла.

— Думаю, я уже чистая. — Мне больше не выдержать.

Логан поднимается и целует меня.

— Я очень сильно хочу оказаться внутри тебя, — говорит он. Потом ставит меня под душ, чтобы намочить мне волосы, а затем моет их, нежно намыливая. — У тебя отросли корни. Ты блондинка?

Я киваю.

— Но не платиновая. У меня русые волосы.

— Здорово будет увидеть тебя такой. Однажды, может быть. — Он улыбается и целует меня. Потом отодвигается и начинает быстро мыться сам.

— Позволь мне помочь, — говорю я, протягивая руку, чтобы взять у него мыло.

— Если ты сейчас дотронешься до меня, я кончу, — предупреждает Логан. — А мне очень хочется, чтобы это произошло, когда я буду внутри тебя.

Мой живот сжимается.

— О.

Логан усмехается.

— Просто постой рядом и посмотри, — говорит он.

Пока он моет голову, я не отказываю себе в удовольствии осмотреть его тело. Он говорил мне про свой пирсинг, там, внизу. Но не сказал, что это штанга в основании его пениса.

— Это тот самый пирсинг, про который ты мне рассказывал? — спрашиваю я.

Он кивает, сдувая воду с губ. Его член затвердел. Он как каменный. И он длинный. И массивный. Как он поместится во мне? Я уверена только в одном — сегодня ночью он точно будет во мне. Я сама открыла эту дверь, когда назвала ему своё имя.

— Эмили Мэдисон, — говорю я. — Это моё имя. Эмили Мэдисон.

Логан замирает.

— Откуда ты?

Он выключает воду, не отрывая от меня взгляда.

— Из Калифорнии.

— С другого конца страны, — выдыхает он. — Эмили, — повторяет он, взяв в ладони моё лицо. — Это имя тебе подходит.

Я улыбаюсь:

— Хорошо.

Логан вылезает из ванны и возвращается с двумя полотенцами. Он вытирает меня одним из них и заматывает в него. Вторым вытирается сам, а потом оборачивает его вокруг бёдер.

— Пойдём спать? — спрашивает Логан и притворно зевает. — Я очень устал.

Я смеюсь. Боже, этот парень только и делает, что смешит меня.

— Если ты думаешь, что сегодня я позволю тебе поспать, то, увы, ошибаешься, — предупреждаю я, грозя пальцем.

— Одни обещания, — рычит он, своими сильными руками поднимая меня за талию из ванны.

Логан

Она такая красивая, что у меня перехватывает дыхание.

— Эмили, — говорю я.

Мне хочется повторять её имя снова и снова. Она сказала мне и свою фамилию, но, хоть убей, я помню лишь то, что было написано на том клочке бумажки.

— Да, так меня зовут. Хватит повторять, — дразнится она.

Я поднимаю её, и она обхватывает меня ногами за талию. Мой член касается её, и я скольжу вдоль киски. Но я ещё не готов. Мне хочется насладиться каждой секундой. Я несусь Эмили в спальню. Она целует меня, пока я с трудом могу передвигать ноги, так крепко она обвилась вокруг меня.

— Кто-нибудь дома? — Она отодвигается от меня, чтобы задать вопрос.

Боже, надеюсь, что нет.

— Не думаю, — говорю я.

— А если всё-таки есть?

— Тогда тебе придётся быть тише, — смеюсь я. Потому что почти нет шансов, что она будет тихой во время того, что я собираюсь с ней делать.

Эмили утыкается лицом в моё плечо, и я чувствую её дыхание на своей шее. Она нежно целует меня, присасываясь к коже.

— Поставь мне засос, — прошу я.

Вообще-то, это была шутка, но я чувствую, как Эмили царапает зубами мою нежную кожу, и мне очень, очень хочется, чтобы она продолжала делать то, что делает. Потом она осторожно кусает меня, а после высасывает боль.

— Боже, — вырывается из меня стон.

Мой член пульсирует, и я сдерживаюсь от того, чтобы не охнуть. Со стуком захлопнув дверь спальни, я падаю с Эмили на кровать, нависая над ней. Мои чёртовы руки трясутся, и, впервые в своей жизни, я не знаю, что делать дальше.

Чтобы собраться, я останавливаюсь и разворачиваю плёнку на её руке. Когда я пытаюсь развязать бинт, она хватается за меня и шлёпает по рукам. Я застываю, уткнувшись носом в её шею. Мне тяжело дышать.

— Что не так? — спрашивает Эмили, обхватывая ладонями моё лицо.

— Такое ощущение, как будто мне лет четырнадцать, а ты моя первая девушка, — признаюсь я. — Не знаю, что делать дальше.

Я поднимаюсь и разворачиваю её полотенце, потом — своё, вытаскивая их из-под нас.

— Ты делал это уже очень много раз, — напоминает она мне, закатывая глаза.

Я замираю.

— Я никогда ещё не делал этого.

Она сощуривает глаза.

— Я никогда не делал этого с кем-то, кто имел бы значение. С кем-то, кого я люблю. Боже, девочка, ты сводишь меня с ума.

— Можно выключить свет? — спрашивает она. Но тут же понимает, что в темноте я не смогу видеть её губы. — Ладно, неважно.

— Тебя так волнует свет?

Я целую Эмили и обхватываю её грудь ладонью. Нежно приподнимаю её, словно взвешивая, и, наблюдая за лицом Эмили, отпускаю её, прикасаясь губами к соску. Я быстро провожу по нему языком, осторожно, но в то же время с силой. Эмили выгибает спину, её глаза закрываются, и она придвигается ближе ко мне.

Её ноги обвивают мои бёдра, и я чувствую членом, какая она гладкая.

— Вот дерьмо, — говорю я.

— Что? — Она застывает.

— Я забыл взять презерватив.

Она считает на пальцах и качает головой.

— Всё в порядке. Мы можем обойтись и без него. — Она останавливается и закусывает губу. — Если, эээ, он не нужен тебе.

Я проходил тестирование несколько недель назад, когда мы все сдавали анализы костного мозга для Мэта. У меня ничего нет.

— Я никогда не делал этого без презерватива. — Я боюсь. Боюсь, как никогда.

Прижимаясь к её мокрой щелочке, я скольжу вверх-вниз, но не вхожу. Останавливаюсь сверху и прижимаюсь к её клитору. Она такая мокренькая, гладкая и очень, очень сладкая.

Не знаю, что делать дальше, я хочу её очень сильно. Я тяжело дышу, руки трясутся под тяжестью моего веса.

— Эмили, ты сможешь меня принять?

Деликатность пока может подождать. У нас впереди целая вечность, чтобы приспособиться друг к другу.

Эмили протягивает руку между нашими телами и берёт мой член в свою ладонь. Она проводит рукой вверх-вниз по всей длине и затем направляет меня к своей щелочке. Потом поднимает бёдра, чтобы я смог проскользнуть внутрь.

Я не тороплюсь. Мне хочется запомнить каждое мгновение навечно. Но не могу сдержать стон и утыкаюсь в её шею.

— Чёрт, Эмили. В тебе так тесно! Не думаю, что смогу сдержаться.

Она двигает бёдрами, вбирая ещё больше меня. Я полностью погружён в женщину, которую люблю. Посмотрев на её лицо, я вижу в её глазах слёзы.

— Я сделал тебе больно? — Я беру её лицо в свои ладони и вытираю слезинки подушечками больших пальцев.

Она мотает головой и прижимает меня ближе, упираясь ступнями в мою задницу. Я начинаю двигаться.

Эмили целует меня, её язык проскальзывает в мой рот, в то время как мой член скользит в ней туда и обратно. Я даже чувствую сбивчивое дыхание, когда вхожу в неё, а потом выхожу. Она двигает бёдрами, чтобы подстроиться под мои движения.

— Эмили, Эмили, Эмили, — повторяю я.

Я ближе к концу, чем она, но не настолько сильно. Протиснув руку между нашими телами, провожу по её клитору. Она поднимается для меня, её бёдра сильнее вдавливаются в моё тело. Эмили что-то выкрикивает. Я чувствую вибрации в её груди. Смотрю на её лицо. Она повторяет моё имя, снова и снова, и снова.

Её ноги смыкаются за моей спиной, и она напрягается вокруг моего члена.

— Эм, — хриплю я. Горло болит оттого, что я так много говорил. — Эмили, я хочу, чтобы ты кончила, — тихо говорю я. — Давай, Эм, пожалуйста.

Я готов её умолять. Потому что наконец я внутри любимой женщины, но долго мне не продержаться. Внутри неё охренеть как хорошо.

Когда Эмили кончает, она запрокидывает голову, а её киска натягивается вокруг моего члена. Я вхожу в неё как можно глубже. Она втягивает меня изнутри, вдавливая внутрь своими вибрациями, сжимаясь всё теснее и теснее вокруг моего члена. Она рассыпается в моих объятиях, и я наслаждаюсь каждым её сжатием. Смотрю на её лицо, потому что не могу слышать её вскриков. Но я могу чувствовать её, как она оmyвает меня, кончая сильнее, чем я даже мог себе представить. Впрочем, я тоже. Такое ощущение, словно мои яйца вылетят из моего горла. То, как она вбирает меня, почти причиняет боль. Я медленно вхожу в неё и выхожу, не желая останавливаться, но мой член становится слишком чувствительным, и это вынуждает меня прекратить движения.

Руки Эмили обвиваются вокруг меня, когда я падаю на неё, она сжимает меня, но потом её руки исчезают. Она что-то говорит. Я это чувствую. И поднимаюсь.

— Что такое? — спрашиваю я. — Я ведь не сделал тебе больно, нет?

Страх сжимает моё сердце своими острыми когтями.

— Если бы это причиняло боль, то я хочу, чтобы ты делал это снова и снова, всю ночь. — Она усмехается, её тело трясётся от смеха.

Я перекатываюсь на свою половину кровати, но мне не хочется быть далеко от Эмили, поэтому я поворачиваюсь на бок, к ней лицом. Руками убираю волосы с её лица.

— Я тебя люблю, — говорю я.

Она улыбается мне, а потом смущённо прячет лицо в подушку.

— Я тоже тебя люблю, — говорит она. — Что бы ни случилось, прошу тебя, всегда помни, что мои чувства к тебе настоящие. Что я не знаю, как смогу прожить без тебя.

Я отстраняюсь, внимательно глядя на неё. Почему она так говорит? Но Эмили касается меня и опрокидывает на спину. Мой член в полувозбуждённом состоянии, но я тут же становлюсь твёрдым. Она садится на мой член и вбирает его в себя.

— Господи, женщина, — говорю я.

Она такая сексуальная, и ещё влажная из-за того, что я только что кончил в неё.

Эмили опирается ладонями о мою грудь и начинает двигаться. Она делает это неуверенно, и я кладу руки на её обнажённые бедра и направляю её движения. Сначала они медленные, но потом она находит свой ритм и закусывает нижнюю губу. Я освобождаю её и притягиваю Эмили к себе, чтобы поцеловать. Пока она лежит на мне, я трахаю её, грудь Эмили прижимается к моей груди. Она подстраивается под меня, её горло вибрирует от звуков каждый раз, когда я вхожу и выхожу.

Эмили выкрикивает моё имя. Я могу прочитать по губам. Она повторяет его, снова и снова, и снова, но невозможно даже представить, что от этого можно устать.

Она сжимается вокруг меня, и я хочу кончить. Потом она садится, снова поднимаясь и опускаясь на меня, а потом разлетается вдребезги. Она кончает на меня, её руки трясутся, пока по ней проходят волны наслаждения.

Эмили протестует, когда я выхожу из неё. Перекатываю её на живот и подкладываю под её бедра подушку. Она улыбается мне, глядя поверх плеча, такое маленькое ободрение. Оно мне не нужно, но я чувствую гордость от того, что получил её благословение. Я проскальзываю в неё сзади, и отсюда она ещё теснее, и я могу кончить в любой момент. Моя рука находит её клитор. Но она перехватывает её, не давая коснуться. Я борюсь с ней. Мне хочется сделать ей хорошо. Мне очень хочется это сделать.

— Пожалуйста, — шепчу я ей в ухо.

Её рука направляет мою, я тру её клитор до самого конца и кончаю, когда чувствую её оргазм. Я падаю на неё. Она позволяет мне полежать так с минуту, но потом, мне кажется, ей хочется развернуться и что-то мне сказать.

Я переваливаюсь на бок и притягиваю её к себе на грудь. Мои губы касаются её лба и там и задерживаются.

Эмили садится, опираясь локтями на мою грудь, и смотрит на меня.

— Логан, я очень сильно тебя люблю.

Потом она кладёт голову, устраиваясь на мне поудобнее, и засыпает.

Я просыпаюсь до восхода солнца. Свет по-прежнему включен. Логан спит на спине. Я лежу на его груди, мы вспотели, где соприкасается наша кожа. Мне нужно привести себя в порядок и убраться отсюда до того, как он проснётся. У меня сжимается сердце при мысли о том, что я должна его покинуть, и глаза наполняются слезами. Я смотрю на него сквозь их пелену, пока он не становится большим мутным пятном. Большим, прекрасным мутным пятном. Я так сильно его люблю! Я люблю его настолько сильно, что не могу остаться. Люблю его слишком сильно, чтобы оставить без Мэта навсегда. Я просто не могу. Я должна пожертвовать Логаном, чтобы спасти Мэта. Это неизбежно. Можете резать меня на две половинки — большее уже не будет.

Я даю волю слезам, даже не утирая их, пока иду в душ. Стараюсь двигаться как можно тише и одеваюсь в ванной. Там же расчёсываю мокрые волосы, но не заморачиваюсь о большем. Что толку в косметике — моё горе её все равно смоем.

Прокравшись обратно в спальню, я смотрю на лежащего Логана. Как же он красив! Он — это всё, что я хочу, всё, что мне нужно. Но я не уверена в том, что нужно ему. Хотя, нет. Ему нужен Мэт. Ему нужно вместо меня смотреть за тем, чтобы у Мэта было всё для выздоровления. Для жизни. И я даю ему это единственным возможным для меня способом.

Волосы Логана спутались на лбу. Я вспоминаю, как смотрела на него, спящего, в ту первую ночь, и спрашивала себя, смотрела ли на него вот так же и его мать. Ей бы следовало. Он такой симпатяга. И внутри, и снаружи. Он так долго заботился обо мне. И я очень сильно ему доверяю. Но мне нужно это сделать.

Вытираю слёзы и распрямляю плечи. Я могу это сделать. Мне необходимо это сделать. Я поднимаю гитару и свою чёрную холщовую сумку. В ней по-прежнему мало вещей. У меня не так уж много пожитков, чтобы я что-то могла оставить, да это не так и важно.

Я смотрю на гитару. Мне хочется оставить ему частичку себя. То, что даст ему знать, как сильно я его люблю. Прислоняю гитару к стене. Он позаботится о ней за меня. В любом случае, мой отец не позволит мне больше играть. Не будет никакого Джульярда. Будет свадьба. И я буду чьим-то украшением. Меня ждёт будущее, которого я не хочу.

Я ухажу лишь с холщовой сумкой, в которой чуть-чуть одежды. Но ещё там его футболка с логотипом «AC/DC», которую он дал мне в ту ночь, когда мы встретились. Да, это глупо, но мне хочется, чтобы она была у меня. Прежде чем спуститься вниз, я вызываю такси. В таком большом городе никогда не помешает быть чрезмерно осторожной.

Я переминаюсь с ноги на ногу. На улице холодно, а я так и не обзавелась пальто. По-прежнему темно. Из-за уличных огней не видно звёзд. Передо мной притормаживает такси, и я выхожу на тротуар. Подняв глаза на его дом, произношу небольшую молитву за Мэта. С Логаном всё будет в порядке. Он это переживёт. За себя я не уверена, а у Логана будет Мэт и остальные братья.

Сделав глубокий вдох, я сажусь в такси. Говорю шофёру, чтобы он отвёз меня в аэропорт, к входу для частных лиц. Он внимательно смотрит на меня в зеркало. Но потом пожимает плечами и везёт туда, куда я сказала. Я обхожу охрану внутри аэропорта, но мне в любом случае предстоит пройти через зону досмотра. Они связываются с самолётом, и пилот подтверждает им, что я полечу частным рейсом и что у них есть мои документы. Я даже не подумала об этом. Но мой отец позаботился обо всём.

Личный охранник моего папы ждёт меня на верхних ступеньках самолёта.

— Мисс Мэдисон, — произносит он.

— Как дела, Уоткинс? — небрежно спрашиваю я.

Он улыбается.

— Мне нравится цвет волос.

— Любуйся ими, пока есть возможность, потому что папочка заставит меня

перекраситься, как только я вернусь домой. — Я вздыхаю. Я так устала. Застёгиваю ремень безопасности, потому что это требуется, пока самолёт не взлетит и не стабилизируется. Выходит пилот, чтобы поприветствовать меня. Он тоже мне знаком, но я не помню его имени.

— Мисс Мэдисон, — говорит он с кивком. — Я рад, что сегодня вы летите со мной.
— А я — нет, — бурчу я.

Он не отвечает. Просто уходит и начинает готовиться к взлёту. Ещё по-прежнему рано и по-прежнему темно, поэтому, когда мы взлетаем, я даже не могу наблюдать за проносящимся мимо городом. Мне видны лишь огни, но для меня они не относятся к городу. Потому что этот город намного больше, чем это.

Получив разрешение пилота, я расстёгиваю ремень и ложусь на кровать.

— Эмили, принести тебе что-нибудь? — спрашивает меня Уоткинс.

Я прячу лицо в подушку, чтобы он не увидел моих слёз, и мотаю головой.

— Тогда дай мне знать, если тебе что-то понадобится, Эм, — тихо говорит он. Потом добавляет, уже твёрже: — Что угодно.

Я киваю, по-прежнему пряча лицо в подушке.

Я всхлипываю, пока это окончательно меня не изматывает. И засыпаю до конца полёта. Меня будят, чтобы я опять пристегнулась, пока мы будем садиться. Я иду в ванную и умываюсь, расчесываю волосы, привожу себя в порядок. Папа всё равно будет злой как чёрт. Но я, по крайней мере, буду выглядеть презентабельно.

Как только самолёт приземляется, к нему подъезжает лимузин. Уоткинс открывает дверь, и я проскальзываю внутрь. И тут же застываю. Там моя мама. Она полностью собрана, как всегда. Но не в её карие глаза я хочу сейчас смотреть. Мне хочется, чтобы это были голубые глаза Логана. Мне хочется видеть его глаза. Мама смотрит на меня, потом на Уоткинса, и он закрывает дверь и садится рядом с водителем. Он никогда так не делал. Но моя мама может добиться почти всего одним только взглядом.

— Эмили. — Её голос звучит решительно.

— Мама, — отвечаю я.

— Ты выглядишь ужасно, — говорит она. И, наконец, на её лице появляется улыбка.

— Где папа? — Я накручиваю прядь волос на палец.

— Боюсь, твой папа сейчас в немилости. Он ужасно облажался. Так что теперь он больше не отвечает за эту маленькую проблему.

Моя мама никогда так не поступала. Я даже не думала, что она вообще способна на такое.

— Что?

— Твой отец виноват в том, что ты убежала из дома. Твой отец виноват в том, что ты пропала больше чем на шесть месяцев. Твой отец и его замыслы виноваты в том, что я потеряла свою дочь. — На последнем слове её голос ломается. Моя мама никогда не даёт волю эмоциям. Никогда. Но сейчас она сломалась. По её щекам текут слёзы, и она тянется ко мне. Я падаю в её объятия. У моей мамы есть всё, что мне нужно прямо сейчас.

— Я испорчу твою одежду, — предупреждаю я, хлюпая носом.

— Ну и ладно. Мне плевать. — Она прижимает меня к себе. — Расскажи мне всё.

Я сажусь обратно.

— Ты не захочешь слышать все детали.

Она вздыхает.

— Я не смогу помочь тебе, если не буду знать, что не так.

— Мам, — возмущаюсь я.

— Я начну за тебя, — говорит мама, улыбаясь. Она подражает моему скучающему тону: — Итак, этот мальчик...

Она показывает мне, чтобы я продолжала.

Я рассказываю маме о том, почему ушла, где была и что делала.

В конце моей истории она говорит:

— Твой отец по-прежнему ждёт, что ты выйдешь замуж за того мальчика.

Я киваю.

— Я знаю.

— Но этого никогда не случится, ни за что.

Мой взгляд тут же устремляется к ней.

— Сначала мы поедem в салон. А потом позаботимся об этом.

— Мама, — выдыхаю я. — Я обещала папе.

Она похлопывает меня по руке.

— Всё будет хорошо. Доверься мне.

И по неведомой причине, я так и делаю.

В течение следующих четырёх часов мы перекрашиваем мои волосы в мой натуральный цвет; вместо чёрного лака красим мои ногти в глянцевый розовый — «потому что мы не хотим ломать систему настолько сильно», а потом мама посылает кого-то купить мне новую одежду. У неё целая команда людей, выполняющих все её распоряжения.

Когда мы заканчиваем, я похожа на старую себя. Но я уже больше не она. И никогда ею не буду.

Мы подъезжаем к нашему дому, и ворота открываются. Я сбита с толку — повсюду стоят новостные фургоны.

— Что это, мам? — спрашиваю я.

— Это то, как я собираюсь уладить эту ситуацию в твою пользу. — Она рассеянно проводит рукой по моим волосам. — Ты умная девочка, Эмили. И сама можешь принимать решения.

На мои глаза наворачиваются слёзы. Я умная девочка. Это сказал ещё кто-то, кроме Логана.

Логан

Я в ужасе. Эмили нет, но её гитара по-прежнему здесь. Она ушла утром, до того, как я проснулся. Её чёрная сумка тоже пропала. И все её личные вещи. Всё, кроме гитары. Ведь она же не могла уйти от меня, да? Насовсем. Пол сидит рядом со мной на диване и вытаскивает мою руку изо рта, когда я начинаю грызть ногти.

— Она вернётся, — говорит он. — Хватит волноваться.

Она не вернётся. Я уверен. Теперь мне стало понятно, что вчера, когда она сказала мне своё имя и позволила мне быть внутри неё, она не признавалась мне в любви. Она со мной прощалась. Это причиняет невыносимую боль, но это правда. И я в этом уверен.

Звонит телефон. Я вскакиваю, когда вижу, как мигают огоньки, сообщая о звонке. Пол спешит ответить.

— Мэт говорит, чтобы мы включили новости, — передаёт Пол, включая телевизор и щёлкая каналами.

Ведущий новостей что-то рассказывает. Я читаю текст, который воспроизводится большими буквами внизу экрана.

О СЕГОДНЯШНИХ НОВОСТЯХ ПРО ЗНАМЕНИТОСТЕЙ: БЛУДНАЯ ДОЧЬ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ БИЗНЕСМЕНОВ В СОЕДИНЁННЫХ ШТАТАХ СЕГОДНЯ НАШЛАСЬ ЖИВОЙ.

— И какое отношение это имеет к нам? — спрашиваю я Пола.

НАВЕРНЯКА ВЫ ПОМНИТЕ ТОТ АЖИОТАЖ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД, КОГДА ЭМИЛИ МЭДИСОН ПРОПАЛА.

Кадр сменяется фотографией блондинки.

Пол с силой бьёт меня в грудь, чтобы привлечь моё внимание. Это охрененно больно, но мой взгляд прилип к экрану телевизора.

ЭМИЛИ МЭДИСОН ПРОПАЛА БОЛЕЕ ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ НАЗАД, НО СЕГОДНЯ ОНА ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ.

— Это же моя Эмили, — выдыхаю я. У неё светлые волосы. И улыбка на миллион долларов, вместе с такими же дорогими серёжками.

Пол бьёт меня ещё сильнее, и мне приходится посмотреть на него.

— Это Кит? — спрашивает он.

Я машу на него рукой, чтобы он заткнулся. Он увеличивает громкость. Я смотрю на слова внизу экрана. Сползаю вперёд, и теперь моя задница балансирует на краю дивана.

ЭМИЛИ СОГЛАСИЛАСЬ ОТВЕТИТЬ НА НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ.

Я наблюдаю за тем, как девушка, которую я люблю, поднимается к трибуне. Она щурится и поднимает руку, чтобы загородиться от солнца. Я вижу веснушки на её переносице, и моё сердце замирает. Она в Калифорнии.

— Добрый день, — говорит Эмили.

Толпа начинает забрасывать её вопросами. На экране печатают только те вопросы, на которые она отвечает.

— Где я была? — повторяет она. — Все шесть месяцев я была в Нью-Йорке. С этим связана кое-какая история, но я не буду утомлять вас ею. Иногда девушкам нужен перерыв. — Большие буквы говорят о том, что она смеётся. Но в её глазах нет смеха.

С ВАМИ ВСЁ В ПОРЯДКЕ, ЭМИЛИ? — спрашивает кто-то.

— Я чувствую себя отлично, — говорит она. — Лучше, чем когда-либо.

ЭМИЛИ, ВЫ ПСИХИЧЕСКИ НЕЗДОРОВЫ? У ВАС БЫЛ СРЫВ? ВЫ БЫЛИ НА РЕАБИЛИТАЦИИ?

Она удивлённо смотрит на того, кто задаёт эти вопросы.

— Последний раз, когда я проверялась, всё было хорошо. — Она смотрит вниз на своё тело и хлопает себя по бёдрам и животу. — Думаю, со мной всё нормально.

ЭМИЛИ, ВАС УДЕРЖИВАЛИ НАСИЛЬНО?

Она качает головой.
— Нет. Никакого насилия не было. Всё это время я была в полной безопасности.
Кто-то поднимается к трибуне, чтобы увести Эмили, и у меня всё болит, когда я вижу, как она отступает назад. На экране появляется ещё один вопрос.
ЭМИЛИ, КАКИЕ У ВАС ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ?
Она улыбается. Потом смотрит прямо в камеру. Прямо на меня. С таким же успехом она могла бы дать мне под дых.
— Весной я собираюсь в Джульярд, получать музыкальное образование.
У меня внутри всё обрывается.
ПОЧЕМУ НЬЮ-ЙОРК, ЭМИЛИ?
Кому-то удаётся задать ещё один вопрос до её ухода.
Эмили склоняет голову набок и смотрит прямо на меня. Она поднимает руку и показывает знак, обозначающий «я тебя люблю», и я вижу татуировку на её предплечье. Это ключ, в центре которого буквы моего имени. Я смотрю на Пола.
— Ты её сделал?
Он ухмыляется и пожимает плечами.
— Ничего особенного.
Нет, она особенная. До каждой грёбаной детали.
Репортёр повторяет вопрос:
ПОЧЕМУ НЬЮ-ЙОРК, ЭМИЛИ?
— Всё просто, — отвечает она. — Потому что я люблю Нью-Йорк. Я люблю Нью-Йорк всем своим сердцем и жду не дожусь, когда смогу вернуться. Я должна была вернуться повидать папу, который должен был кое-что уладить для меня. Но я возвращаюсь в Нью-Йорк. — Она наклоняется ближе к микрофону. — Я люблю тебя, Нью-Йорк. Никогда не сомневайся в этом. Скоро увидимся.
И тут она машет рукой и исчезает.
Я откидываюсь на спинку дивана, пытаюсь осмыслить всё это в своей голове.
— Вот дерьмо, — говорит Пол. — Это она заплатила за лечение Мэта.
— Что? — Я по-прежнему нахожусь в шоке.
— Она вернулась домой ради тебя, — объясняет он. На другом конце провода по-прежнему висит Мэт, и Пол одновременно разговаривает с нами обоими.
Она сделала всё это ради меня.
— Она сделала это ради меня, — произношу я вслух.
— Хренов везунчик, — говорит Пол, пихая меня в плечо.
— Она вернётся обратно, на весенний семестр в Джульярде.
Тёплое чувство счастья накрывает меня, словно одеяло, которое свеженьким вытащили из сушилки.
Пол кивает.
— К тому моменту Мэт уже будет дома.
Все мы надеемся, что к тому моменту Мэт окажется дома. У Мэта появился шанс вернуться домой, и всё это благодаря Эмили. Я вскакиваю, и Пол заключает меня в объятия.
— Она вернётся? — Я по-прежнему не могу осознать всё это. — Она не уехала навсегда.
— Она только что объявила на весь грёбанный мир о том, как сильно тебя любит, придурок. — Пол снова пихает меня в плечо.
Она вернётся обратно. В Джульярд. Ко мне.

КОНЕЦ

Читайте продолжение серии «Братья Рид» Тэмми Фолкнер в переводе группы
[Translation for you: перевод художественных книг.](#)